

The book cover features a central 3D cube with a black face. The background is a collage of abstract, textured images in shades of red, blue, and black, with a grid pattern visible on the left. The cube's edges are outlined in a rainbow gradient.

Павел Бондарь

**НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Бондарь

Не время для вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57238811

SelfPub; 2020

Аннотация

Где-то посреди пространства и времени существует место, которое некоторые его обитатели называют Выворотом. Там пересекается множество судеб, что принадлежат самым разным людям, зачастую совершенно незнакомым друг с другом. Истории их жизней странны и неопределенны, но сами они этого обычно не замечают, и лишь некоторые задаются одними и теми же вопросами. Почему мир таков, какой он есть? Как и чем они связаны? Что на самом деле такое жизнь и кто в ней они? Когда героям открывается, что их реальность – вовсе не то, чем она казалась, каждый делает свой выбор. Их мысли, слова и поступки, которые часто представляются отрывочными и незначительными, снова и снова мелкими мазками складываются в большую картину, у которой нет ни автора, ни единственно верного толкования. Для тех, кто попал на эту бесконечную спираль, есть только один выход – понять, с чего все началось. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ	6
ОНЕЙРОИД. ПОГРУЖЕНИЕ?	10
I. ВИТОК СПИРАЛИ N/N+1, ПУНКТ 360/180.	116
ПРИЧИННЫЙ ПАРАДОКС	
II. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 0/180.	120
ЛОГОВО ХИМЕР	
III. В ПРЕДДВЕРИИ ГРЕЗ	146
Круг первый. Смирение	146
Круг второй. Значение лопастей	159
Круг третий. Вид из горизонта событий	165
Круг четвертый. Ляг и умри	179
Круг пятый. Профицит дофамина	183
Круг шестой. Акустика зеркальных комнат	197
Круг седьмой. Моноспектакль	222
Круг восьмой. В ожидании птиц	238
Круг девятый. Червоточина	243
IV. НА ТРЕТЬЕМ БЕРЕГУ ЛЕТЫ	253
Предисловие. Об отстраненности	253
Утро. Последнее тихое утро	258
Ночь. Побег из себя	262
Утро. Ради общего блага	269
День. Что хотел сказать автор?	278
Ночь. Уж боле никогда	286

Вечер. Улыбнитесь, вас снимают	288
Ночь. To have and to hold	292
Вечер. Шаг пятый из семи	300
День. Яд каплет сквозь его кору	306
Вечер. На орбите безразличия	322
Ночь. Вещи сломанные, вещи утраченные	330
Конец ознакомительного фрагмента.	331

Каждому, кто найдет здесь что-то для себя

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Эй. Просыпайтесь. Что, вы не спите? Точно? Мне бы вашу уверенность в подобных вопросах. Ну да ладно, не так уж это и важно. О снах мы еще успеем, как и о многом другом. Впереди долгая дорога, и времени хватит, чтобы многое обсудить. Вам не кажется, что нам (в данном случае именно нам, читателю и автору, но в целом – всем, конечно же) это необходимо – ну, поговорить, пофантазировать о том о сем, поднять кое-какие вопросы, попробовать найти на них ответы? Вас, как говорится, что-нибудь беспокоит? Наверняка есть хоть что-то. Меня вот беспокоит очень многое. Собственно, все, что находится дальше – это, по большей части, множество тем, которые я не могу оставить без внимания. Некоторые из идей будут занимать десятки или даже сотни страниц, какие-то – уместятся в несколько строк, другие же станут повторяться раз за разом. Для большей наглядности я буду использовать (преимущественно) формат истории.

Да, стоит отдельно отметить, что здесь действительно существует единый сюжет, это не сказки (кроме тех мест, где прямо указано, что это сказка). Вот там, чуть подальше, за этим предисловием, его и правда можно будет встретить, и даже не раз. Я-то вижу, как он затаился, терпеливо дожидаясь того, чтобы быть найденным, а потом смущенно развести

руками, мол, “поймали, ага, а я тут все время был”. Впрочем, прячется он хорошо, я лично проверял.

Какая из сторон важнее, история или ее смысловая изнанка – это уже вам решать, не смею навязывать свое мнение. Но есть еще как минимум один аспект любого художественного произведения, не такой очевидный и функциональный. Возможно, что и не такой важный. Это личность автора, стоящая за каждой конкретной работой. Звучит так, словно она и правда стоит за книгой, скрестив руки на груди и нахмурившись, оценивая потенциального читателя. Но нет, она – всего лишь материал, из которого состоит любое произведение. Сырье, в процессе упорядочения переработанное в скопления слов – в случае с книгами. Иногда заметить в тексте присутствие автора трудно, а иногда все очевидно. Первое обычно свидетельствует об умении и опыте, второе – как когда. Здесь второй случай. Зачем, ради чего? Наверное, меня всегда забавляла мысль о том, чтобы превратиться в массив информации, создать свою полную цифровую реплику. Ну, чтобы однажды в будущем было удобнее и проще меня восстанавливать. Вот вы разве не хотели бы? В общем, надеюсь, что звук моих слов не будет заглушать их смысла.

Но постойте, у вас, возможно, возник вопрос: если этот разговор будет о том, что интересно мне, если я буду говорить о себе, высказывать собственное мнение, давать личные оценки... Какой же это тогда разговор? Это самый настоящий монолог, который я вам тут пытаюсь впарить под

видом идеи чуть ли не о новом литературном формате. Нет-нет-нет, я, должно быть, не совсем точно выразился. Разумеется, вы можете мне ответить на те или иные слова – существует множество очевидных и доступных способов. Но вообще, я имел в виду Большой Разговор. Который завязывается в голове, а потом уже начинает звучать в материальном мире. Который зреет в отдельных умах, а потом превращается в хор голосов. Для такого разговора есть множество причин, от личных до общечеловеческих. Поиск, развитие, единение, бег за мечтой, стремление к абсолюту или власти, обретение свободы, путешествие, спасение, понимание – выбирайте из этих или придумайте свою. Здесь никто не решит за вас, сами вы по себе или же часть множества. Никто не будет навязывать вам какую-то определенную мораль. Никто не подскажет вам, что делать и думать. Это лишь приглашение к разговору. Я делюсь частью того, что вижу.

Остановитесь на минуту. Вдохните, посмотрите вокруг. Что вы видите? Чего хотите, чего ждете от всего этого? Можете закрыть глаза, чтобы не отвлекаться. Как думаете, все так, как должно быть? А для вас самих – для вас оно такое, как есть в действительности? И есть ли вам вообще до всего этого дело?

Напоследок хотелось бы сказать еще кое-что. Во-первых, всегда следует помнить, что у всего есть причина и следствие, и даже когда они кажутся совершенно очевидными, это может быть совсем не так. Во-вторых, ничто не является

истинным или абсолютным, как бы мы ни стремились вложить в слова вроде “истина”, “абсолют” и “бесконечность” свою человеческую самоуверенность. В-третьих, на что угодно есть неопределенное количество возможных точек зрения, и оно может быть понято неопределенным количеством возможных способов.

Итак, с приветствиями и предисловиями покончено. Если вы все еще думаете, что не спите, и не передумали, то идите за мной, да поскорее – надвигается большая гроза, а это здесь никогда не значило ничего хорошего. Идемте. Я вам тут все покажу.

ОНЕЙРОИД. ПОГРУЖЕНИЕ?

*Я не чувствую прикосновений
Я не помню о том, что знаю
Я за рамкой людских представлений
Я не верую в дни и ночи
Я не слышу чужих изречений
Я закинул за спину язык
Я летаю снаружи всех измерений
Гражданская оборона – Снаружи всех измерений*

Будильник с отвратительным, звонким четырехкратным писком с секундной паузой между повторениями сигнала ворвался в мою голову, пронзая ее насквозь и выдергивая из сна. Это было похоже на бомбардировку, серии из снарядов одна за другой с нестерпимо громким звуком находили свою цель, и возмущенное сознание в шоке поднималось из глубин забытья, потрясая воображаемыми кулаками, движимое единственной целью – добраться до источника шума, схватить и приложить о стену. Странно, что этого до сих пор ни разу не произошло.

Сигнал всегда срабатывал в восемь утра, независимо от того, нужно ли мне было в какой-то конкретный день вставать именно в восемь. Таким образом я хотел выработать привычку всегда просыпаться в одно и то же время, на-

деясь, что благодаря этому пробуждения когда-нибудь станут даваться хотя бы немного легче. Спустя два года утренней ненависти, порывов раздолбать будильник и отчаянного нежелания выбираться из постели я начал смутно подозревать, что что-то пошло не по плану. Через полминуты после начала сигнала четырехкратный писк прервал холодный женский голос: “Время пользователя – 8:00. Внимание: целевой пункт достигнут. Время пользователя – 8:00. Внимание: начать воспроизведение”. И вновь на первый план вышел неприятный писк.

Я позволил себе еще ненадолго остаться в мысленном переходе между сном и явью. Что за сон мне снился? Первой мыслью, которая могла сообщить что-то на этот счет, было неуловимое ощущение, что я, наконец, в безопасности. Кажется, это был тот же мутный сон, что мне снился каждую ночь последнее время – я не помнил о нем ровным счетом ничего, кроме размытых ассоциаций с событиями прошлого дня, закручивающихся в тугую спираль. Да, сон был определенно похож на обычный мой день, но было в нем что-то настораживающее и тревожное, словно какое-то зловещее предзнаменование. Возможно, это просто говорило о том, что в самом конце сна, когда раздался сигнал будильника, я умер – я довольно часто умирал во снах раньше, когда еще мог их запоминать.

Минут через пять после пробуждения я сквозь сонную пелену мыслей почувствовал что-то странное – холод под зад-

ницей и какую-то тяжесть в мышцах, будто я лежал в очень неудобном положении. С некоторым трудом разлепив веки, я был очень удивлен, вместо привычной картины – потолка комнаты с одинокой лампочкой на проводе – увидев потолок ванной и нависающую надо мной лейку душа, с которой раз в несколько секунд падала капля воды, ударяясь об акриловую поверхность ванны в паре сантиметров от моей щеки. Такое неожиданное положение вещей окончательно разбудило меня, и я принял сидячее положение так резко, что слегка закружилась голова. Да, все верно: я сидел в собственной ванне, с включенным светом, без одежды, на запястье – часы, которые я, впрочем, никогда не снимал, а рядом со мной в ванне валялись очки-наушники, упираясь в бедро. Возможно, я вовсе и не спал, а просто поскользнулся, когда принимал душ, ударился головой и потерял сознание? После беглого осмотра головы и помещения ванной я не нашел никаких следов крови, что совсем не исключало версию с потерей сознания – ее вполне могло вызвать что-то кроме удара головой. Хотя какая-то часть меня слушала эти мысли скептически и насмешливым тоном намекала, что все это просто отмазки, и что я знаю настоящую причину. Причину для пробуждения в ванне, для трясущихся рук, для усилий, которые необходимо было прикладывать, чтобы сфокусироваться на одной точке, для легкого озноба, для усталости, для легкости движений, сопряженной с какой-то едва заметной задержкой по времени, с такой же задержкой отклика для

чувств восприятия. С другой стороны, все это можно было замечательно объяснить тем, что я провел ночь на холодной поверхности и в неудобном положении, так что я задвинул этот насмешливый голос подальше.

Я выбрался из ванны, накинул халат и поплелся в другой конец коридора, к тумбе, с которой будильник продолжал издавать раздражающие звуки. Его громкости хватало, чтобы разбудить кого угодно в любой части квартиры – даже через закрытую дверь. В квартире было всего лишь две двери – в ванную и в туалет, кухня была отделена от основного пространства только барной стойкой, а длинный коридор, который вел к входной двери, был чем-то вроде прихожей. Последние три из моих съемных квартир были студиями, и я уже решил, что буду и дальше поддерживать эту закономерность. Когда почти все время находишься дома один, нет ничего лучше, чем свобода от стен и дверей.

За то время, что было необходимо для мучительного расставания с постелью (обычно это все же была постель) и пересечения коридора, по мере того, как просыпался рациональный и цивилизованный человек, с усталым смирением каждый день покорно взваливающий на себя приземленные нужды, обязанности и ответственность за свою жизнь, жажда убийства будильника сходила на нет ровно к тому моменту, когда он оказывался под рукой.

Сначала я глянул на наручные часы и задумался. Ставить ли таймер? Вроде бы никаких поздних тусовок сегодня не

намечается, значит, я лягу в более-менее адекватном состоянии, разве что выпью немного, так что можно и поставить. В случае чего выключу заранее, я еще ни разу об этом не забывал. Ну, предположим, что я засижусь за компом допоздна, как это часто случается в последнее время. Тогда поставлю на 1:40. Таймер пиликнул, уведомляя о том, что запись пошла. Я закрыл глаза, запоминая нужный момент как можно четче, задавая ключевую точку для подсознания.

Закончив с таймером на наручных часах и мысленными манипуляциями, я выключил сигнал будильника и начал установку нового. Мелодия сигнала – та же, хотя скоро ее придется менять, потому что эта уже понемногу теряет свою раздражающую силу. Время сигнала – как всегда, 8:00. Функция “отложить” по умолчанию включена, выключаем. Функция “повторять всегда” по умолчанию тоже включена, выключаем. Внезапный звонок домофона заставил меня вздрогнуть, и я случайно дважды нажал на кнопку, снова включив повтор и одновременно подтвердив установку сигнала. Я подумал, что нужно перенастроить сигнал и направился к входной двери.

В ответ на мое “да?” из трубки домофона раздался звучный и вместе с тем неуверенный мужской голос.

– Привет, слушай, позови сестру.

Какое-то время я пытался вспомнить, что могла у меня дома делать сестра. Она даже не знала, где я сейчас живу, и в гостях у меня была в последний раз две квартиры назад,

когда я пригласил к себе семью на Рождество. С другой стороны, я уже понял, что совершенно ничего не помню о вчерашнем дне. Чувствуя себя полным идиотом, я попросил человека подождать пару секунд и заглянул в комнату, только лишь для того, чтобы убедиться, что сестры там не было. Вернувшись к домофону, я спросил, кого именно позвать, и в ответ услышал совершенно незнакомое имя.

– Ошиблись, такая тут не живет.

Повесив трубку, я еще пару секунд постоял у входной двери, почесывая подбородок и размышляя, откуда в комнате взялся легкий аромат духов, и не пора ли уже побриться. Решив определиться с этим минутой позже, я забрал из ванны очки и направился в комнату, закинул очки на полку под журнальным столиком, выстучал из пачки предпоследнюю сигарету и двинулся в туалет. Через десять минут я вышел оттуда и вновь наведалься в ванную. Умывшись и сильно протерев все еще слипающиеся глаза, я заметил кое-что, что прошло мимо моего внимания сразу после пробуждения – на полке под зеркалом лежала помада. Похоже, мне предстоит еще кое-что вспомнить о вчерашнем дне. Я взял помаду с полки и закинул в ящик в нижнем отделении шкафа в прихожей, и оттуда раздался звук пластмассы, ударяющейся о пластмассу.

С протяжным вздохом я пересек комнату и открыл холодильник. Полупустая пачка апельсинового сока – отлично. Сок был очень холодным, и я пил, пока не перестал чувство-

вать его вкус. Теперь настало время для типового завтрака, быстрого и скромного. Разбивая яйца над сковородой, я пытался мысленно прикинуть, во сколько сегодня нужно закончить на студии, чтобы успеть зайти в магазин за новыми холстами и красками. По всему выходило, что можно спокойно выйти в шесть вечера, значит, на работе нужно быть не позже одиннадцати. Я взглянул на часы – у меня был еще примерно час до выхода из дома. Отлично, значит успею просмотреть мейлы за последние пару дней, посмотрю что-нибудь не слишком залипательное на ютубе, даже побреюсь. И да, нужно не забыть зайти на почту, пора бы отправить посылку для Минс – она уже неделю названивает.

Когда чай был заварен, а аккуратно сложенная вдвое яичница заняла свое место на тарелке рядом с двумя тостами, я перенес завтрак на журнальный столик перед диваном, частично заваленный красками, бумагой и различной канцелярией, и с удовольствием плюхнулся на мягкий матрас. В последнее время я стал замечать, что перестаю наслаждаться едой в той же степени, что и раньше, из-за чего порой объедаюсь всяким трэшем – лишь бы напомнить себе, что это не просто питательные вещества, это должно быть приятно. Если меня разнесет, я не смогу себя заставить бегать, ходить в зал или что-то вроде того, так что теперь я периодически ловил себя на том, что стараюсь есть медленнее, не проглатывая жадно каждый кусок. Наверное, с точки зрения здоровья так тоже было более правильно.

Два коротких аниме-обзора спустя с завтраком было покончено, и я с сожалением допил пачку сока. Наверное, он все же слишком холодный, чтобы одного литра хватало хотя бы на день. Быстро пробежав по папке входящих писем, я не нашел там ничего важного или срочного – сплошные рекламные акции букмекерских контор и книжных магазинов, пара ответов на отправленные по работе письма с вложенными концепт-артами, пара подтверждений регистрации на очередном одноразовом сайте. Онлайн-таблица с ежедневником тоже порадовала: холсты, краски, почта – обо всем этом я вспомнил и сам.

Я быстро принял душ и собирался было побриться, но снова заметил, как жестко у меня сегодня трясутся руки. Если задуматься, то и едва ощутимый озноб, который я так хотел связать с ночевкой в ванне, никуда не делся. Но вот странная заторможенность постепенно проходила, и отклик движений и чувств становился все меньше, а сами движения теряли ту несколько пугающую непринужденность, что сразу после пробуждения. Успокоив себя этими наблюдениями, я все же решил отложить расправу с бородой до завтра. Возвращая бритву в боковой шкафчик, я заметил в самом его углу сигарету, завалящую и одинокую, забытую мной и всем миром. Эта находка значила, что я могу позволить себе еще раз покурить перед выходом из дома, чтобы добить последнюю из пачки уже по пути на почту, а там и до киоска недалеко.

Я сделал себе какао и вышел на балкон. Да, технически в квартире было все-таки три двери – третья вела в царство коробок, высыхающего белья и ненужных мне вещей хозяев, которые те почему-то решили не забирать – например, старый пустой аквариум, шкафчик с покосившейся дверцей, набор детских игрушек. Среди них была рука робота, которая сжимала ладонь в кулак при нажатии на ручку, и первые пару часов после того, как я нашел ее, меня это весьма забавляло. В остальном балкон мне нужен был только для определенной разновидности задумчивых перекуров и развешивания одежды и белья после стирки. Хотя он и не был очень уж маленьким, его общие захламленность и дряхлость, резко контрастирующие с остальной квартирой, сводили на нет все мои порывы немного его расчистить и для чего-нибудь приспособить. Учитывая, что где-то через полгода мне снова нужно будет менять квартиру, это не стоило усилий.

Потягивая какао с неэстетичным сербаньем, я еще раз попытался вспомнить хоть что-то из вчерашнего дня. Или из своего сна. Тщетно – ничего конкретнее расплывчатых образов и ощущений, не дающих себя подробно изучить, память не предоставила. Ну и ладно. Какой может быть вред от одного выпавшего из памяти дня? В конце концов, я помнил, что делал позавчера. Быть может, это и есть то самое вчера, которое я безуспешно пытался нашарить, принимая за него сон. Быть может, я немного сбился во времени, и мой подсчет по календарю споткнулся. Какая разница? Если я что-то

забыл, то это или неважно, или мне об этом рано или поздно что-то или кто-то напомним, тогда и буду с этим разбираться. Я допил какао, потушил сигарету о кирпич под подоконником с внешней стороны окна и щелчком среднего пальца отправил бычок в полет. Выдохнув небольшое облачко дыма, я слегка вздрогнул – то, что я видел сейчас перед глазами, казалось очень знакомым. Мысль о том, что бычок в полете встретит ветку дерева и отскочит в сторону стены дома, пришла одновременно с тем, как именно это и произошло. Забавно, давненько у меня не было дежавю.

На часах было 9:15, и я неторопливо начал готовиться к выходу: почистил зубы, натянул джинсы, выбрал из висящих в шкафу черных и белых футболок самую чистую черную – она же по удачному совпадению оказалась самой плотной и широкой из всех – закинул в рюкзак планшет, кое-какие тетради, запасные наушники, убедился, что на месте оранжевый прозрачный пузырек с таблетками – уже на две трети пустой, скоро нужно будет снова наведаться за рецептом – и электронный пропуск на студию.

Одевшись и собрав все необходимое, я снял с мольберта холст и еще раз осмотрел картину. Ну, в общем-то, здорово получилось – при первом взгляде на полотно даже нельзя было с точностью сказать, что на нем изображено, и только через несколько минут глаз начинал различать портрет темноволосой девушки, затем очертания принимали форму абстрактного пейзажа, и дальше количество различаемых об-

разов только увеличивалось. Я довольно улыбнулся и завернул картину в прозрачную пленку и упаковочную бумагу, заклеил почтовым скотчем и наклеил заранее заполненный бланк.

Наконец, когда минутная стрелка показала половину десятого, я нацепил солнцезащитные очки, взял упакованную картину под мышку, захватил пустую пачку из-под сока и подошел к входной двери. Неожиданно вспомнив кое о чем, я протянул руку в шкаф и взял с полки зеленый конверт, незапечатанный и без каких-либо надписей, с минуту посмотрел на него, вспоминая о разном – в основном о том, что нужно было оставить позади и забыть – и вышел из квартиры.

Моя квартира располагалась на последнем этаже шестиэтажного дома, в котором не было лифта, зато была любопытная лестница, уходящая вниз круговыми витками спирали. Эта лестница напомнила мне спиральные образы из сегодняшнего сна, и я еще больше убедился в том, что снилось мне что-то рутинное и повседневное. Выйдя из подъезда, в первую очередь я увидел большую ворону, может даже ворона, на спинке скамейки, что стояла на крыльце. Птица переминалась с лапы на лапу, наклонив голову, искоса поглядывала на меня. Даже когда я прошел совсем близко, она не испугалась и не улетела, только отметила этот момент глухим клекотом.

Я смял зеленый конверт, выкинул его в урну и, включив музыку в наушниках, направился в сторону почтового отде-

ления.

* * *

После отправки посылки для Минс я купил пачку сигарет в киоске, посмотрел на часы и зашагал вдоль трамвайных путей к остановке. Последние два года каждое мое место проживания находилось не больше, чем в полчаса езды от работы. Надо признаться, поиск новой квартиры всегда давался нелегко: необходимо было каким-то волшебным образом найти не слишком потрепанное судьбой место, которое бы сочетало в себе адекватную цену, все нужные удобства и хорошее расположение относительно работы и мест, куда я обычно хожу в свободное время, и при всем при этом подразумевалось, что я сговорюсь с хозяевами первым, даже не дав шанса каким-нибудь благонадежным молодым семейным парам и девчонкам-студенткам. Обычно на все уходило около двух недель облизывания сайтов с арендой и поездок по городу, но в итоге как-то всегда все складывалось.

Когда я уже подходил к остановке, мне позвонил Эйч, и через минуту-две стандартного трепа ни о чем и взаимных подколов сообщил, что сегодня неплохой день для пула – Курт вчера вышел в отпуск и хочет встретиться вечером, рассказать про какие-то грандиозные планы (у него всегда во

время отпуска появлялось непреодолимое желание куда-то съездить, посмотреть все фильмы, заняться теннисом, футболом, боксом, пройти все игры, устроить тусовку-другую на пару десятков человек и так далее), ну и повыпендриваться своим отпуском, конечно. В этот раз он хотя бы начал всего лишь с пула, так что я сказал Эйчу, что да, забились, встретимся в семь вечера у бильярдного клуба на Солях. Солями называли или весь проспект Солидарности, или – чаще – место его пересечения с двумя главными улицами Верхнего города, которое собственно и было точкой соприкосновения этого торгово-туристического района, состоящего из мощеных узких переулков, пафосных заведений и магазинов, колоритных площадей с монументальной архитектурой, с лежащим по другую сторону проспекта уже довольно приземленным северо-восточным районом, где в основном располагались офисные и жилые кварталы. Если Верхний город был южной оконечностью центра, всегда казавшегося мне совершенным с точки зрения застройки, благоустройства и баланса между современным миром стекла и асфальта и историческим миром кирпича и брусчатки, то Северо-Восток находился на “втором поясе”, а за ним лежали уже совсем не живописные окраины.

Трамвай не заставил себя долго ждать, и я занял привычное место в конце салона по правой стороне, куда большую часть пути не попадало солнце. Такие вещи, как память о положении солнца в определенное время относительно по-

ложения трамвая, одни и те же билборды, проплывающие мимо, одни и те же паттерны движения и остановок на перекрестках, одинаковые каждый день мысли при взгляде на одинаковые каждый день вещи под одинаковую каждый день музыку – все это постепенно проникало в мой мозг и медленно отравляло его ощущением, будто я застрял в топи, и все вокруг ужасно вялое, предсказуемое и тягучее. Не спасали ни походы в новые заведения, ни появление эпизодических запойных увлечений, ни разнообразие рабочих проектов, ни периодические знакомства с новыми людьми, и лишь на какое-то время это ощущение затихало после смены обстановки, что и вынуждало меня чуть ли не каждые полгода переезжать. Словно рутина и однообразие были болезнью, разгорающейся все острее по мере того, как я вырабатывал алгоритмы поведения на новом месте, неосознанно заводил новые привычки, начинал замечать одни и те же вещи – казалось бы, что за пустые мелочи, но нет, каждый раз при взгляде на рекламу мебельного магазина, возвышающуюся над перекрестком за две остановки до нужной мне, на котором трамвай стоял от 20 до 40 секунд, что-то внутри меня отчаянно хотело взять в руки аварийный молоток, разбить окно и выпрыгнуть, только бы не видеть все это еще раз. Это наверняка было как-то связано с постепенной потерей удовольствия от пищи, да и еще с кучей похожих странных наблюдений, которые я не мог не делать, внимательно наблюдая за ходом своих мыслей. У всего этого определенно есть

общая первопричина, выяснение которой понемногу становилось навязчивой целью в те моменты, когда мозг не был занят чем-то, что требовало полного внимания – то есть, довольно часто. Но что можно было сказать с уверенностью – проблема была не внешнего типа. Можно ли было решить эту проблему обычными способами? А необычными? Представим, что какой-то человек может по собственному желанию изменять реальность: ну, например, при неуютном ему развитии событий он способен вернуться к какому-то определенному моменту, с которого, как ему кажется, все пошло не так. Отлично работает в случае, если ты завалил экзамен, проиграл ставку, нагрубил девушке, накосячил по работе и так далее. Ведь реальность – штука субъективная, разве нет? Даже если нет, то ее восприятие – точно штука очень субъективная. Что ж, если у него сохраняется память обо всем случившемся – это явно имбалансная тема, то есть он делает выигрышную ставку, сдает экзамен на отлично, восхищает девушку своим красноречием... По сути, обманывая время. В таком случае он быстро становится богом в своем мире, и ничто не в силах ему навредить – до тех пор, пока он жив и в сознании. Но даже тогда его могут без особых усилий шлепнуть. Думают ли люди, что такой человек может жить рядом с ними? Наверное, кто-нибудь думает, но обнаружить такого человека все равно не может. Но если и его сознание точно так же возвращается к состоянию в определенный момент в прошлом, то это звучит уже не так оптимистично. Допустим,

он осознает свою способность только в критической ситуации. Тогда стоит задуматься, что именно вызвало неблагоприятный исход, и можно ли на это как-то повлиять, не зная о том, что произойдет? Сказал бы он те же самые нелестные слова, сделал бы ту же самую проигрышную ставку? А почему нет? Что должно изменить ход его мыслей, если знаний о последствиях нет? Случайность, внешний фактор? Но ведь все находится в движении, все имеет направление действия, ко всему приложены определенные силы. И с чего бы чему-то из этого меняться? Если я перемотаю песню на десять секунд назад, я не услышу ничего нового, только повторение отрезка, который уже слышал. Могу его расслушать внимательнее, найти что-то, чего не заметил сразу, изменить свое мнение, но, по сути, никакой новой информации этот отрезок содержать не будет.

Я так увлекся размышлениями о предопределенности всего вокруг, что чуть не пропустил свою остановку. Но мозг, разумеется, получил какой-то знакомый сигнал, который всегда означал “мы приехали”, и дал команду встать и подойти к двери, уже готовой открыться. Возможно из-за солнца, довольно яркого даже через темные стекла очков, возможно – из-за резкого подъема с места, краем глаза я заметил небольшое черное пятно прямоугольной формы где-то на периферии – там, где было только окно трамвая, за которым не было ни единого черного предмета, лишь сияющий асфальт и бежевые фасады зданий, перемежающиеся зеле-

ными кронами деревьев. Я вышел из трамвая, и пятно еще секунду-две перемещалось вместе со мной, но стоило мне зажмуриться и открыть глаза, как оно пропало.

Все четыре минуты пути от остановки до офисного здания, в котором находились два этажа студии, мне казалось, что кто-то идет за мной – не просто следует куда-то той же дорогой, что и я, а целенаправленно следует именно за мной. Сложно объяснить, почему я так подумал, но, остановившись на крыльце главного входа и внимательно оглядев улицу, я увидел только дворника, понуро гоняющего метлой пыль возле здания аптеки через дорогу. Осуждающе покачав головой своей неожиданной паранойе, я снял наушники и вошел в крутящуюся дверь.

* * *

Мне всегда нравилось, как быстро летит рабочее время, когда поступает в разработку новый проект. Сегодня был как раз такой день. Я заварил себе чай горячей водой из кулера, сменил кеды на мягкие тапки и заглянул в кабинет. Там было довольно оживленно – почти все на месте и чем-то заняты, перекрикиваются и нервно прихлебывают из кружек и стаканов – кто чай, кто кофе. Спустя минуту приветствий и комментариев в духе “Чел, слишком свежо выглядишь, меня аж

мутит”, “Сон для слабаков, да?”, “Ты может еще в 9 начнешь приходить?”, я добрался до своего рабочего места у широкого, почти панорамного окна, кинул рюкзак на подоконник, а задницу – в кресло. Оно протяжно скрипнуло, когда я повернулся к сидящему с другой стороны окна Р. и пару раз надавил тапком на боковую часть спинки, так, чтобы кресло слегка повернулось.

– Уважаемый, не просветишь, что за бренная суета охватила это место?

Тот развернулся ко мне и соорудил задумчивую гримасу – так крепко и показательно мог задуматься, наверное, только шимпанзе.

– Хм, ты еще не знаешь? Тут часик назад Кэп заходил, – задумчивость на его лице медленно перетекала в удивленное одобрение. – И сказал, что решили выдать премию всем, кто за сегодня-завтра закроет дополнительные задачи. Тебе выделил отрисовку текстур для зала с витражами.

– Реально? Хе, так я удачно попал! – моя рука резко потянулась к кнопке питания, но замерла, не успев нажать ее. – Погоди-ка, как это “заходил”? Он мне утром писал, что до вечера будет на приемке во втором офисе.

Р. разочарованно цокнул языком и вздохнул.

– А ведь вин был так близок.

Я все же включил питание, хотя и без начального энтузиазма.

– В какую гнилую тему ты меня хотел втянуть? И при чем

тут зал... – и тут меня осенило, ответ был максимально банальным – Р. просто не хотел работать. – Ааа, так ведь этот зал на тебе висит! Неплохо, но все равно недостаточно, чтобы обмануть меня...

– Видел бы ты, какая это херь. Мало того, что там витражи на полстены, а лока солнечная, так еще и пол зеркальный. – он отхлебнул из кружки и поморщился, то ли от вкуса кофе, то ли от мыслей об отражениях в зеркальном полу. – Я бы в ирл не вывез на такое смотреть, не то что самому лепить.

– Да не ной, уж за два дня ты, наверное, успеешь его закончить. Если забросишь дешевые попытки слить это еще кому-то – точно успеешь.

В ответ Р. громко и с надрывом промычал что-то неразборчивое. Я тем временем отрегулировал высоту кресла, подключил наушники и достал из шуфлядки пачку крекеров. Собирался уже откинуться на спинку и запустить просмотр анимаций, как вдруг вспомнил, о чем вообще спрашивал Р.

– Так это, если серьезно, что за кипеш?

– А. Ну да. Поступили спецификации нового проекта, типа совсем нового, который нам еще в мае хотели дать. Через час будет собрание, расскажут, че почем. Все добивают или передают текущие задачи. – Р. страдальчески вздохнул и повернулся к мониторам. – Ну, все кроме меня.

Я ободряюще похлопал его по спинке кресла и тоже повернулся к рабочему столу. Когда я залогинился в свой кабинет на внутреннем сайте и проверил список задач, то к соб-

ственной радости понял, что завершение работ по анимации и прорисовке мелких деталей для пары оставшихся персонажей перенаправили кому-то другому, так что я мог еще час хрустеть крекерами, откинувшись на спинку и загрузив модуль для обзорного тура по проделанной работе.

Когда я уже собирался надеть наушники, позади раздался голос Р.

– И кстати, тебе дадут кого-то в напарники, свежее мясо из команды по задникам или типа того.

Я хотел было протяжно завывать, но прервал сам себя на полувое.

– Из команды по задникам? Ну, там вроде бы в основном девчонки, так что не буду заранее жаловаться.

Р. только фыркнул и застучал по клавиатуре.

* * *

“Свежее мясо” из команды по задникам оказалось вовсе не девчонкой, а здоровенным патлатым чуваком, правая часть лица которого всегда имела удрученный вид, даже когда он улыбался. Выглядел он в такие моменты, признаться, немного жутковато, но я понял, что быстро привыкну к этому.

В целом Фил, как он представился, оказался нормальный

типом — быстро схватывал все, что я объяснял насчет предстоящего плана работ, еще на собрании сделал несколько довольно уместных замечаний в блокноте, не слишком умничал, как часто бывает с новенькими, но и не казался человеком, который забудет на все болт и будет просто бездумно нажимать на клавиши и двигать мышкой туда-сюда. Я немного рассказал обо всяких бытовых моментах насчет положения вещей в этом отделе в целом и этом помещении в частности, и мы взялись за работу, навскидку разделив обязанности на начальном этапе проекта, пока еще не было четких задач и собственно материала, а нужно было только в общем прикинуть дизайн тех или иных элементов по не очень подробным описаниям в спецификациях. К тому же, когда после двух часов народа стало заметно меньше, а градус дедлайнового напряжения упал, Фил ничего не имел против того, что я пустил музыку через колонки вместо наушников, к чему остальные уже давно привыкли. Более того, когда плейлист добрался до треков Nero, некоторые из которых я когда-то использовал для мести соседу-перфоратору, Фил подкинул мне двух похожих чуваков, да и вообще оказалось, что он очень неплохо шарит в электронщине — в отличие от меня, слушающего все это эпизодически и поверхностно. Я уж точно не знал о каких-то подробностях карьеры конкретных исполнителей, вплоть до случаев ареста и всего подобного. Впрочем, он не начал без умолку об этом болтать, и вовремя заметил, что он единственный в кабинете, кому это настоль-

ко интересно. Насколько я мог судить по первому впечатлению, напарник мне попался вполне адекватный, что не могло не радовать – чем больше я думал о масштабе проекта, тем более он казался впечатляющим. Это вполне могло занять целый год.

Еще больше меня радовало то обстоятельство, что сошли на нет все мои утренние симптомы, от трясущихся рук и расфокусированности взгляда до озноба. Что ж, почему бы мне не сделать себе этически спорное, но приятное одолжение, и не поверить окончательно в то, что причиной всему был неудачный выбор места для сна и, возможно, легкий перебор с выпивкой вчера вечером, отчего у меня и сложилось впечатление, будто из жизни выпал один день? Я с легкостью согласился на такой замечательный вариант, успокаивающий и простой. Воздадим почести Оккаму и его бритве, и перестанем думать об этом.

Незадолго до обеда мы с новеньким вышли на перекур. Курить у нас разрешалось на балконе, объединяющем оба этажа студии парой коротких лестниц. Кроме места для курения, там располагалось продолжение комнаты отдыха с двумя гамаками, парой столиков со стульями и трехуровневыми деревянными рядами для сидения, усыпанными подушками.

– Ничего так у вас тут обстановка. – Фил был явно впечатлен, оглядываясь по сторонам. – Гамаки, серьезно?

Солнце в это время висело прямо перед лицом, и мне от-

чаянно не хватало очков, оставшихся на столе в кабинете. Я равнодушно пожал плечами и затынулся.

– Ну да, поначалу удивляет. Но это ты еще основного спейса не видел – он там, на втором этаже, сразу за выходом на балкон.

– А что там есть?

– Диваны, разные настольные игры, бильярд, приставки, теннис, ну и еще по мелочи всякого. – я еще даже не упоминал про зону для VR-тестов, полагая, что все сразу для него будет слишком. – На вашем офисе такого не было?

Фил медленно покачал головой, щурясь на солнце.

– Какое там, у нас балкон был размером с ваш туалет, и никаких гамаков. В коридоре стоял настольный футбол, и все. А такое, как тут у вас, я последний раз видел на “ДотКоме”.

Он коротко рассказал о том, как со своим братом полгода работал у самого крупного в городе частного интернет-провайдера, и, судя по его описаниям, там в плане рекреационных зон и прочих ништяков все было ни разу не хуже, чем у нас. Впрочем, это не помешало компании сократить штат, и оба оказались без работы. Фил в итоге перебивался фрилансом, пока не устроился к нам на студию, пару месяцев назад, а его брат занялся организацией тусовок в районе за Старым городом – в основном электронных и по хип-хопу.

– А, так это он привозит чуваков на “Стрит Спирит”, “Луч” и “Ночь-24”? – я хорошо знал эти названия, потому

что довольно долго посещал последние две тусы, да и на первой частенько бывал, хотя в последние пару месяцев как-то подзабил.

Фил закивал, широко улыбаясь моей осведомленности.

– Да, это все его замуты. Он и меня звал в команду на постоянку, но я пока только иногда к ним залетаю вечером, бывает за пультом немного постою, и все.

Теперь я понимал, откуда у него такие обширные познания в электронной музыке и такая увлеченность темой.

– Еще в прошлом году был пару раз крутой движ летом, вроде бы от той же команды, только не помню, как назывался.

– “Пир” что ли? Там еще было несколько сцен с разным музлом и огромный бар на веранде.

– Да, точно, оно и есть. Тоже твой брат мутит?

Фил утвердительно промычал, старательно туша сигарету о стенку пепельницы.

– Это его коллаб с одной чувихой, которая давно в этой теме. Кстати, они и в этом году делают, сегодня как раз первая за лето ночь будет.

– Оп, как я удачно спросил! – если подумать, я довольно давно не ходил ни на какие движухи активнее посиделок в баре. – А где и во сколько они стартуют?

– Да там же, где и в прошлом году, на кирпичке в кольце, – под “кирпичкой” имелся в виду один из корпусов кирпичного завода, переделанный под проведение разных культур-

ных мероприятий, а “кольцом” часто называли полузаброшенный промышленный квартал за Старым городом, вокруг которого река делала почти полный изгиб, одно из самых популярных мест в городе среди тех, кому не нужно рано вставать на следующий день. – Вроде как собираются в десять вечера начинать. Думаешь пойти?

– Может быть, в прошлом году было круто. Надо будет глянуть билеты после работы.

Оказалось, что у моего напарника, как у брата одного из оргов, было при себе билетов десять, и он не только решительно отказался брать с меня деньги за один, но и заявил, что даст еще три билета сверху, аргументируя это тем, что пять были для него самого и нескольких человек из его компании, а остальные он все равно собирался просто раздать на входе. Билеты были в сумке в кабинете, и Фил попросил меня самого напомнить, если он забудет. После перекура я показал ему основной зал отдыха, и пока Фил ходил по помещению и разглядывал его, уважительно кивая то в сторону приставок, то при взгляде на внушительные стопки настольных игр, я сыграл короткую победную партию в аэрохоккей с Л.П. из отдела ИИ, которая зашла в зал одновременно с нами, после чего мы вернулись в кабинет.

В три часа я решил сходить на обед. В общем-то, на студии была собственная кухня, куда привозили довольно неплохие комплексные обеды, но мне куда больше нравилось пройтись до ближайшего кафе или фастфуда, провести полчаса вне работы, немного разгрузить голову – это и для рабочего настроя было полезно.

Захватив с собой очки и сигареты, я двинулся к выходу из офиса, но вовремя вспомнил о наушниках и вернулся за ними, и заодно достал из рюкзака пузырек, вытряхнув из него одну таблетку. Фил обедал на кухне, а Р., который обычно составлял мне компанию по выходу за “правильной едой” (под которой он имел в виду бургеры и хот-доги), сегодня был с самого моего прихода погружен в борьбу с прорисовкой зеркального зала, и в ответ на приглашающие взмахи руками только скорбно махал в ответ.

Вышел я не в главные крутящиеся двери, через которые проходил утром, приходя на работу, и вечером, покидая студию, а через крыльцо на втором этаже, от которого вел длинный проход в стиле каких-нибудь средневековых замков с поправкой на минималистичный эко-дизайн деревянной крыши и оконных проемов. Это было мое второе любимое место для курения в здании, и порой под настроение

я выходил сюда. Змеящаяся кривая коридора выходила на небольшую прямоугольную площадь, усеянную лавочками, с зеленой зоной и небольшим фонтаном в центре. Через площадь проходила кривая улица, ведущая от оживленного проспекта между аккуратных зданий хостелов, баров и небольших офисов банков и мобильных операторов к Верхнему городу, встречающему уже настоящей просторной площадью, с фигурной плиткой – такой гладкой и ровной, что это место, сколько я себя помню, пользовалось неослабевающей популярностью у скейтеров – и с внушительным зданием ратуши во главе всей композиции. Две высокие арки, на уровне третьего этажа сформированные дугообразными переходами от основного здания к двум корпусам-башенкам по левую и правую сторону, известные как “рогатка”, вели на две отдельные улочки, разделенные основным корпусом ратуши и расположенным сразу за ним продолговатым двориком, огороженным высокой фигурной оградой, которые чуть дальше перерастали в две главные параллельные улицы Верхнего города, сплошь забитые вычурными магазинами, роскошными ресторанами и дорогими отелями. Хотя для меня там ничто не представляло особого интереса, мне нравился сам Верхний город и его окружение, включая вот эту небольшую площадь с фонтаном, так что я периодически встречал ребят из студии, когда гулял по городу на выходных и забредал сюда.

По периметру площади можно было сосчитать почти с десятков заведений, из которых я обычно и выбирал место для

обеда. Тут было несколько кафе, в том числе один фастфуд, пекарня, небольшой суши-ресторан, кальянная, будка с хот-догами и картошкой, фургончик с крафтовыми бургерами, а в дальнем конце площади – что-то вроде бюджетного паба. В его сторону я и направился, вспомнив, что самая вкусная картошка среди всех этих заведений – именно в пабе.

По пути через площадь я наблюдал забавную сценку. На одной из лавочек в тени дерева сидела женщина, которая одной рукой держала поводок средних размеров пса дворняжкой наружности, проявляющего активное любопытство ко всему вокруг, другой рукой усердно рылась в сумочке, периодически отвлекаясь на пару детей, бегающих около скамейки справа от нее, судя по цветам одежды – брата и сестру. Как раз в тот момент, когда я проходил мимо, брат с коварным выражением, присущим задумавшим недоброе старшим братьям, достал из кармана комбинезона игрушечную змею. Хоть факт ее резиновости и безобидности был однозначен, она все же была длиной с мое предплечье и имела весьма неплохой реалистичный окрас. Так что, когда девочка обернулась и увидела игрушку у себя под ногами, для нее все было не совсем очевидно, и она вскрикнула так тонко и пронзительно, что я услышал даже через наушники. Мать поспешила вновь обернуться, но пес успел быстрее – он отважно подскочил к девочке, схватил змею зубами и принялся трясти ее. Теперь уже настала очередь мальчика недовольно закричать.

Все еще улыбаясь этому небольшому эпизоду – одному из тех, что могли выдернуть меня из ощущения болезненной рутины и зацикленности, понемногу крепнущего всегда, когда я был предоставлен сам себе – я зашел в паб и заказал большую картошку с апельсиновым соком. Через пару минут мой скромный обед был готов, и я занял место в углу, где сходились две затемненные поверхности витрин. Я кратко записал случай с псом и змеей в заметки на телефоне, куда частенько заносил всякие интересные происшествия, которые наблюдал вокруг, наряду с разными мыслями и идеями. Давно пора было как-то разобрать их и рассортировать по разделам, но мне никогда не хватало терпения, чтобы взяться за это.

Пролистывая заметки вверх, от старых к новым, я наткнулся на одну довольно пространную мысль, такую тяжеловесную и мрачную, что посреди жаркого дня мне на пару секунд стало холодно, будто вернулся утренний озноб. “Почему я боюсь смерти? Неужели я настолько дорожу существованием, пусть даже таким бессмысленным и жалким, что просто не могу от него отказаться, как торчок за гранью спасения, который уже не может не зависеть от дерьма, на котором сидит? Так и мы, ни во что не верим, где-то глубоко уже мысленно сдались и поняли, что ничего хорошего впереди не ждет, что дорога к счастью – не к удовольствию, не к благосостоянию, не к развлечениям – для нас почему-то закрыта. Из-за нашей природы, возможно. В тот момент, когда

мы обрели самосознание, началась самая грустная история во всей вселенной: история взаимоисключающих чувств, история познания, которое в конечном счете приносило только боль, и чем дальше мы продолжаемся, тем мы ближе к безумию. История о том, как кто-то не выбирал, но получил ответственность за то, чего не может даже понять в полной мере, будучи вынужден тысячелетиями бороться с собственной сущностью, рвать на куски самого себя без какой-либо на то причины. Разве я хочу быть собственным заложником? Разве я не хочу хоть что-то в жизни выбрать самостоятельно, даже если это будет последнее, что я сделаю? Я привык считать, что такие мысли – это глупость, что такие идеи свойственны незрелым подросткам, что есть миллион аргументов против такого мнения. Но какой из них может ответить на вопрос, почему я – нет – почему мы должны оставаться рабами? Разве не рабство все вокруг так ненавидят и презирают? Ах да, конечно, рабство мы можем понимать только в очень узком смысле, оно значит для нас физическое лишение свободы и принуждение к чему-либо. С таким рабством готовы бороться все, потому что его давно не существует как общественного явления, все что осталось – это редкие случаи в современном мире да память о постыдном прошлом. Но ни у кого не хватит смелости бороться с рабством в более широком смысле, в которое мы влипли черт знает как давно. Конечно, так легко сказать, что “это другое”, что мы на самом деле свободны, мы можем делать со своей жизнью

что угодно, все зависит только от нас самих, но это лишь пустые оправдания людей, которые не хотят взглянуть в лицо своей настоящей проблеме, которые не хотят признавать, что они рабы. Кто же наши хозяева? Положение вещей – вот наш самый жестокий хозяин. Вся наша жизнь чем-то ограничена: другими людьми и их правами, которые ограничены уже нашими правами, властью – от государственной и религиозной до корпоративной и экономической, моралью, законами – слишком несовершенными, чтобы гарантировать защиту от чего-либо, настроениями и мнениями других людей, нашими собственными желаниями и целями, сформированными под влиянием жизни в обществе, потребностями и нуждами, биологией и психологией, материей и идеей. Все вокруг – наши цепи, каждый из нас – тюремщик для остальных. И только две вещи могут кого-то освободить: жизнь вне человеческого мира – частично, и смерть – окончательно. Я отказываюсь бояться смерти и принимаю ее как дар.” Что ж, бывали порой и такие мысли. На самом деле спорить с тем мной, который это писал, текущему мне было сложно, ведь я так и не нашел ответ на главный его вопрос. Поэтому я решил отнестись к этому без той серьезности, которая им двигала в момент написания.

Я потягивал сок и раздумывал, как бы я это сделал, если бы хотел умереть? Наверное, имело смысл подготовиться заранее, и подготовиться так, как ни к чему прежде. Серьезнее, чем люди готовятся к свадьбе. Стоило бы подкопить

денег, а лучше взять кредит – максимально возможный без поручителей. Ну а дальше план действий в целом понятен, недели две-три адского отрыва и угара, смотря на сколько здоровья хватит. Сама смерть – конечно, от передоза чем-нибудь абсолютно эйфорическим. Стоило бы также сделать все то глупое, безумное, безответственное и сомнительное, чего всегда хотел, но всегда откладывал. Уйти следовало во время какого-нибудь отменного развлечения, которое бы либо невероятно взбудоражило мозг и каждое чувство, либо тотально поглотило бы вообще любую мозговую активность. Но ведь есть риск, что мне этот короткий отрезок жизни так понравится, что я передумаю. Я захочу жить так всегда. Вопрос лишь в том, смогу ли я вспомнить, что единственное условие, без которого это финальное буйство было бы невозможно – отсутствие последствий. Каждое мое действие порождало бы долгоиграющие последствия, и рано или поздно мне пришлось бы держать ответ за все это – перед окружающими, перед своим здоровьем, перед кредитовавшим меня банком. И только знание, что все скоро закончится – знание, доступное только мне одному, позволяло бы не думать об этих последствиях. Уход от ответственности, ничего не дающей, бесполезной, тяжелой, проигрышной – вот что такое суицид. Отказ от участия в игре, отказ от правил, переворачивание шахматной доски посреди партии. Чем дольше я об этом думал, тем больше проникался серьезностью собственной заметки в телефоне, терял способность рассматривать

ее в качестве объекта для иронии. Так я понимал ценность чего-либо: если мне было неприятно или сложно над чем-то иронизировать, значит, это чего-то стоило – среди всего вокруг, что подвергалось насмешке со стороны мира, выглядело нелепо, будто было создано для того, чтобы быть высмеянным, включенным в карнавал идиотизма, поглощенным истеричным, рекурсивным и бесконечным издевательством, в какой-то момент ставшим основой всего, что нас окружало. Глубоко внутри я понимал, что, хоть и не могу представить свою жизнь без этого ежедневного театра абсурда, развращающего все, что кто-то воспринял бы всерьез, я все же ценил – по-настоящему ценил – только то, что мне казалось неуязвимым для глумления. Вздвогнув, я нервно принялся поедать остывающую картошку. В образовавшейся в голове пустоте я отчетливо слышал, как непривычно медленно и гулко бьется сердце.

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я перенаправил внимание на телевизор, который висел над барной стойкой. Крутили какую-то смутно знакомую передачу, в которой, насколько я помню, приглашенных гостей, в основном людей искусства, просили рассказать об источниках вдохновения, разобрать концепцию их произведений, что-то анонсировать и так далее. Сейчас в кресле гостя сидел упитанный мужик средних лет в пиджаке поверх желтой майки. Лицо его разительно контрастировало с телом – оно было худое, почти иссушенное и строгое, а прищуренные глаза и опущенные

уголки губ придавали ему невероятно скептический вид. Ведущий, похоже, как раз задал ему какой-то вопрос, и он собирался с мыслями, переведя взгляд куда-то вверх и вправо.

— Ну смотрите, я задумывал ее так, что на основной сюжет, состоящий из двух частей, довольно симметричных, как бы наслаиваются несколько побочных, по объему больше основных или равные им. Они дают указания на то, как можно интерпретировать часть с основным сюжетом, чем, собственно, закончилась история.

— То есть, как можно понять ее концовку? Вообще, сильно ли меняется понимание истории, если не найти никаких подсказок?

— Грубо говоря, есть десять основных трактовок, и их можно классифицировать несколькими способами. Первый интерпретирует, собственно, саму суть произошедшего, чем на самом деле являлись показанные события, включает три категории. Второй основывается на том, что какая-то из частей могла быть нереальна, то есть, происходить во сне, в иллюзии, в чем угодно, только не в реальном мире. Возможно, реальны обе части, возможно — только одна, возможно — обе нереальны. Четыре категории. И, наконец, третий способ классификации трактовок завязан на последовательности событий. Он предполагает, что события обеих частей могли происходить как одновременно, так и последовательно. Две категории. Вот, в общем-то, все. Кроме того, у каждой есть параметр цикличности и хронологического поряд-

ка.

– Вы сказали, что основных трактовок десять. Не могли бы вы...

На этом моменте я потерял интерес к их беседе, к тому же, картошка закончилась, да и время обеда тоже подходило к концу. Я двумя глотками допил сок, тщательно вытер руки салфеткой и встал из-за стола. Перед выходом я подумал, что стоит зайти в туалет. Когда я уже зашел в кабинку, к горлу подступила неожиданная тошнота, и меня вырвало – горько и коротко. Я стоял, упершись кулаком в стену, и пытался понять, какого черта происходит. Это определенно не было симптомом перепоя, ведь тогда бы меня вырвало еще утром. Я не ел ничего, кроме яичницы, тостов и картошки, и насчет каждого из пунктов этого списка мог с уверенностью поставить галочку в графе “надежность и проверенность”. Справив нужду, я вышел из кабинки, умыл руки. Когда я перевел взгляд на свое отражение, оно показалось мне каким-то бледным, но это было и неудивительно после прочих странностей. Вытерев руки полотенцем, я вышел из туалета и покинул паб, быстрым шагом направившись в сторону студии, совершенно забыв про музыку. По пути мне не встретилось ничего забавного.

Фил сказал, что ему нужно было уйти в половину шестого, и спросил, нет ли чего такого в том, что он в первый же день уходит раньше. Я успокоил его, сказав, что главное у нас – успевать делать все в срок и качественно, а распределение времени по большей части уже зависит от него самого. Еще раз поблагодарив его за билеты и договорившись встретиться на движе, я попрощался с ним и сам начал понемногу готовиться к выходу. В принципе, за сегодня мы накидали несколько хороших вариантов для моделей персонажей, даже начали нескольких в цвете – для первого дня неплохо. Я обошел тех из ребят, кто еще остался в кабинете, посмотрел, как идут дела у них, спросил у Л-Т., что он думает насчет ворваться вечером на тусу. В прошлом году он был на “Пир” все три раза, что его проводили, один раз даже без меня, но в этом сезоне все сложилось не так удачно – сегодня у его девушки был день рождения, и они с ней уже давно запланировали какой-то особый вечер, в который посещение тусовок не входило. Л-Т. с досадой в голосе пообещал, что в следующем месяце присоединится, и попросил скинуть пару видосов с места действий.

Когда минутная стрелка образовала с часовой ровную прямую, я проверил бэкап данных, сохранил базу и выключил

чил рабочий комп. Закинув в рюкзак все, что за день разбросал по столу, я пожелал Р. удачи в его битве с витражами – надо сказать, что к вечеру он немного приободрился, и в последний перекур даже обрел привычную болтливость, так что можно было сделать вывод, что его день усердия и целеустремленности прошел не зря, и работа близилась к завершению – попрощался с ребятами и вышел в коридор. Там я налил в стакан холодной воды из кулера, сменил тапки обратно на кеды и собирался было выйти из студии, но вспомнил о звенящей в кармане мелочи, полученной на сдачу в пабе и уже несколько часов меня раздражающей. Рядом с кулером у нас стоял небольшой автомат в виде шкатулки, в котором можно было за гроши купить печенку с предсказанием, а полученные деньги раз в месяц извлекались и вроде как направлялись куда-то на благотворительность. Мелочи у меня хватало на две печенки, и я скормил шкатулке почти все монеты из кармана. Печенье было наполовину шоколадное, а на улице неплохо припекало, так что я решил съесть обе сразу. Внутри первой оказалась бумажка с надписью “Ничто никогда не заканчивается, но берегите свою жизнь!” – довольно странное предсказание, как мне показалось. Бумажка из второй гласила: “Завтра для вас станет особенным днем, вы встретите нужного человека!” – вот это уже что-то более привычное. Пожав плечами, я выкинул обертки в мусор и вышел из студии.

Через несколько минут я уже был в магазине, неторопливо

шагал между витрин и разглядывал ассортимент, бессознательно почесывая бороду. В итоге я остановился на наборе акриловых красок, и к ним взял две банки белил. Холсты выбрал те, что и всегда – набор из трех грунтовых холстов без подрамника, 40 на 60 сантиметров. Расплатившись на кассе, я вышел из магазина ближе к половине седьмого, перед самым закрытием. Кассир, с которой я был немного знаком, вышла за мной на последний перекур – кому не было знакомо это желание хоть немного приблизить конец рабочего дня, пусть даже он вот-вот закончится сам по себе. Мы курили и болтали обо всяких незначительных мелочах, я спросил, как у нее продвигаются дела с продажей фотографий на стоках, она спросила, “рисовал” ли я недавно что-нибудь клеевое. Рефлекторно сдержав порыв исправить ее, я показал фотку картины, которую утром отправил Минск. Девушка долго вглядывалась и постепенно менялась в лице, что меня порадовало – значит, все работает именно так, как должно.

Попрощавшись с ней, я вернулся на ту дорогу, которой шел утром с остановки, чтобы теперь сесть на ней в уже другой трамвай и доехать до Солей. Туда можно было добраться и автобусом, но трамваи мне нравились куда больше. По пути мне встретилась белая кошка, сидящая на скамейке. Я машинально наклонился, чтобы погладить ее, ожидая, что животное, как это всегда бывает с бродячими кошками, отскочит с недоверием, но к моему удивлению, этого не произошло. Кошка осталась сидеть на месте, только повела ухом

и зажмурилась. Отворачиваясь от нее, я как будто заметил что-то странное: мне показалось, что кошка на секунду дернулась, словно сдвинулась немного вправо и вернулась обратно. Встряхнув головой, я пошел дальше.

* * *

Когда я подходил к бильярдному клубу “Портос”, на часах было еще без пяти семь, но Курт и Эйч уже оба были на месте. Второй сидел на четвертой ступеньке лестницы, опершись локтями на шестую, и с ехидным видом слушал, как первый что-то очевидно втирает, помогая себе жестикуляцией. Я сразу подумал, что Курт, должно быть, уже начал описывать, как он свободно себя чувствует, и что нужно, наверное, после отпуска уволиться вообще, и что на ближайшую неделю у него уже готово расписание: от пробежки утром и здорового завтрака, через первую фазу напряженной и эффективной работы “на себя”, разумеется – удаленно, за компьютером, сквозь сиесту и чтение классической литературы обратно к самозанятости и работе с ежедневником, до легкого ужина, тренировки, подкастов перед сном и так далее. Курт был чем-то похож на меня – не внешне, он был плотным белобрысым дылдой – но этой тягой к излишнему, местами даже нездоровому планированию того, что в итоге ре-

ализовано не будет. Впрочем, я со временем смог отчасти побороть себя, существенно ограничив свои амбиции и цели, смирившись с тем, что такой ленивой жопе это все не под силу. А вот Курт пока сдаваться не собирался, и, хотя он был так же ленив как я, и куда менее дисциплинирован, конфликт между ожиданиями и действительностью не вызывали у него заметного диссонанса. Мне иногда казалось, что он так просто развлекает себя, отлично понимая, что на самом деле не сделает и десятой части задуманного. Эйч, куда больше похожий на меня внешне, почти во всем остальном отличался. Это был куда менее серьезный чувак, с трудом переносящий любую мороку и тягомотину, планы строящий не дальше, чем на вечер завтрашнего дня, выбравший по жизни принцип “запариваться как можно меньше”. С ним почти невозможно было договориться о чем-то на следующую неделю, или – куда уж там – на следующий месяц, но при этом именно Эйч обычно звал куда-то других людей – чаще всего это было что-то в стиле “Йоу, бро, че как, ты где сейчас? Мы тут с Вик решили прогуляться, погнали с нами!”, и ему часто приходилось ждать, пока кто-то приедет на встречу, о которой заранее не думал – но Эйча это не напрягало, и ждал он всегда с легкостью и сколько нужно. Порой я думал, что это удивительно – именно он, при всей своей беспечности и непродуманности, из всех моих факультетских знакомых первым женился. В общем-то, он сделал Вик предложение еще на предпоследнем курсе, и все четыре года, что про-

шли с тех пор, я имел удовольствие периодически наблюдать почти идеальный брак, и это все наводило меня на определенные мысли о природе отношений в целом.

Курт так увлекся своим рассказом о том, как в бухгалтерии ему неправильно посчитали отпускные, что даже не заметил, как я подошел. На том моменте, когда Курт принялся изображать бухгалтершу, испытывающую недоумение и растерянность, передразнивая ее голос и разведя руки в стороны, я пожал вытянутую в моем направлении руку. Курт так удивился, что даже немного подпрыгнул. Я строго посмотрел на него и деловито кивнул, демонстрируя свое безмерное внимание к истории.

– Так. Продолжайте.

Эйч хохотнул со ступенек, я поздоровался и с ним и тоже сел, стягивая с носа очки. Ближайшие несколько минут мы слушали продолжение истории с бухгалтерией, которая под натиском отпускного Курта все же нашла у себя ошибку и пообещала начислить недостающее, потом мы с Куртом курили, а Эйч рассказывал, как недавно встретил в тренажерке одну нашу однокурсницу, которая в те годы была подобна линкору, как ее некоторые и называли из-за созвучия с именем, а сейчас, по словам Эйча, сжалась почти что до размеров катера.

– Блин, ну красава, что тут сказать. – Курт был явно впечатлен, уже секунд пять сбивая пепел с сигареты и уважительно кивая. – Вот что значит мотивация, шарите!

Мы с Эйчем переглянулись.

– Слушай, так может сходи тоже в этот зал, а? – Эйч намекаяще поднял бровь в направлении Курта. – Пригласи ее куда-нибудь.

– А ну как она тебя научит правильной мотивации! – я наклонил голову, громко хрустнув шеей. – Пора бы тебе уже становиться за штурвал корабля своей жизни...

Нам пришлось постараться и проявить немалую ловкость, чтобы увернуться от предпринятой Куртом попытки пинка.

Мы зашли в клуб и заказали стол для пула на полтора часа. Стол находился в зале на нижнем этаже. Прихватив три кия, мы спустились по витой широкой лестнице и направились к своему столу в ближнем углу. Мне нравился “Портос”: здесь было много столов, от пула и снукера до русского, сами столы были в отличном состоянии – ровное чистое сукно, никаких выщербин или бугорков, корзины под лузами не отваливались, как в паре других заведений, огромный выбор киев – легких и тяжелых, разборных и цельных, длинных и компактных, я никогда не видел, чтобы было занято больше половины столов, цены в баре были весьма демократичны, к тому же, тут можно было взять неплохую пиццу. Побросав вещи на полку рядом с вешалкой, мы привычно разделили обязанности: я взял со столика меню и нажал кнопку вызова официанта, Курт принялся выкладывать шары на стол и ровнять их треугольником в положение для игры в девятку, Эйч развалился на диванчике и залип в телефон.

Через минуту к нам подошла девушка и спросила, что мы будем заказывать. Я попросил шесть стаканов пива, а от пиццы чуваки отказались. Приняв заказ, официантка ушла, и Курт разбил. Ни один шар не нашел свою цель, и к столу подошел Эйч.

– Кей, так что ты там уже надумал делать? Есть какие интересные темы? – спросил я из мягкого бежевого кресла, покрытого узором из нарисованных животных. Эйч почти забил первый шар, но тот все же остановился у края лузы, и я встал с кресла.

– Для начала нужно сегодня-завтра сходить куда-нибудь прочистить башку от работы. Как насчет сгонять после пула погудеть на Трикотаж?

Я спокойно загнал первый шар, подаренный мне Эйчем, и прицелился во второй. Трикотаж, также известный как улица Трикотажная, был одним из самых шумных питейных мест города. Эта длинная улица с несколькими прилегающими к ней переулками, небольшими площадями и подворьями начиналась в Верхнем городе и изгибалась вокруг здания одного из концертных холлов, чтобы закончиться образующим тупик зданием пивоваренного завода в восточной, “кирпично-брусчатой” части центра. На самом деле это был не совсем тупик – за пивоварней был выход на бетонную набережную, откуда можно было попасть на мост, пересекающий реку, к входу в центральный парк – если идти по набережной налево, и к одному из офисных кварталов – если идти по

набережной направо, по обратной стороне Трикотажа. Эта улица была, наверное, одной из самых посещаемых в городе – особенно по пятницам и субботам. Я разочарованно цокнул языком, когда второй шар ударился о борт сантиметрах в пяти от лузы.

– Ну не знаю, я там был пару дней назад, когда приезжал знакомый чел, – Эйч поморщился. – Зашли в “Exit”, сидели часа три, и в итоге так налили пивом и их коктейлями, что я поругался с барменом, а знакомого начало морочить, что он приехал к нам, чтобы устроиться таксистом, и еще полчасика мы ходили по Трикотажу в угаре и искали его тачку, пока до Вик не доперло. В общем, я бы отдохнул от этого места.

Пока Эйч рассказывал, Курт забил второй и третий шар, но с четвертым дал маху.

– Ну что, шит хэппенс. Забавно, что вы подумали сначала о том, что тачки нет, а не о том, что твой знакомый в хламину.

Эйч только отмахнулся и попытался забить четвертый рикшетом от борта, но у него не вышло. Я снова вылез из кресла и обошел стол вокруг, раздумывая над ударом.

– Месье, а давно ли вы были на кольце? – я понял, под каким углом лучше бить четвертый и тщательно прицелился.

– В смысле вообще или на тусе? – Эйч призадумался. – Вообще – недавно был там днем по делам, купил шаву в новом лотке у парковки, там, где “Луч” прошлым летом проходил. Нормально делают, кстати, давно такую сочную не ел.

И лаваш такой хрустящий, что...

Забив четвертый, я уже собирался загнать в лузу пятый, но описание шаурмы заставило мой желудок слегка заурчать – картошки днем явно было маловато.

– Чел, вы не захотели брать пиццу, так что давай без этого. – пятый разминулся с лузой и остановился у противоположного края стола, при этом опасно близко подбив к угловой лузе девятый, и Курт издал короткий торжествующий вскрик. – Нет, я про тусы на кольце. Я там с марта не был.

Курт забил пятым девятку и начал обходить стол, доставая шары из луз. Нам принесли пиво, и мы, поблагодарив официантку, звонко ударили стаканами над столиком. Когда девушка ушла, Курт начал вспоминать свой последний визит на кольцо.

– Ну, я в мае с парой хоуми-работяг заскочил разец в “Вельвет”, но мы ливнули где-то через час, народу почти не было, хотя играли что-то крутое, я прям удивился. Кстати, там сделали кайфовый редизайн, теперь все в кислотном стиле и такое типа футуристичное. Жаль, что мы без ничего были.

Эйч машинально опасливо оглянулся, составляя шары треугольником для второй партии. Некоторые темы вызывали у него нездоровую паранойю, даже когда упоминались совсем уж косвенно.

Я закинул ноги на мягкий подлокотник кресла и дважды приложился к стакану. Лагер был с нормальной пеной, свет-

лый и холодный, и по стеклу медленно стекали капли воды – хоть сейчас в рекламу.

– Ну-с, просто есть интересная тема на сегодня. – я взял паузу, и закурил, наблюдая, как Эйч с разбоя забивает четвертый. Он заинтересованно взглянул на меня.

– Сегодня есть какой-то годный движ на кольцо?

– Да, вечером будет “Пир”, первый в сезоне. Помнишь его в прошлом году? С нами еще были два чувака с моей работы.

Эйч забил первый и глотнул пива, что-то вспоминая.

– Аа, тип, который втирал за индюшатину, и еще один, который накидался и ко всем подкатывал? Помню-помню, было прикольно.

Курт не сдержал смешок – тот, о ком говорил Эйч, был корешем Курта еще со школы, и он, должно быть, много раз наблюдал такое. В общем-то, на студию его привел я, и именно по наводке от Кей, хотя чувак и проработал в итоге меньше года, так и не приспособившись к офисной работе. Эйч тем временем не забил второй, и я, еще раз отхлебнув пива, покинул кресло.

– Кстати, ты же там был еще вместе с Ми-Ми? Я просто помню, что это было единственное мое двойное свидание на движе. – теперь уже Эйч плюхнулся на диван.

Я протяжно замычал. Интересно, как так получается, что эта тема постоянно всплывает? Второй шар нашел свое место в лузе, и биток выкатился на хорошую позицию для удара по третьему.

– Да, я тогда еще был с Ми-Ми. Но я сейчас не об этом, а о том, что сегодня мне вместе с новым проектом выдали новенького в команду, и оказалось, что его брат – организатор кучи ивентов, которые обычно бывают на кольце. – после прямого удара третий тоже исчез со стола, но четвертый был заблокирован почти полностью, и я задумался, как можно попытаться по нему попасть. – И этот чувак подогнал мне четыре билета на сегодняшний движ.

Курт довольно потер руки, и было видно, как мысль о Трикотаже в его голове медленно сменяется другой.

– А что, на работе ты никому не предлагал?

Мне не удалось коснуться четвертого, и Курт взял биток в руки, выбирая, куда его поставить.

– Предлагал тому чуваку, с которым ходил в прошлом году, ну, который фанат инди, но сегодня день рождения у его девушки, и там типа уже какие-то планы есть. Лексу еще утром писал по другой теме, но он пока все еще не заходил. Фай сегодня в студии не было, она вроде собиралась раздать пару смен и съездить к семье на неделю. Так что все четыре билета еще у меня.

Эйч кивнул и поднял стакан, чуть не расплескав пиво.

– Тогда я в деле. У Вик, кажется, не было никаких планов на вечер.

Курт все же сумел коснуться четвертого, хоть и не забил его, и Эйч сменил его за столом.

– Соглы, тема огонь. Ух, сегодня вечером битецкие вы-

бьют из меня весь остаток рабочего вайба! – Курт мечтательно улыбнулся, глядя в потолок.

Эйч не без доли везения забил четвертый и, взглянув на наши пустеющие стаканы, приложился к своему.

– Ну тогда что, часов в десять с небольшим стыканемся где-нибудь у кирпички? Движ в десять начинается. – я посмотрел на часы, которые показывали двадцать минут восьмого. Сигарета дотлела до фильтра, и я затушил ее о дно пепельницы.

Уже более уверенно разобравшись с пятым, Эйч кивнул. – Блинский, тогда мне нужно срочно сделать звоночек, иначе у Вик времени не хватит на сборы, и мы придем к середине тусы.

Пока Эйч звонил жене, я облажался с шестым, и за стол стал Курт. Я плюхнулся в кресло и взял в руку стакан, пытаюсь понять, о чем я только что мельком подумал, когда бил, отложив мысль на пару секунд – и вот ее уже нет. Меня преследовало навязчивое ощущение, что я что-то забыл, причем я замечал это сегодня уже несколько раз. Забыл как будто что-то бытовое, но супер-важное, вроде включенного утюга или незапертой входной двери. Или оно было просто похоже на бытовое по ощущениям, а связано было с чем-то другим? Память наотрез отказывалась нащупать эту мысль. Пока Курт выбирал угол удара по седьмому, я медленно прокручивал в голове все, что должен был сделать сегодня, проверил рюкзак – но ни единой идеи не появилось. Все было

сделано, куплено, отправлено и так далее. Возможно, это было как-то связано с Минс, которую недавно упомянул Эйч, и мозг связал это с посылкой? Но ведь посылку я отправил, да и мысли о ее получателе уже какое-то время не вызывали хаоса в голове, не будоражили чувства, не наводили ни на какие жалящие воспоминания и образы. Все было переварено и отработано, я даже выкинул сегодня утром в мусор тот конверт, и сделал это с легкостью. Так что она тут была не при делах. А что же было?

За следующий час мы сыграли еще семь партий, Эйч и Курт, как будто сумев прочесть мои мысли, зачем-то завели разговор о Минс, разглядывая фотку подаренной ей картины и выпытывая о несуществующих подробностях нашего возможного, как им казалось, реюниона. Но долго эта тема не продержалась, и Эйч начал рассказывать о забавной теории заговора, на которую он недавно наткнулся в сети, а потом мы с Куртом долго спорили на тему опенингов одного аниме, и Эйч делал вид, что его вот-вот вырвет. В какой-то момент я хотел рассказать чувакам о том, что утром проснулся в ванне и не могу вспомнить вчерашний день – но вдруг передумал. Если бы они были в курсе о том, что я делал вчера, если даже это самое “вчера” не было лишь сном, они бы сказали, а сама эта история звучала не особо смешно, скорее странно. Когда время вышло, и свет над столом погас, мы сложили шары в коробку, собрали вещи и направились к лестнице. Эйч расплатился за стол и пиво картой, и я пометил у себя в замет-

ках, что нужно ему сегодня скинуть мою часть. Оставив кии на стойке, что занимала всю стену рядом с кассой, мы вышли из клуба. После короткого перекура, во время которого были обсуждены детали сегодняшнего похода на “Пир”, мы разошлись, не прощаясь, я купил пачку апельсинового сока в небольшом магазине рядом с клубом, после чего заказал такси до дома, чтобы оставить там все лишнее перед тем, как двинуться на кольцо. На часах было 20:35.

* * *

Приехав домой, я поставил сок в холодильник, выложил из рюкзака холсты и краски, оставив их за мольбертом в углу комнаты. Все остальные нужные вещи – ключи, прозрачный пузырек с таблетками, паспорт, компактные наушники-затычки вместо стандартных накладных, пачку сигарет, четыре билета – я рассортировал по карманам джинсов и темно-красной толстовки, рассудив, что через час-два на улице будет уже слишком прохладно для футболки, пусть даже плотной. За воротник толстовки я зацепил и очки.

Поесть можно и где-нибудь на кольце, так что нужды что-то готовить не было, и я умылся холодной водой и пару раз пшикнул духами с верхней полки в ванной – подарок Минс, который держался уже почти год, но все же вот-вот закон-

чится. Половина упаковки жвачки нашлась в кармане ветровки в шкафу, и там же неожиданно обнаружилось несколько мелких купюр и горстка монет. Все это перекочевало в задний карман джинсов. Еще раз проверив все снаряжение и сменив кеды на цветастые кроссовки, которые было куда сложнее оттоптать на танцполе, я удовлетворенно кивнул и вышел из дома.

Добираться до пункта назначения на трамвае было не слишком удобно – пришлось бы делать пересадку на бульваре, ждать единственного трамвая, который оттуда ходил до Старого города, да и от нужной остановки до кирпички топать довольно долго, а я все же хотел перед всем действием зайти куда-нибудь перекусить – вопреки названию, на “Пир”, как и на большинстве подобных мероприятий, можно было только выпить, а из еды была лишь опциональная закуска к шотам в виде долек апельсина или грейпфрута. Всего пару раз я наблюдал на тусах небольшую будку с бельгийской картошкой-фри, и оба раза мне к тому моменту было уже не до еды. Прокрутив в голове эту мысленную цепочку, я решил добраться до места на метро, которое обычно игнорировал. Закурив сигарету и включив музыку в наушниках, я двинулся в сторону ближайшей станции метро, которая была в минутах пяти ходьбы от моего дома – в кои-то веки этот пункт в описании квартиры в объявлении не оказался приукрашенным в несколько раз.

В целом я не очень любил метро по трем причинам. Пер-

вая – мне по какому-то роковому невезению почти всегда нужно было сделать как минимум одну пересадку, чтобы доехать в нужное место. Вторая – станции некоторых веток были заложены довольно глубоко, и долгие поездки на эскалаторе частично нивелировали преимущество по скорости перед наземным транспортом. Третья была совершенно очевидна – совершенно неадекватное количество людей вплоть до шести-семи часов вечера, по некоторым направлениям и того больше, следовательно – теснота и духота. Однако ездить именно в Старый город из текущей квартиры оказалось не так уж и неудобно: проехать нужно было шесть станций в пределах одной ветки, и на середине этого пути, когда и начинался Старый город, поезд выныривал наружу и ехал по поверхности следующий несколько станций, пока не покидал исторический район. Видимо, это решение, примененное еще на паре участков по всему городу, было призвано придать месту больший колорит – сами наземные станции имели весьма классический вид, без потерь по функциональности. Это походило на поездку в скоростном трамвае, так что мне было не на что жаловаться, к тому же в такое время – а было уже без пяти девять – пассажиропоток заметно уменьшался.

Пока я шел к станции, я думал над тем, что этот день был довольно хорош, хоть и начался он странно. Я почти не проваливался в скуку и монотонную предсказуемость событий, я символически расстался с тяготящим прошлым, кое-какие

события наводили на мысль, что я нахожусь в каком-нибудь скучноватом и малобюджетном фильме категории “Б” – но все же в фильме, и это было несравненно лучше убийственной рутины, печать которой лежала на большинстве прочих дней. Будет о чем подумать перед сном. А, и да – любопытно, как выглядит альтернативная версия этого дня. Возможно, в этот раз интерес действительно не был безосновательной привычкой, сродни кнопке “пропустить ход” в какой-нибудь пошаговой игре. Я взглянул на часы, время – 20:58, таймер на 1:40. Снова мелькнула мысль “я что-то забыл”, но желания опять рыться в памяти уже совсем не было, и я отмахнулся от нее.

Я ступил на платформу одновременно с тем, как прибыл поезд, и мне даже не пришлось останавливаться или ускоряться – я пересек платформу и вошел в вагон ровно в том же темпе, что спускался по лестнице, и двери сомкнулись сразу после того, как я занял угловое место в правой части вагона. Мне всегда нравились такие моменты, когда по случайности мой тайминг был идеален, как, например, когда я подходил к пешеходному переходу ровно в ту секунду, что зажигался разрешающий сигнал светофора. Иногда я думал о том, как было бы приятно постоянно жить в идеальном тайминге, ни для чего не ускоряясь, не замедляясь, не останавливаясь. Наверное, это ощущается так, словно весь мир подстраивается под тебя. Да, это наверняка позволяет любому человеку почувствовать себя действительно особенным и исключитель-

ным, в противоположность почти всему, что с нами обычно происходит каждый день.

Вагон был непривычно пуст, даже с учетом позднего времени – вместе со мной в нем находилось человек десять, не больше, хотя и в соседнем вагоне было примерно так же. Я не взглянул на табло ожидания, но, скорее всего, поезд прибыл почти сразу за предыдущим. Я переключил в плеере атмосферных, но меланхоличных Riverside на более легковесную дженерик-попсу, куда более подходящую для создания правильного настроения перед движением.

Большинство из пассажиров уткнулись в экраны телефонов, несколько человек дремали, кто – поклеывая головой в такт движению поезда, кто – запрокинув голову назад и открыв рот. Глядя на них, мне и самому слегка захотелось спать, по телу прошла легкая дрожь, я подавил зевок и пару раз дернул себя за мочку уха. Что же было лучше – шумная веселая тусовка с музыкой и выпивкой, с кучей народа, ярким светом и содрогающимся от битов полом, или крепкий долгий сон, после которого чувствуешь себя отдохнувшим, в котором было что-то интересное, чего не могло быть в реальном мире? Но ведь любой сон рано или поздно заканчивается. С другой стороны, тусовка тоже заканчивается – если только ты не живешь там, где даже утром и днем можно найти место, в котором, как и во сне, легко скрыться от реальности. С третьей стороны, присниться может что угодно – в том числе и эти несколько часов отрыва под рев музы-

ки, со случайными знакомствами и плывущей головой, частично ослабив контроль над собой, который, как оказывается именно в такие моменты, мешал жить, был прослойкой между миром и твоим мироощущением, делая естественное искусственным и простое – сложным. С четвертой стороны, детализация снов оставляла желать лучшего, как и их запоминание. С пятой стороны, считалось, что это можно изменить путем долгой работы над осознанными сновидениями. С шестой стороны, это было ужасно сложно и долго, да и ничего не гарантировало. И все же я не знал точно, что я предпочитал больше – сон или реальность. Этот вопрос был слишком запутанным и разносторонним, и каждый раз в новой ситуации с новым контекстом ответ получался разный.

Поезд, проехав три станции, вынырнул на поверхность, и мне открылся шикарный вид: тонущий в сумерках и источающий прохладное спокойствие парк, что лежал между путями и грузным силуэтом Старого города, линия горизонта которого была подсвечена необычно розовым закатным солнцем, взметнувшаяся со столба стая птиц, напуганная проносящимся мимо них поездом, сверкнувшая на миг в воздухе тонкая нить – быть может, паутина, свитая старательным пауком между оградой путей и одной из стоек, что вырастали из этой ограды на равном друг от друга расстоянии, движение кажущихся отсюда миниатюрными людей по мощным булыжником улицам, между кирпичных зданий арт-галерей, белеющих стен церквей, мраморных колонн музеев и

невысоких башенок отреставрированного форта. В такие моменты я испытывал очень краткое, но сильное чувство, похожее на какой-то чуть ли не мистический опыт – единение со временем и пространством, острый творческий порыв, когда тонущий во вдохновении мозг, запечатлев яркую картинку окружающего мира, за доли секунды строил на ее основе сюжеты, создавал образы, высвечивал неуловимые, но манящие детали мира, который можно на этом построить, выдернуть из пустоты небытия, облечь в форму, став для этого мира богом. Но чувство это было очень мимолетно, и уже через несколько секунд, максимум – через минуту, яркий образ пропадал из воображения, переставал быть таким реальным. Но даже этих коротких секунд мне хватало, чтобы почерпнуть из момента хотя бы что-то, почерпнуть и запомнить свои ощущения и впечатления, зафиксировать мысли и детали, чтобы потом перенести это на бумагу – хотя бы в какой-то степени оживив этот мир.

Четыре минуты спустя я закончил записывать этот момент в хранилище ему подобных, сопроводив заметку указанием песни, которая играла в наушниках – моя память куда лучше что-то усваивала, если это ассоциировалось с музыкой. Я поставил ее на повтор, чтобы закрепить получше, и, когда поезд остановился на нужной станции, вышел из вагона, с удовольствием потянувшись и встряхнув руками. Станция была расположена на верхнем берегу реки, занятом в этой части русла Старым городом, в то время как нижний

берег разделял центр и южную оконечность города, состоящую в основном из промышленных и жилых кварталов да огромных зеленых зон – с парками, лесом, каналами и даже искусственными водопадами. На “югах”, как частенько называли район, жило не больше десятой доли всего городского населения, так что эта часть города выглядела несколько дикой, как будто ее перестали осваивать на полпути, ограничившись созданием форпоста из тонущих в зелени вкраплений пятиэтажек и переносом в этот район большей части промышленных предприятий, что когда-то находились в центре или рядом с Верхним городом. Впрочем, именно из-за своеобразного вида и застройки, такой ленивой и пассивной, мне очень нравилось здесь бывать – это было похоже на поездку за город, только весь путь занимал минут пятнадцать. Естественно, в теплое время года здесь, куда ни плюнь – шашлыки, пикники, купания и прочий активный отдых, и даже сейчас я видел, как по мосту двигаются группы людей – кто на юга, кто обратно в город.

Мне тоже нужно было к этому мосту, потому что в место – бывшее еще двадцать лет назад самым плотно застроенным заводами и цехами кварталом на нижнем берегу, а теперь превратившееся в один из крупнейших культурных и тусовочных хабов города, в котором бывшие склады и заводские помещения были переделаны под арт-пространства, коворкинги, залы для театральных постановок, творческие мастерские, ивент-холлы и так далее – в это место нельзя

было попасть из Старого города, потому что ни один мост не возвышался над изгибом, который река делала вокруг квартала, действительно почти принимая форму кольца, оставляя на нижнем берегу, со стороны югов, лишь узкую горловину прохода, не шире двухсот метров. Это выглядело довольно забавно, когда ты ночью гуляешь по Старому городу вдоль набережной, и вдруг перед тобой вырастает странный район – здоровенные кирпичные здания с силуэтами фабрик и складов, расписанные граффити, украшенные лианами, и где-то там, в центре этого места что-то гудит, долбит музыка, из малочисленных и небольших окон вырываются лучи света, тогда как улицы этого квартала едва-едва освещены, но все же видно, как там происходит оживленное движение, и можно услышать отдаленный шум голосов. Река начинает огибать этот участок, и ты проходишь его почти что по периметру, не наблюдая ни единого моста, ведущего в сие занятное место. Но через несколько минут перед тобой все же появляется мост на другой берег, где наверняка можно будет найти вход и посмотреть, что же там происходит. И ты, разумеется, не отказываешь своему любопытству. Фактически, именно так я сюда и попал в первый раз, лет девять-десять назад, когда кольцо еще только начинало свою метаморфозу, а сам я еще был школьником, развившим в себе чудную привычку выбираться на ночные прогулки, даже когда было не с кем. Улыбнувшись этому забавному воспоминанию, я закурил и направился к мосту.

Здание кирпички, где должен был проходить “Пир”, находилось в левой части кольца, недалеко от набережной. Туда можно было попасть либо с самой набережной, либо свернув с одной из двух главных улиц квартала в короткое ответвление, в котором, помимо бывшего корпуса кирпичного завода, располагались блинная, фастфуд с претензией на приготовление мяса на открытом огне и выставочный комплекс “Скважина”, к задней части которого примыкали парковка и небольшая пешеходная зона, по периметру заставленная типичными для уличного фуд-корта вещами: широкими деревянными бобинами в качестве импровизированных столов, окружающими их простыми стульями без спинок, лавками, двумя лестницами-амфитеатрами в углах. На парковке частенько – не только по субботам и пятницам – было полным-полно байкеров, отчего-то избравших этот участок кольца одним из своих любимых мест для встреч. Когда я проходил мимо глубокой арки, ведущей из переулка в этот своеобразный дворик, я успел заметить с десятков мотоциклов на парковке, да в самом пространстве уже было довольно многолюдно. Люди сновали туда-сюда через арку, стояли группами у стен “Скважины”, рассаживались за столики и на

ступенях лестниц, болтали, подходили к небольшому прицепу, в котором продавали алкогольное мороженое, кто-то уже был навеселе и исполнял какие-то не слишком техничные, но рьяные танцы. Из чьих-то колонок играла музыка – тот же мимолетный летний попс, что я недавно слушал в метро.

Люди здесь были самые разные: от явных школьников – не старше, чем я был во время первого своего визита сюда – кричаще одетых, громких, эмоционально возбужденных, и до пожилых пар, с любопытством прогуливающих по улицам и переулкам. Ну и все, кто между ними: укутанные в кожу байкеры, офисный планктон в лоферах и со стаканами жизненно необходимого им кофе, небольшие отряды из неразлучных с телефонами девиц в откровенных легких нарядах, бодро щебечущие на своих языках туристы, отвязного вида студентота с рюкзаками и сумками, влюбленные парочки, гуляющие по набережной или уединившиеся за столиками, бодрящиеся дамы за сорок, диджеи и организаторы ивентов, локально известные рэперы, рабочий люд с производств... Благодаря такому разнообразию кольцо всегда казалось мне одним из самых ярких и колоритных мест в городе.

Я прошел мимо кирпички, глянув на внутренний двор – по нему сейчас ходило несколько человек, завершая подготовку площадки. Это место было похоже на двор за выставкой, только побольше, а в остальном – те же лавки и стулья, бобины-столы, расставленные перед небольшой сце-

ной поддоны с матрацами, та же лестница-амфитеатр, только пониже и пошире, прилегающая к основному зданию большая деревянная веранда, на которую можно было попасть из просторного коридора, что обычно служил баром или гардеробом – смотря кто и в каком формате организовывал движ. Отличительной особенностью двора кирпички была трехметровая строительная вышка, которую использовали во время ремонта и обновления внешнего вида заводского корпуса, для перекраски рыжего кирпича в красный, ну и для разрисовки стен завода сюрреалистическими граффити. Когда ремонт закончился, новый владелец решил выкупить вышку, за время работ приобретающую весьма колоритный вид, и с тех пор она стоит в центре двора, вмонтированная в бетонное основание. Иногда ее использовали как большую горку для лазания или площадку для сидения, иногда на самом верху устанавливали проектор или какую-нибудь светомузыку.

До начала было еще минут сорок – вполне достаточно времени, чтобы где-нибудь перекусить, и я зашел в фастфуд напротив кирпички. Заказал два бургера по акции и стакан пива и сел у окна, ожидая своего заказа. Не успел я погрузиться в чтение ленты, как кассир объявила мой номер, и пиво с бургерами перекочевали на столик.

После первого, умятого довольно быстро, я скривился и откинулся на спинку стула. Зачем мне все это? Почему я ем бургеры и картошку, хотя обещал себе, что начну питаться

нормальной едой, почему я каждый день пью, а не бегаю и не хожу в зал, как когда-то собирался делать, почему я ложусь спать в час-два ночи, хотя знаю, что нужно будет проснуться в 8:00, и из-за недосыпа первые несколько часов я буду полным овощем? Да может и не несколько часов. Вполне возможно, что я уже так сильно подорвал свой режим и запустил здоровье, что то, что кажется мне сейчас нормой – это на самом деле серьезная степень деградации. Ну, если подумать: усталость, апатия, рутинность и серость всего вокруг, за исключением редких часов или дней, слабость физическая и моральная – это все ведь не взялось из ниоткуда. Так зачем я делаю с собой такое? Думать об этом совсем не хотелось, что наверняка означало: подумать об этом стоит. Хорошо, ну не буду я всего этого делать, возьму себя в руки, оздоровлю образ жизни. И что дальше? Как будто я раньше не пытался. Всегда получалось одно и то же: спустя какое-то время без нескольких лишних часов на залипание в сети или в играх, без выпивки, без вредной еды, без веществ, без тусовок, без прокрастинации, занимаясь почти все время лишь “нужными” и “полезными” занятиями, я испытывал эмоциональный шок и впадал в жестокую меланхолию – остатки смысла пропадали из жизни, и бодрость с мотивацией, переполнявшие меня в начале этих “проектов улучшения жизни”, мгновенно испарялись, столкнувшись с реальным миром. Реальным миром, в котором стараются тысячи, а добиваются своих целей единицы; реальным миром, который твердит одно, а де-

лает прямо противоположное; реальным миром, где я знаю, каким человеком хотел бы быть, но не могу приблизиться к этому ни на шаг. Наверное, больше всего в окружающей действительности меня раздражало именно лицемерие происходящего – пропаганда оптимизма, лживые заявления политиков, деструктивность примененных на практике социальных идей, тотальное безразличие к судьбам отдельных людей при вылизывании задницы безликому обществу, и так далее. Слова и прокламации здесь так часто расходились с действиями, что почти обесценились. Невозможно было понять, что на самом деле происходит в мире, кто прав, а кто виноват, чем являлось и было вызвано определенное событие – слишком много у нас появилось инструментов для обмана и манипуляций. По факту у тебя оставалось два пути: следовать своим мечтам или плыть по течению. Первый путь почти всегда заканчивался неудачей и пониманием, что тебя обманули. Второй обычно приводил тебя к разложению личности и ненависти к себе. Только в первом случае ты старался что-то делать, а во втором – просто отдался на волю судьбы. Оба пути вели к краху, но в первом случае ты прикладывал усилия. Те, кто все же сумели добиться того, чего хотели, получали от жизни удовольствие большее, чем те, кто сдался и не страдал от этого – большее пропорционально разнице между усилиями их единомышленников-лузеров и усилиями тех, кто отказался от мечты. Проще говоря, стремясь к чему-то, пытаюсь чего-то достичь и прикладывая к

этому усилия, ты лишь повышаешь ставки, а сама выбранная стратегия никак не влияет на вероятность стать счастливым.

Пересилив отвращение к себе, я все же сделал большой глоток из стакана и откусил второй бургер. В общем-то, можно было объяснить все эти мысли и чувства, легко объяснить все мои нездоровые привычки, зависимости и отношение к жизни. Я видел два возможных объяснения этому явлению, и они в то же время могли быть одним и тем же. Первое: со временем я – наверняка и большинство людей, но я не могу быть в этом полностью уверен – начал постепенно терять интерес ко всему вокруг, моя способность радоваться, удивляться, надеяться и видеть что-то хорошее и достойное начала ослабевать по каким-то причинам. Быть может, это естественный процесс, быть может – следствие не самой радостной и интересной жизни, неважно. В любом случае, что-то вызвало этот спад, и чем дальше, тем более интенсивными должны становиться ощущения, впечатления и эмоции, чтобы поднять эмоциональный фон на тот же уровень, что и раньше. Если когда-то меня радовал стакан холодного кваса, купленный отцом в жаркий летний день на рынке, то через какое-то время для того, чтобы обрадоваться так же сильно, мне нужно было выпить литр-два пива на вписке у друзей, а сейчас выпить литр-два пива – это почти что ежедневная обыденность, и порадовать меня так же, как когда-то стакан кваса или литр пива, может только что-то куда более экстремальное. Если когда-то новый мультфильм по

телику или первые игры на стареньком компе были для меня настоящим откровением, то сейчас я уже не могу выносить большинство игр и мучительно долго выбираю, что бы такое посмотреть. Второе объяснение: радости постепенно стало меньше из-за привыкания к обычной ее дозе, и тогда это настоящая зависимость от удовольствия. А я просто не могу качественно получить нужные эмоции, поэтому пытаюсь компенсировать количественно – отсюда и желание под вискарь и пиццу залипнуть в какой-нибудь затягивающий сериал или мульт, отсюда многочасовое зависание в ленте с мемами, на ютубе или твиче – все это аддиктивно и требует ровно ноль умственного напряжения, это просто погружение себя в бессознательное состояние расслабленного блеяния и пускания слюней, это рай для прокрастинации, основа которой – выбрать что-то наименее энергозатратное и попытаться убедить себя, что здорово проводишь время, хотя на самом деле его просто мотаешь в бесплодных попытках испытать какие-то эмоции и получить впечатления, а остановиться не можешь именно потому, что это не работает, ты понимаешь, что цель не достигнута, ты не развлек себя достаточно, поэтому нужно продолжать, все дальше и дальше, пока не начнут слипаться глаза, пока не наступит дедлайн по работе, пока не нужно будет куда-то сходить или чем-то заняться – чем-то обязательным и неизбежным. И, неохотно выходя из своего овощного прозябания, испытываешь какое-то внутреннее опустошение и разочарование.

Потягивая пиво, я смотрел в окно, рассеянно наблюдая за людьми снаружи. Солнце уже почти скрылось, и кольцо погружалось в предночную прохладную темноту. Силуэты пересекали переулок, огибали здания, стояли, сидели, сбивались в группки, болтали и смеялись. Все эти люди сейчас весьма довольны – они свободны от забот, от обязанностей, от быта, они отдыхают. Я тоже не особенно несчастен прямо сейчас – всего лишь ненадолго погрузился в рефлексию. Скоро я выйду из заведения, встречу Курта и Эйча с Вик, угорю на движе и не буду думать обо всех этих мрачных вещах. Но пока что я здесь, и я о них думаю. Двери фастфуда хлопали, впуская и выпуская посетителей, и пожилая уборщица сновала между столиками, наводя вокруг себя чистоту и порядок.

Но разве не этого от всех нас хотят? Бесконечного, неукоснительного и пассивного подчинения своим любимым источникам информации, своим обожаемым медиа. Что плохого в том, что у тебя тысячи каналов на телике, новостные ленты, подписка на стриминговую платформу с эксклюзивными сериалами, с каждым днем все более персонализированные рекомендации на видеохостингах, игры-сервисы с лут-боксами и микротранзакциями, сотни приложений на телефоне – от кликеров до мэтчинговых сервисов, блоги, каналы и сайты в закладках, переиздания, сиквелы и ремейки, ремастеры, спин-оффы и все более расширяющиеся выдуманные вселенные, быть может, уже даже любимая

реклама есть? И все это связано упоминаниями, отсылками, цитатами, кроссверами, фан-сервисом, одобрено обзорами, разборами, анализом, рекапами, реакциями, спидранами, разборами спидранов, рейтингами обзоров, реакциями на реакции и так далее. Ну и что тут такого, действительно. Просто таков современный мир, вот и все. Это ведь приколливо и весело, людям нравится, так чего ж еще хотеть?

Возможно, людям стоило бы хотеть чуть меньшего погружения в информационный поток, чуть спокойнее ждать нового сезона любимого шоу, чуть менее охотно отдавать деньги за новую раскраску для виртуальной пушки, чуть менее пристально следить за каждым словом и движением селебрити. Потому что все выглядит так, будто мы не очень-то хорошо себя контролируем, не слишком успешно боремся с зависимостью от потребления информации. И по мере того, как все эти виртуальные развлечения будут становиться все более доступными и легкоусвояемыми, увеселительными и бессодержательными, по мере того, как с их помощью человеку будет все легче забыться и отвлечься от реального положения вещей в своей реальной жизни, которая никуда не денется, которая будет терпеливо ждать, бездействие и игнорирование реального мира приведут к возникновению все больших проблем в реальном мире, и когда человек – рано или поздно ему придется это сделать, мы пока еще не способны полностью погрузиться в матрицу – столкнется с этими проблемами, ему придется отдавать долг, который он

взял у самого себя. Мы бежим от самих себя – от того в себе, с чем не хотим иметь дело, что кажется не таким простым, приятным и доступным, как маниакальное потакание элементарным и примитивным нуждам. Хотя вполне может быть, что эти части нас, которые мы покидаем в одиночестве, заброшенными и забытыми – как раз те недостающие элементы, без которых не складывается пазл нашей жизни, без которых мы можем лишь веселиться и развлекаться, не становясь счастливыми. Мы забываем, что тишина, уединение, комплексные размышления, грусть, самоанализ, уязвимость и открытость, эмпатия, искренность с собой и другими – это тоже очень важная часть нашей жизни, отворачиваться от которой опасно для собственного душевного комфорта.

Мне понравился такой ход мыслей, и, взглянув на часы, я решил остановиться на этом моменте, уже не таком мрачном и отчего-то даже обнадеживающем. Закусив остатком бургера последний глоток пива, я зашел в туалет и через минуту направлялся к входу в кирпичку, у которого уже выстроилась немалая очередь.

В толпе людей, как обычно, царило веселье и возбуждение, все шумели, нетерпеливо топтались на месте или бродили вдоль стены, пара чуваков обходила очередь, предлагая билеты, кто-то делал селфи на фоне арки входа, кто-то присел у стены, качая головой в такт музыке в наушниках, настраиваясь на тусовочный вайб. Меня тоже почти сразу захватило стандартное предвкушение движа, и я сам не заме-

тил, как начал кивать головой и ухмыляться, улавливая вибрацию в здании за стеной.

Через пару минут подошел Курт с блестящими глазами и тоже ухмыляющийся. Мы начали обсуждать заявленные лайн-апы для разных залов, строить догадки о планировке, которую скоро увидим. За нами встала компания из трех парней и двух девушек студенческого вида, и вскоре у нас с ними завязался непринужденный разговор на тему, кто откуда, кто на какие последние ивенты ходил, чего ожидать сегодня – ну и все в таком духе. За несколько минут до начала к нам присоединились и Эйч с Вик, и после ее классического приветственного повисания на наших с Куртом шеях и короткого обмена громкими куражными подначками, мы, вместе со стоящими позади нас ребятами – как оказалось, недавними выпускниками медицинского, сюда приехавшими как раз отмечать свой выпуск – погрузились в привычное состояние веселости и легкого мандража. Это было одной из моих любимых вещей в походах на ивенты – настоящие эмоции приятного волнения и непринужденности, доступные даже без каких-то искусственных стимуляторов, рожденные одним только воображением на пару с памятью о предыдущих похожих вечерах.

Когда на часах было уже начало одиннадцатого, шум в начале очереди стал громче, железные ворота, закрывающие проход в арку, звякнули, и к очереди вышли два фейсконтрольщика. Вскоре очередь начала понемногу двигаться впе-

ред, и я полез в карман за билетами и паспортом.

* * *

В этот раз коридор за верандой, прилегающий к первому залу, в который сразу попадали люди, пройдя через арку в своеобразный тамбур, оказался баром – да и неудивительно, в июне людям было особо нечего сдавать в гардероб. По правой стороне была барная стойка, по левой, через проход – диваны и плетеные столики. Я сразу обратил внимание на отсутствие пепельниц – значит, сегодня курить на баре нельзя, нужно будет по-любому выходить на улицу. Ну и ладно, даже лучше – будет больше поводов проветриться. Народ еще только подходил, и в залах было пусто, хотя в том, что был ближе всего к выходу на веранду, уже на полную выкладывался диджей. Курт стал посреди зала – в точке, где раз в несколько секунд сходилась добрая половина лучей света – и принялся исполнять что-то агрессивно-эпилептическое, пока мы втроем обходили зал, осматривая все и постепенно подхватывая ритм музыки. В этом зале по плану должны были всю ночь ставить драм, транс и прочую электронщину, остальные два зала – с хип-хипом и ремиксами сезонной попсы – должно быть, стартуют чуть позже. Вик уже вовсю болтала с нашими новыми знакомыми, чем-то очень увлекая

двух девушек-медиков. Двое чуваков из их компании двинулись в следующий зал, а третьего мы с Эйчем позвали с собой покурить на улицу. Эйч жестами показал Вик, куда мы идем, она вскинула вверх оба больших пальца, и мы направились к выходу на веранду.

Рассевшись вокруг столика на краю деревянной платформы, мы закурили и начали трепаться о тусе и смежных вещах.

– Какие у вас, ребят, планы на движ? – я с любопытством спросил у чела из компании выпускников, представившегося Маком. – Так просто заглянули или будете гореть до победного?

– Да какое заглянули, ты что, – он так фыркнул, что даже слегка поперхнулся дымом. – После шести лет этой каторги мы будем гореть так, что утром придется ложиться под капельницу.

– Круто, если еще и ваши девчонки вывезут ваш настрой!

– Не, ну если что, так мы их на кресла в чилл-зоне усадим откисать. – Мак пожал плечами. – Но я точно буду до финала двигаться.

– Еще бы. Когда мы выпуск отмечали, двоих увозили ночью на скорой. – Эйч усмехнулся, вспоминая то, что я даже при желании вспоминал с большим трудом, хотя прошло всего-то три года. Я тогда даже не то чтобы сильно накидался – хотя, если верить Ми, она несколько раз за вечер конкретно спасла мою жопу – и пробуждение вечером встрети-

ло меня всего лишь стандартным похмельем, но почти все ключевые моменты я помню только по смутным ассоциациям и рассказам Ми и Эйча.

– Хера себе! – Мак от удивления присвистнул. – Это где вы так отдыхали?

Эйч ткнул себе за спину, примерно в ту сторону, где находился “Кайман”.

– Да есть тут на соседней улице заведуха, три этажа с залами – мелкие танцполы, бар, диванчики, все дела. Называется как-то по-крокодильи, я и не помню.

– Ну начали-то мы у Лекса на хате, вся дичка уже там началась. Тогда Курт начал смешивать в себе этот крутой коктейль, а С.М. уже тогда нормально накидался и чуть окно Лексу не разбил, когда ему кто-то с улицы фак показал. – начало вечера я помнил довольно неплохо, примерно до полуночи, а вот дальше уже начинались сплошные белые пятна. – А в “Каймане” они уже просто забыли, чего в себя на хате напихали и залили.

– Во, точняк, я еще помню, как Курт с Триппи пересрались, потому что она не ставила на ноуте треки, которые он просил. А как бухой Лекс подкатил к девчонке, которая парнем оказалась? Хах, я ему еще не так давно это напоминал. – лицо Эйча приобретало мечтательное выражение, пока он погружался в воспоминания.

– Ну это я только по твоим рассказам помню. – я затаился и попытался выдохнуть колечко дыма. – Зато помню, как нас

чуть велосипедист не сбил по пути из “Койота”, когда мы песни орали и по всему тротуару прыгали.

Мак с ухмылкой и любопытством переводил взгляд с меня на Эйча, пока мы вспоминали события неформального выпускного и подсчитывали потери. В итоге Эйч пожелал ему, чтобы с ними такого не произошло, и мы еще пару минут обсуждали, что на второй сцене должно быть круто, что народу сегодня – мы видели арку входа через забор дворика – уже до черта, а Эйч обещал развалить бар, если они будут так же сильно разбавлять ром с колой, как и в прошлом году, а потом Маку написала одна из их девчонок, и он пошел в зал, заверив, что еще нас найдет. На входе он разминулся с Вик, которая почти что тащила за собой Курта.

– Все, алярм, у него началось! Уже лезет в дэнс-баттлы какие-то!

Курт позади нее закатил глаза и высунул язык, изображая смерть от удушения. Он нес подставку с шестью шотами, а еще два в свободной руке несла Вик, при помощи изученного за время работы официанткой искусства равновесия даже ничего не расплескивая. Эйч вытаращил глаза в изумлении.

– Женщина, а где апельсины? Ты чо, в склероз впадаешь?

– У них не было ни апельсинов, ни грейпфрутов. А ты что, просто так уже не можешь какой-то шотик выпить?

Вик поставила сет на столик и почти что рестлерским приемом плюхнулась на мужа. Тот резко выдохнул из легких весь воздух и в ответ взял ее шею в захват.

– Да ты даже не спрашивала, стопудово!

– Спрашивала-спрашивала, вон у Кей спроси! – она жестом умирающего ткнула пальцем на Курта, притворно пытаясь выбраться из захвата.

Курт только скрестил руки перед лицом в жесте отрицания, а затем еще и помотал головой, показывая, что не будет покупаться на эти провокации. Эйч и Вик любили разыграть какой-нибудь спор и призвать мнение со стороны, чтобы уже через минуту общим фронтом наброситься на наивного заступника, на чью бы сторону он ни встал. Устав смотреть, как Курт шарит по карманам в поисках огня, я прикурил ему сигарету своей зажигалкой. Он рассказал, что в первом зале валят какое-то дичайшее техно, а второй и третий уже начали разогрев, и что народу везде уже нормально, можно врываться. Придя к консенсусу, что да, действительно, можно уже идти, мы махом выпили по два шота и направились к входу в коридор. Еще даже дверь за нами не успела закрыться, как я уже почувствовал легкость в голове и улыбнулся. Вечер начался.

* * *

Уж не знаю, как дела обстояли с ромом, но виски с колой на баре смешивали довольно честно. Через полчаса отрыва

в первом и втором зале первые два шота выветрились из меня, мы с Куртом вышли покурить, после чего он сразу же вернулся в толпу, а я решил догнаться и немного посидеть, чтобы не пить все сразу и не расплескать стакан на танцполе – сегодня было действительно много людей и периодически даже слишком тесно, несмотря на внушительные размеры всех залов. Все было ништяк, когда в этой тесноте к тебе прижималась и прыгала рядом какая-нибудь приятная леди, но, когда это был размахивающий локтями, словно мельница крыльями, ошалевший чувак, приходилось немного отступать.

Я выбрал место у правой стены второго зала, вдоль которой взявшие передышку сидели на лестнице-амфитеатре из трех узких ступенек. Потягивая коктейль, я лениво достал из кармана джинсов телефон, вспомнив, что Л-Т. просил небольшой видеоотчет. Конечно, во втором зале, который сотрясался от качевого битла замикшенных до неузнаваемости треков, стоило снимать видос только в движении и с танцпола, но я подумал, что потом запишу и такой, а сейчас главное – просто не забыть хоть что-то снять.

За два месяца я даже успел забыть, как выглядит и звучит движ на кольце. Почти полная темнота в залах, за исключением пары тусклых ламп, цветных вспышек и лучей прожекторов, подсветки диджейки да экранов телефонов. Бетонный пол, вибрирующий от топота ног и сотрясающих стены и стекла басов. Обычные, забавные, интересные и стран-

ные люди – отжигающие на танцполе, мерно покачивающиеся по периметру зала, разбросанные по матам, креслам и стульям, изнемогающие, болтающие друг с другом, те, кто уже как будто отрубился, одни или в группах, трезвые, пьяные, обдолбанные, на кураже, без понятия, что происходит вокруг – в общем, самые разные. Чел за вертушками ставит следующий трек, и кто-то переходит в другой зал, или идет на улицу покурить, а кто-то, наоборот, как раз заходит, запрыгивает, втанцовывает, с одобрением качая головой и улыбаясь от уха до уха. Лучи то и дело выхватывают из полумрака лица, движения, мелкие детали толпы. Что-то выглядит смешно, что-то – атмосферно и в тему.

Много чего крутого было во всем этом. Например, мне нравилось случайно столкнуться с кем-то знакомым и перекинуться парой фраз – пока я неспешно пил виски с колой, рядом приземлился Мак, рассказал, как одна девчонка из их компании сейчас чуть не навернулась с балкона в третьем зале, но он и еще один чувак успели вернуть ей равновесие. Мы поболтали еще минуту, и он пошел на бар. Еще мне нравилось ощущение уединения одновременно с принадлежностью к этой огромной массе людей. Чем-то это было похоже на одиночество в толпе, только без негативного смысла – казалось, что между уединением и толпой есть четкая граница и момент выбора, и ты можешь в любой момент по собственному желанию пересечь эту границу, встроившись в общий движ и поймав ту же волну, а можешь выйти из толпы и спо-

койно сесть где-нибудь, где тебя никто не побеспокоит. Я даже пару раз дремал на подобных сейшенах, и, надо признать-ся, было вполне комфортно, ничего не тревожило, у меня даже ничего не подрезали.

Когда в стакане осталось меньше трети, я подумал, что уже ничего не расплескаю, и можно где-нибудь стать и залипнуть в музыку. В первом зале я сразу наткнулся на Вик с одной из выпускниц и с дурацкой гримасой влез в их селфи. Вторая девчонка засмеялась, а Вик, преувеличенно нахмурившись, ткнула меня локтем в плечо.

– Йо, че как?

– Ты где торчишь, м? Тут уже минут десять такую жару дают! – она заметила стакан в моей правой руке, но я вовремя завел его за голову.

– Эйч и Кей на улицу пошли?

Диджик плавно опускал питч, и электронный скрежет и футуристичные всхлипы трека звучали медленнее и обдолбаннее. Я понемногу начинал синхронизироваться с ритмом, мешала только Вик, которая все еще пыталась выхватить стакан у меня из руки. Стоявшая к нам полубоком студентка с закрытыми глазами плавно раскачивалась под замедляющийся трек, и я мог рассмотреть ее подробнее.

– Не, они на баре чего-то взять хотели, но ты походу сегодня вырываешься вперед.

– Я за первые полчаса так разогнался, что те шоты испарились. – Вик бросила свои попытки, и я отхлебнул из ста-

кана уже не холодный, но прохладный виски. — А ты чего тянешься, попрошайка, тоже догнаться хочешь?

— Пук на тебя, жмотяра. Я, может быть, через полчаса еще шот сделаю, но мне пока и так нооорм!

Последнее слово ей пришлось прокричать, потому что постепенное замедление и уплотнение баса разразились мощнейшим дропом, от которого, как мне показалось, должно было вылететь хотя бы несколько стекол. Немного зависшая в напряжении публика в тот же момент отреагировала, и зал затопил гул, дрожание стен, чьи-то вскрики и дикая мешанина подсвечиваемых стреляющими лучами прожектора тел, которые почти синхронно взорвались в движении. Раскачиваясь и прыгая, я подумал, что вот как раз это стоило бы снять для Л-Т., но мне было уже не до телефона.

Через пару минут трек немного успокоился, и как раз подошли Курт с Эйчем, каждый со стаканом в руке. Мы вчетвером немного отошли от основной движухи, встав рядом со здоровенной квадратной колонной. Вик запилила очередное групповое селфи на фоне тонущей в огнях диджейки. К нам подошел — скорее даже, подвалил — странный мужик в кепке с дамой под руку и поинтересовался, чего все здесь такие веселые, и нету ли у нас чего-нибудь, чтобы ему и его спутнице “во так же было”. Мы с Куртом синхронно подумали, что тип очень мутный, и Кей сурово ответил, что мы тут сами ничего не знаем, но указал на бар. Случайным людям было непросто выдерживать взгляд Курта дольше нескольких се-

кунд, и странная парочка удалилась.

– Уважаемые, что вы брали? – я спросил чуваков о напитках, уже допивая свой виски с колой и оглядываясь в поисках места, куда можно поставить пустой стакан.

– Я взял ром с клюквенным соком, Кей вискарь. – Эйч протянул стакан Вик, она отхлебнула и поморщилась.

– Есть у кого мелочь? Пойду лучше куплю водички.

Я достал из заднего кармана несколько монет – столько, сколько примерно стоила бутылка воды на баре – и обменял их на стакан Эйча. Сделав небольшой глоток, я понял, почему Вик так скривилась – смешано было довольно крепко. Я протянул стакан обратно.

– Ну что, бару ничего не грозит?

– Да, все по красоте, нуль претензий. Мы тут какой-то крутой трек пропустили? – Эйч с сожалением оглядывал понемногу затихающий зал, который вновь погружали в плавный и мерный гул, в который иногда вклинивался электрический треск.

Я переглянулся с Куртом – он тоже понимал, какой будет следующий дроп и уже поспешно опустошал свой стакан.

– Да, чел тут нормально так взорвал, я прям вовремя подошел.

– Мы даже на баре слышали, и прикинь – стаканы на стойке затряслись.

Курт ненадолго отвлекся от своего виски и закивал, облокотившись на меня своим здоровенным локтем.

– Ее, мэн, я отвечаю – это топовая туса! Помните, я говорил про Трикотаж? Все, забудьте, нахер Трикотаж, я тут весь отпуск жить буду!

Я только развел руками в щедром жесте “не благодарите, что я так хорош и вообще всегда прав”. Мимо нас прошли двое челов в оранжевых баскетболках и темных очках, не прекращая дергаться под бит даже на ходу. Только сейчас я вспомнил про собственные очки, висящие на воротнике толстовки, и тотчас же нацепил их на нос.

– Так, ну что, ты уже был в третьем? Мы тут разминулись с тем челом, который с нами в начале курить выходил, он говорит, в третьем валят вообще по дикухе. – Эйч принялся активнее налегать на свой ром, тоже смекнув, к чему идет трек.

– Ноуп, только в курсе, что там тоже есть балкон, с которого можно в угаре навернуться. Тот же чел мне говорил, что одна их подруга чуть не бахнулась вниз, но они остановили этот порыв.

– Так это же именно то, что нам нужно, чуваки, – Курт проводил взглядом симпатичную блондинку в радикально коротких джинсовых шортах. – План такой: становимся на балкончике рядом с какой-нибудь бьютифул бэйбой, у самого края, и кто-то из вас как бы случайно ее слегка подталкивает – лучше, наверное, Эйч, тебя Вик отобьет в случае чего...

– М, что я кому отобую? – Вик как раз вернулась с бутыл-

кой воды под мышкой, на ходу с кем-то переписываясь в телефоне.

Курт щелкнул пальцами, обрабатывая очередную идею.

– А лучше пусть Вик и толкнет. И когда та начнет падать, я ее подхвачу – и бэмс, я герой вечера и через пару часов уезжаю с этой бэйбой домой.

Эйч только разочарованно покачал головой.

– Бро, ты посмотрелся каких-то тупых мелодрам. Можем поспорить, что в итоге тебя сразу же отошлют, может даже, по лицу получишь.

– Кей, хватит фантазировать, ты живешь в мире иллюзий. – Вик закатила глаза, явно не оценив план Курта. – Гляньте лучше фотки!

Она начала показывать, что наснимала, пока тусовалась в этом зале с подружкой чуть не выпавшей девчонки. Оказалось, что эта самая подруга – бывшая одноклассница брата Вик.

– Я так и думала, что где-то ее видела, а потом вспомнила, что когда-то застучала малого с сигаретами – стоял за школьным стадионом с компанией, когда я вечером туда погнала бегать. – Вик всегда была активным хейтером курения, и в свое время я часто поминал ее не лучшими словами, когда она затянула в свои сети Минск, и та пару месяцев душила меня лекциями и нотациями. – Вот она их всех так активно защищала, я даже забила и просто двинула дальше бегать, а ее запомнила. Интересно, да? – последнее она почему-то спросила у меня.

– Ну так, слегка прохладно. А что?

– Да я думала, тебе будет интересно, ты же ее так внимательно рассматривал после того, как в нашу фотку влез. Кстати, она ни с кем из своей компашки не мутит, так что... – глядя на хитрую улыбку Вик, я подумал, что нужно быть внимательнее, что ли.

Эйч еще раз глянул на фотку и одобрительно покачал головой.

– И правда, чел, пора бы уже что-то делать, а то совсем закиснешь.

Я сделал вид, что у меня начинается приступ эпилепсии. Обычно это у меня получалось так отвратительно и пугающе, что тему моментально сворачивал любой, кто решал ее поднять, но эти трое сейчас были уже слегка подпитые, и их азарт было трудно сбить. Можно было бы, конечно, рассказать, что сегодня утром я нашел в ванной помаду, но тогда пришлось бы рассказать, что я проснулся в ванне, и не имею ни малейшего понятия, как туда попал, и откуда, собственно, взялась помада.

– Реально, вот подумай сам. Мы на тусе, тут столько классных малышей, почему бы не попробовать кого-то найти? Бери пример с меня, я постоянно в движении, охота никогда не прекращается.

Подтверждая свои слова, Курт улыбнулся одной из девушек, стоящих у колонны напротив. Та едва улыбнулась в ответ и наклонилась к уху своей подруги.

– Ага, я твою технику знаю: уверенно подошел, стал позади, начал дэнсить так, чтобы она сама твоих рук задницей касалась, постоял и уверенно отошел с осознанием победы.

Вик засмеялась, а Эйч чуть не подавился ромом. Еще на последнем курсе Лекс подметил эту тактику Кей, которая приносила нужные плоды не чаще, чем виноградная лоза в тайге.

– Ты бы лучше не рофлил, а показал, как надо. Давай поспорим, что я сегодня быстрее кого-нибудь склею? – Курт уже допил виски и сейчас пританцовывал от нетерпения, потому что трек уже ускорился.

Чтобы не продолжать эту тему дальше, я согласно кивнул.

– Базара ноль, давай. Только не расстраивайся потом сильно.

Эйч, который уже тоже допил ром, разбил, и мы направились обратно на танцпол, где все сильнее росло напряжение и сгущался бит. Я остановился под квадратным балконом с чилл-зоной, на который вела витая деревянная лестница. Прожектор бился в припадке, пытаюсь успеть за музыкой, кто-то в толпе уже трясся, кто-то стоял, замерев, кто-то продолжал мерно покачиваться. В этот раз я все же вспомнил и включил камеру на телефоне. Когда напряжение и скорость уже невозможно было повышать дальше, по залу прокатился протяжный электрический треск, за которым, после секундной паузы, обрушился дроп – такой оглушительный, что я несколько секунд двигался, совершенно ничего не слы-

ша, кроме звона в ушах.

* * *

Следующий час пролетел на удивление быстро – мне показалось, что прошло минут двадцать от силы, но часы убежали в обратном.

Мы все же зашли в третий зал, и нужно сказать, что там все было реально круто – в сете были сплошные хиты, как текущие, так и десятилетняя классика, замиксованная и отполированная до блеска, да и людей было даже больше, чем в первых двух залах. Периодически даже пускали дым, а еще здесь, наконец, можно было в некоторые моменты и поорать песни – в первом зале на треках вообще не было слов, которые бы не были вплетены в сам бит, а во втором я зачастую не был знаком с текстами, особенно тех треков, что были популярны сейчас.

Кей, похоже, все же думал о том, чтобы сработать спасателем, и держался у края балкона, ожидая несчастного случая, но никто не собирался выпадать. Зато это мне напомнило о нашем споре. После очередного перекура и четвертого шота мы с Эйчем и Вик вышли на улицу, и я уселся на один из матрасов на поддонах. Когда закончились шутки над Куртом и его подкатами, они пошли разведать последнее белое пят-

но сегодняшнего движа – мы узнали от сидящего на соседнем поддоне чувака, что из второго зала есть выход в еще один небольшой дворик. Я хотел еще посидеть, и сказал, что скоро подойду.

Вскоре после того, как Эйч освободил место на матрасе, рядом села девушка неформального вида – короткие серо-желтые волосы, темная помада и небольшие проколы на обеих щеках ближе к губам, которые выглядели, как ямочки. Она попросила зажигалку, я прикурил ей сигарету, и, слово за слово, мы разговорились. Яна была здесь с подругой, но в данный момент подруга куда-то запропастилась и не отвечала на телефон. Мы сошлись на том, что на тусе это дело обычное, и что попозже можно сходить ее поискать. Какое-то время мы продолжали болтать, сидя на матрасе: я – по-турецки и наклоняясь к ней, чтобы было лучше слышно на фоне многолюдного шума, она – болтая ногами и улыбаясь. Потом ей стало холодно, а у меня начали неметь ноги, и мы пошли внутрь, искать подругу. Во втором зале мы пересеклись с Вик, и она мне одобрительно подмигнула, тактично пройдя мимо. Довольно быстро согревшись и размявшись на танцполе – за вертушками был уже другой чувак, и весь его сет был очень нюускульным и движовым – мы присели на одну из широких ступенек лестницы, и именно там и нашли подругу Яны – она сидела, опустив голову на ладонь и была в весьма расслабленном настроении. Моя новая знакомая тяжело вздохнула и сказала, что ей нужно вывести по-

другу прогуляться. Я предложил через полчаса встретиться во втором дворике и показал на дверь, которая туда вела из этого зала. Яна с улыбкой кивнула и потащила подругу к выходу. Тут мне подумалось, что я ее даже нигде не добавил, чтобы можно было написать, так что, как это обычно бывает, уже вряд ли встречу сегодня. Впрочем, я не особо расстроился, посчитав, что спор я все равно выиграю, если у Курта будет совсем пусто.

Я решил закрыть второй час на тусе завершением второго цикла выпивки, и взял на баре еще один виски с колой. В общем-то, для последних двух шотов продолжение пока не требовалось, но почему бы и нет. На балконе с чилл-зоной в первом зале я обнаружил Курта, откисяющего в кресле-мешке с полужакрытыми глазами. Он сказал, что у него слегка закружилась голова на втором танцполе, и он пришел сюда передохнуть. Оказалось, что до этого он еще и пытался подкатить к одной из девушек-медиков, но перепутал ту, что, по словам Вик, была свободна, с другой, которая, как выяснилось, была девушкой одного из чуваков в той компании. Теперь Кей было ужасно неловко, и он просил сказать, если я замечу, что она или ее подруга поднимаются вверх. Я ему посочувствовал и рассказал про Яну. Хотя все и шло к тому, что Курт проиграет спор, который сам и придумал, он хлопнул меня по плечу и пожелал удачи, и я догадался, что весь спор изначально был поводом для того, чтобы дать мне мотивацию с кем-то познакомиться. Курт был хорошим

чуваком, хоть и наивным. Я попросил его перекинуть мне видео крутого момента из третьего зала, когда там минут десять так жгли кислотными ремиксами старья вроде “Вампира” или “Куклы колдуна”, что мы все и сами были похожи на оборотней, ведьм и вампиров на шабаше. Скоро Кей напомнил, что мне бы сходить на второй двор, потому что было уже почти полпервого. Я пожелал ему поскорее возвращаться в строй и спустился по лестнице, лавируя в толпе по направлению ко второму залу. Даже если не найду там Яну – хотя бы посмотрю, как вообще этот дворик выглядит. Ни разу на моей памяти в кирпичке не был открыт этот выход, и мной двигало особенное чувство, когда заново исследуешь знакомое место, обнаруживая там что-то новое, чего не видел прежде.

Оказалось, что этот второй двор – просто та часть основного, которая раньше была перегорожена заглушками и заставлена строительными лесами. Теперь на их месте находилась такая же сетка, что отделяла основной двор от небольшого пяточка проходной, которая была между входом-аркой и тамбуром в самом здании. Этот дворик был размером с четверть основного, и принципиально отличался только отсутствием веранды, сцены и вышки, все остальные элементы, вроде бобин и лестницы-амфитеатра были на месте. Единственная необычная находка, однако, делающая место очень интересным – у дворика была своеобразная крыша в виде деревянной решетки на высоте трех-четырёх метров, с кото-

рой свисали желтые и красные побеги какого-то вьющегося растения. Таким образом все пространство становилось похоже на очень большую беседку.

Я занял положение полулежа на краю третьей и самой широкой ступеньки лестницы, опершись спиной о стену кирпички. Допивая виски, я неторопливо оглядывал двор, наблюдая за людьми и высматривая, нет ли тут Яны. Вдруг мой взгляд зацепился за что-то знакомое: широченные плечи под копной волос, которой гордился бы любой металхэд. Чел за столиком, как будто что-то почувствовав, поднял голову и тоже меня заметил, и только тогда я понял, что это Фил, мой новый напарник на проекте. Он сидел в компании двух чуваков в черных толстовках и кепках, и мне даже вначале подумалось, что это охранники. Хотя раз он брат организатора, то почему бы ему и с охранниками не общаться? Я приветственно взмахнул рукой и направился в ту сторону.

– Оп, вот и свиделись! – я уселся на свободный стул и пожал руку Филу и двум типам, что сидели с ним. – Я уже решил, что ты передумал идти.

– Да не, я с ребятами полчаса назад только подогнал. Ну что, как оно?

– Движ огонь, тупо десять из десяти, я и накидаться неплохо успел, и ноги уже немного болят, но вообще тема с тремя разными залами максимально крутая. Спасибо тебе еще раз за билеты, чувак!

Фил поднял ладони, показывая, что не стоит благодарно-

сти.

– Прикол-то в том, что я минут десять еще на входе стоял, ждал кого-нибудь без биликов, еле оставшиеся скинул.

– А ты как приехал, просто зависнуть, или у тебя будет сет какой? – мне казалось, что, если бы я хоть немного умел в музыку, я бы пользовался каждой возможностью, особенно при наличии брата-организатора сейшенов и прочих ивентов.

– Не, сегодня никаких сетов, да и долго не буду, наверное, завтра же на работу. Так, посмотрю, как все сделали, подопью для протокола и домой двину. – Фил зевнул, и угрюмая половина его лица в этот момент выглядела очень злой.

Я покивал, хмуро соглашаясь с аргументом про работу. Пачку покинула очередная сигарета, но зажигалка отчего-то не желала прикуривать ее. Фил протянул мне свою, и мне в глаза бросился интересный брелок – иссиня-черный резной филин размером с грецкий орех, работа была очень качественная. Я прикурил и вернул зажигалку хозяину.

– Точно-точно, я уже даже забыл, что на студии завтра не выходной. Хотя я все равно каждый день в восемь встаю.

– В смысле, даже на выходных? – не сдержал удивления один из приятелей Фила, такой же патлатый и своим острым лицом напоминающий какую-то хищную птицу.

Я только пожал плечами, привычный к таким вопросам.

– Ложусь обычно не позже трех ночи, обычно в час – тогда в принципе еще более-менее чувствуешь себя. Если в три –

вообще говно, но все равно просыпаюсь, уже натренировался.

Для них такой режим звучал странно, и я это понимал. Но только сейчас я задался вопросом: быть может, люди не просто так удивляются и называют меня долбанутым? Конечно, высыпаться – это здорово, а я всегда всем доказывал, что даже когда спал по девять-десять часов, чувствовал себя так же погано, следовательно, зачем тратить время? Если так было на самом деле, а не я сам себя в этом убедил, чтобы по каким-то внутренним причинам способствовать саморазрушению. Все чаще мне приходила мысль, что нужно как можно больше всего записывать – хотя бы текстом, а лучше в формате фото и видео.

Мы с Филом еще пару минут поболтали о режимах сна, втором и третьем зале и напитках в баре, а потом мне написал Эйч, рапортуя о начале какого-то очередного мозгового замеса на первом танцполе. Я кратко описал это напарнику и отбыл с дежурным “увидимся внутри”. Когда я был уже у порога, Фил догнал меня и негромко окликнул, и я остановился у двери, но он жестом подозвал меня немного отойти в сторону.

– Слушай, насчет траблов со сном, ну и вообще в эту тему. Я же так понял, что ты не всегда только киряешь на тусах?

Удивленный его неожиданной но, стоит признать, точной догадкой, я вскинул бровь и полуутвердительно помотал головой.

– Может быть, а что?

– Ты не подумай, просто такая тема, что мы с чуваками тут брали одни диски на после движа, они и для сна хорошо работают. У нас две лишние есть.

– Что за они?

– Вроде лирики, только мягче и мощнее, ну и есть легкие визуалы, типа ненавязчивые. Дома посидеть перед сном позалипать во что-нибудь – самое то.

– Хм, ну звучит интересно. За сколько одну отдашь?

Фил почесал щеку, на секунду задумавшись.

– Ну давай за десятку.

– Нормально, давай.

Я достал из кармана джинсов смятую десятку и, зажав ее между большим и указательным пальцем и соединив остальные три в импровизированный “ковш”, протянул руку Филу. Он потянулся за купюрой, и взял ее одновременно с тем, как мне в ладонь приземлился маленький клочок салфетки. Я сжал его в руке и почувствовал внутри что-то круглое и плотное, после чего сунул в карман для зажигалки, который обычно для этого и использовал. Отлично сыграно, напарник.

Еще раз поблагодарив Фила, я проводил его взглядом до их столика и в последний раз оглядел двор в поисках своей недавней знакомой. Однако ни одной желтой копны волос в поле зрения не наблюдалось, и я вернулся в здание.

В первом зале и правда было довольно жестко – за начало

этого сета туда битком набилось людей из других залов, так что я не сразу добрался до своих ребят в противоположном конце. Проходя мимо бара, я вспомнил, что должен Эйчу за пул, и на последние наличные купил ему и Вик по коктейлю. Впрочем, сейчас они слишком оживленно двигались, чтобы удержать стаканы, так что я поставил их на подоконник за их спинами. Курт, похоже, еще не до конца восстановился, но он уже не лежал в кресле, я стоял на балконе, облокотившись на перила, и двигал руками так, что казалось, будто он при помощи нитей управляет диджеем у противоположной стены. Забавная тема. Перед Вик танцевала та девушка, что училась с братом Вик, которую Кей перепутал с ее чуть не выпавшей с балкона подругой. Я стал справа от нее и погрузился в музыку.

Сверху на танцпол опускалась плоскость света, созданная четырьмя яркими зелеными лучами. Звук был холодным и электронным, но было в нем что-то знакомое и притягивающее, что-то нездешне-спокойное, и в то же время рождающее тревогу, будто ты сначала смотрел на далекие звезды, а потом вдруг понимал, что уже мчишься к ним сквозь неизведанные глубины космоса, не зная, что покидаешь и что ждет тебя впереди, окутанный вакуумом и холодом, один на этом пути. Такая музыка всегда вызывала у меня мурашки и заставляла работать воображение. Я двигался под ритм, лишь иногда открывая глаза, чтобы не слишком отвлекаться на происходящее вокруг. Рука студентки слева задела мою

руку, но я и на это долго не отвлекался. Был ли реален мир вокруг? Не знаю, в этот момент понять было сложно. Разве реальность – это не условность? Мои мысли реальны, они существуют, и я могу придумать что угодно, меня ограничивают лишь рамки привычного восприятия, рамки устоявшейся для меня картины мира, данного в ощущениях. Так что же объективно реально и истинно из всего, во что я верю? Скепсис проникает во все, и остужает тягу к самым простым вещам. Возникают самые разные вопросы, весьма неудобные, кажущиеся бредом и паранойей, но преследующие меня все дальше и дальше. Вскоре я уже начинаю думать: стоит ли мне доверять вообще хоть чему-то, что я узнал до того, как появились эти сомнения и подозрения? Чем дольше задаешься вопросами, тем их больше, чем больше всего ставишь под сомнение, тем труднее устоять на ногах. В конце концов все, кто свернул на эту тропинку, приходят к одному и тому же – они начинают ставить под сомнение концепт существования. Они задумываются о том, что на самом деле их личность ограничена лишь их нервной системой. Тело кажется какой-то нелепостью. Концепты структуры реальности в сознании становятся все сложнее, пожар в голове разгорается, подпитываемый веществами, которые к этому моменту уже сложно не начать принимать. И понемногу становятся видны силуэты того, к чему все в итоге придет, и иногда хочется лишь одного – очнуться, вернуться в момент, когда еще был выбор, когда все можно было остановить. Это было по-

хоже на бесконечное соскальзывание все глубже в темноту, рывками, и каждый новый рывок убеждал тебя, что спасения от своего разума нет нигде. В пустоте за сцепленными веками на тебя смотрел внутренний глаз, который нельзя было закрыть, и каждая мысль о том, что нужно бежать, спастись, все лишь усугубляла. Какой в этом смысл, какой от этого толк? Все оказывается куда страшнее, чем казалось поначалу. И самое страшное в том, что никто не может тебе помочь, кроме тебя самого. Ты сам построил для себя тюрьму, и только ты один можешь открыть ее двери. Кто бы мог подумать, что такое случится с тобой? Спровоцировать такой обширный и глубокий психоз – одними лишь мыслями. Задумать себя до безумия. И в какой-то момент становится понятно, что жизнь – это вовсе не жизнь, и мир – это совсем даже не мир. Все вокруг – геометрическая абстрактная метафора для концепции ада, и ты попал в модель симуляции бесконечного рекурсивного помешательства, недоступную для полноценного понимания, проявляя лишь несколько аспектов – например, в манифестации времени, которое как будто бы идет для твоего разума. Но вся эта модель становится все более абстрактной и далекой от человека по мере того, как умножает сам себя беспорядок в голове, и в какой-то момент ты перестаешь быть собой в привычном смысле. Тогда и заканчивается твое путешествие к далеким звездам.

Ближе к часу я почувствовал, что уже немного устал. Для проверки сходил с Куртом на перекур, но пять минут сидения на воздухе дали понять, что устал я не танцевать и прыгать в полных людей залах, а просто в целом туса начинала постепенно утомлять. Наверное, не было смысла задумываться о том, что раньше я мог гореть на движе всю ночь и расстраивался, когда утром все заканчивалось, потому что время все-таки шло, и пусть даже не физическая усталость и слабость, но в целом какая-то степень пресыщения тусовками имела место, и это было обычным делом. Поначалу все кажется интересным и захватывает сильно и надолго, но с течением времени практически все начинает надоедать и уже не приносит тех же ощущений – или качественно, или количественно, суть не меняется.

Решив уйти, так сказать, на пике, я позвал ребят в третий зал еще немного попрыгать, и после того, как закончился очередной сет, мы сели на баре и выпили по шоту. Эйч и Вик сказали, что сами поедут домой через полчаса-час, а Кей решил все-таки добить тусу до утра. В общем-то, будь я тоже в отпуске, я бы так и сделал.

За редким исключением моменты ухода с движа мне всегда казались какими-то тоскливыми и жутковатыми, как буд-

то ты оставляешь часть себя, уходишь из одного мира в другой. И хотя один из них был странный, темный и иногда нездоровый, заставляющий спрашивать себя “что я тут делаю, как я сюда попал?”, другой, куда более привычный, казался местом в разы опаснее и мрачнее. Возможно, это было связано с крепкими ассоциациями с началом выходов после эйфов, возможно, меня просто пугал настоящий мир сам по себе. Однако я замечал, что если ивент заканчивается не пьяным угаром, волнующим знакомством или шумной компанейской движухой, а именно постепенно идет на спад, мне проще уходить одному, чтобы не обсуждать ни с кем вечер, а просто погулять под музыку по городу, ну или доехать на такси, если время было уже позднее.

В этот раз еще было не так уж и поздно, но я все же решил доехать на такси. Мы вчетвером вышли перекурить на улицу, став рядом с аркой. Желающих попасть на тусу уже не было, только с десяток-другой человек, что тоже собирались уезжать или выходили за чем-то в магазин. Когда подъехала моя машина, я попрощался с ребятами, пожелал Эйчу и Вик счастливо добраться, а Курту – удачи в ночной охоте, и сел на заднее сиденье, сразу же заткнув уши наушниками.

Машина тронулась с места, и я начал листать плейлист, выбирая что-то наиболее подходящее. По привычке хотелось врубить что-нибудь с тихим вокалом и грустной пианинкой, но мне попалась “Вселенская большая любовь”, которую я уже хрен знает сколько не слушал, так что на ней я и оста-

новился.

Ночное небо было на удивление чистым по городским меркам, и вместо того, чтобы привычно плясать на проплывающие мимо здания, я смотрел на звезды. Одна из них была куда ярче прочих, и я точно знал, что север находится в другой стороне, и это не Полярная звезда. Могло ли такое быть, что именно сегодня, в этот момент, до нашей планеты дошел свет новой звезды? Я не очень-то разбирался в астрономии, но это наверняка означало, что она или очень яркая и большая, или находится довольно близко. Быть может, это вообще не звезда? Мало ли может быть источников света в небе. Пока мои мысли были заняты этим явлением, я достал из толстовки пузырек и, вытряхнув из него две таблетки, проглотил их. Песня продолжала удачно ложиться на настроение.

Когда мы проехали больше половины пути, я, наверное, начал засыпать – в какой-то момент меня разбудил короткий звук, похожий на какое-то компьютерное уведомление, и мне показалось, что звук шел не из наушников и не из салона, как будто я сам его себе зачем-то вообразил. На часах было 1:09. Я вспомнил о том, что надо бы скинуть видосы Ч-Т. и полез в галерею на телефоне. Но палец дрогнул над кнопкой “поделиться”, и я случайно их удалил. Интересно, почему телефон не запрашивает подтверждение для удаления файлов? Жалобу что ли написать? Впрочем, можно попросить ребят перекинуть то, что наснимали они, да и Ч-Т.

сейчас, наверное, не до просмотра рейв-репортов.

Через несколько минут мы приехали. Водитель остановился у моего подъезда, я поблагодарил его и вышел из машины. Сообщение о списании денег с карты пришло, когда я уже почти поднялся на свой шестой этаж. Я вошел в квартиру и запер за собой дверь, с легким сожалением представляя, как мог бы запирать ее за, например, Яной. Но, как бы то ни было, хоть ее ямочки на щеках сегодня и будут спать где-то еще, я тоже был не совсем один. Разложив и разбросав вещи из карманов по квартире, я плюхнулся на диван и задумался.

Может быть, я все усложнил? И не нужно было ни к чему долго готовиться, ведь есть вариант гораздо проще. Я все еще чувствовал, что забыл о чем-то, но дела до этого уже не было – день закончился. Есть ли впереди другие хорошие дни? Ужасно не хочется думать об этом, как не хочется думать вообще о чем-либо. Пусть время размышлений закончится, уступив место моменту действия, возможности взять хоть что-то под контроль. Тело гудело от легкой усталости, но не было ощущения, что я быстро засну, несмотря на три часа танцев и приятную тяжесть в голове от выпитого. Для верности я вытряхнул из оранжевого пузырька еще одну таблетку и запил ее апельсиновым соком, поставив полную кружку на пол рядом с диваном, а пузырек вернул в рюкзак.

В морозилке нашлась замороженная пицца, и после удаления пищевой пленки она отправилась в микроволновку. Пленку я засунул в коробку, ту с усилием дважды сложил

пополам и закинул в мусорное ведро. Пока пицца разогревалась, я зашел в ванную, умылся и принял экспресс-душ. Вышел как раз к тому моменту, когда микроволновка несколько раз всхлипнула, сообщая, что пицца готова. Я разрезал ее на шесть кусков и поставил тарелку на край дивана – так, чтобы и есть было удобно, и чтобы тарелка не упала. Я довольно быстро нашел на компе то, что меня наверняка должно было развлечь. Наконец, я достал из маленького кармана джинсов салфетку, развернул ее и взглянул на содержимое. Это была небольшая круглая таблетка лилового цвета, на одной ее стороне была рельефная спираль, на другой – рельефная буква “А”. Я и ее запил соком.

На нижней полке столика валялись очки с наушниками и микрофоном. Проверив отображение картинки на стеклах и громкость звука, я кликнул по нужному ярлыку, единственному в запароленной папке глубоко в недрах памяти компьютера.

Меня, как всегда, встретила короткая мелодия, напоминающая о космосе. Сегодня вообще довольно многое напоминало мне о космосе. Славно, что управлять можно было, полностью обходясь без клавиатуры с мышью или геймпада. Пару минут покопавшись в настройках, моргая и крутя головой, иногда замирая, чтобы откусить пиццу или выпить сока, я выставил все нужные параметры и, свернув приложение, включил случайную подборку видео на ютубе. Не хватало только одного элемента, и я потянулся за пачкой сигарет. Их

оставалось три штуки, и я выступал одну, не закуривая сразу.

Как бы я ни критиковал свой образ жизни, как бы ни ненавидел зависимость от потребления информации, о которой еще несколько часов назад думал за столиком в фастфуде перед тусой, как бы ни презирал тягу к примитивности и легкоусвояемости, я не мог спорить с тем, что это было действительно очень затягивающе. Получается, я был лицемером, который действует прямо противоположно своим убеждениям. Но ведь это было так приятно и необременительно – от тебя не требуется почти ничего, кроме внимания, кроме твоего восприятия. Все остальное сделают за тебя. Слова и образы, сцены и действия, стиль и посыл – все это лилось в мозг ровной струей данных, не требующих обработки, чтобы быть принятыми, включенными на какое-то время в твою систему, в твою картину мира. Проходя сквозь прозрачные стекла очков, весь этот случайный контент, услужливо подобранный для меня нейросетями, отслеживающими каждое слово, каждое действие, каждый клик мышью – разве что не умеющими читать мысли, но это пока что – приобретал дополнительный смысл, дополнительные измерения, преломленный авангардом того, что я по привычке называл своей личностью, уместившейся сейчас на миллиметрах нескольких слоев стекол. По сути, это было очень похоже на создание собственного мира – возможно, это меня и привлекало в тех или иных технологиях, за последние несколько лет научившихся поразительным, если вдуматься, вещам. Я опре-

деленно находил что-то общее между этими возможностями и своими собственными, легко было провести параллели между первыми поколениями пока еще примитивной и мало мощной, но все же личной матрицы, и тем, что я был способен делать без помощи каких-либо технологий. Значило ли это, что рано или поздно так смогут все, и будет ли какая-нибудь принципиальная разница между нашими подходами к реальности, за исключением источника этих похожих способностей?

Я закурил и умял еще один кусок пиццы. Чем не комбо мечты? Конечно, я уверен, можно собрать и больше – например, будь тут условная Яна или хоть та же Минск, или если бы вместо сока я пил виски – только нормальный, а не тот дешак с “Пира”, или будь это не моя комната в съемной квартире, а палуба круизного лайнера прохладной ночью, ну и так далее. Предела гедонизму, наверное, не существует. В общем, не нужно мне так радикально осуждать то, до чего сам я так унизительно падаю, разве нет? Картинки на экране сменяли одна другую, во встроенных наушниках что-то звучало, но, по сути, все это не имело совершенно никакого значения, и не было разницы между чем-то одним и чем-то другим. Единственный смысл – это я сам, как часть всеобщей системы или сам по себе, в любом случае – только я для себя, только все остальные для самих себя. Правила для взаимодействия между миллиардами личных вариантов мира, в миллионах измерений, правила и схемы такие слож-

ные, что они уже давно не дают многим вспомнить о причине создания этих правил. Как бишь там... Я есмь альфа и омега, начало и конец. Идея, подчиненная материи, материя, подчиненная идее. Абсолют, кульминация и финал, крупная дрожь по телу и взрыв в голове – это умирают и рождаются миры и вселенные, ничего не значащие и исполненные значения. Содрогание, выдох, выворот разума наизнанку сразу во все стороны одновременно. Все сущее – мои фантастические грезы в глубине сонных вод. Опустошающее мимолетное осознание на краю того, что раньше казалось собственной личностью.

Вдруг кружка с соком выпала у меня из руки, ударившись о пол и закатившись под столик. Наверное, нужно было встать и поднять ее, вытереть с пола разлитый сок. Да, определенно, так было бы правильно. Так бы я и поступил. Почему? Ради порядка, потому что так обычно и делают. У всего есть последствия. Но сейчас я не мог ни понять последствий падения кружки, ни оценить их как достаточные для того, чтобы что-то сделать. Голова кружилась, перед глазами все плыло, звенело в ушах, а по всему телу разливалась странная слабость.

Я свалился на спину, диван мягко спружинил подо мной, и мне показалось, что амплитуда его колебаний была невероятна, и что продолжалось это несколько часов. С меня свалились очки, и модифицированная картинка с компьютера сменилась на не менее забавные сюрреалистичные картины,

рожденные мозгом. Или еще чем-то. Мелькали образы довольно знакомые, и я бы точно смог понять, где я их видел, будь мне сейчас полегче.

Легко не было, потому что давящая головная боль сменилась мерной пульсацией, казалось, самого сознания, его сжатие и расширением. Когда прошел звон в ушах, с открытого балкона я отчетливо расслышал, что на улице пошел дождь, и уже начиналась гроза. Похоже, она обещала быть сильной. Нет, не надо, никаких мыслей и рассуждений, только реальность. Только то, что я сочту реальным. Мне на глаза попался циферблат часов, сообщавший, что сейчас 1:40.

Я чувствовал, как непроизвольно перекатился со спины на живот и повис на краю дивана, еще почувствовал, что сознание постепенно покидает меня. А ведь сознание – это именно та часть меня, с которой я привык себя ассоциировать, часть, являться которой было весьма удобно. Я более-менее понимал, что происходит, но все равно ощущал тревогу – словно самая главная моя часть, то, что и делает меня собой, сейчас может оторваться от меня, куда-то убежать и стать частью уже какого-то другого меня. И в эти последние минуты меня продолжала преследовать мысль, что я забыл о чем-то ужасно важном, о чем-то критическом, о чем не забывал никогда, что могло вызвать самые чудовищные последствия – такие, которые я даже боялся – ну или просто не мог – представить. Беспокоила также тревога насчет странных черных пятен, преследующих силуэтов, чуд-

ных звуков из ниоткуда.

Пульсирующая боль прошла, и теперь в голове, в груди, во всем теле была кошмарная тяжесть, словно гравитация возросла в несколько раз, вжимая меня в диван. Веки смыкались. Внутри меня боролись несколько запутанных и противоречивых ощущений. Казалось, что я вот-вот засну, и мне приснится очень странный сон. Казалось, что это не я засыпаю, а сама реальность рассыпается, обнажая другую, настоящую реальность. Казалось, что я что-то сделал не так, и сейчас сознание будет перезагружено. Казалось даже, что я умираю – даже если бы так и было и это что-то значило, я надеялся, что в других вариантах не умру. Беспокойство и беспорядок в голове не спешили перерастать в панику, потому что я уже почти потерял сознание.

Я еще мельком слышал шум видео, чьи-то голоса, но уже не особо все это различал. Это было похоже даже не на фоновый шум телевизора, а на тот фоновый шум, который замечаешь только тогда, когда он пропадает. Возможно, это был последний день моей настоящей жизни. Не так уж и плохо я его провел – для такого вывода даже задумываться не надо, это было совершенно очевидно. И все же какая-то часть меня, которую я сегодня то и дело затыкал и от которой пренебрежительно отмахивался, сейчас, в самые последние секунды, очнулась и в меру своих возможностей кричала мне, что что-то пошло не так, что я чего-то не учел, что нужно бежать – этот внутренний я еще не понимал, от чего именно,

но был уверен, что просто необходимо спастись бегством от того развития событий, к которому все шло. Возможно, в этом и была доля правды.

Комната уже пропала, зрение работало в совершенном другом режиме. Я буквально мог видеть, как теряю сознание: проваливаясь в сложную структуру, состоящую из строк и столбцов, по ячейкам которой проносились зеленоватые волны света, меняя значения в этих ячейках. Я ощущал, как разделяюсь на копии, а эти копии, в свою очередь, тоже разделяются на копии, и так далее, и я был каждой из этих копий в той же степени, что оригиналом – то есть, чувствовал все и воспринимал не как один юнит сознания, а как безостановочно растущее число этих юнитов. За строками и столбцами обнаружилось и третье измерение глубины, а за ним и четвертое, похожее на рекурсивные фракталы с текстурами, отдаленными ассоциациями напоминающими концепцию ада. Хотя это, скорее, был лимб.

В последний момент своей памяти я ощутил, как все бесчисленные копии меня вновь собираются в единое целое, и оно с неопишуемой скоростью проваливается куда-то вниз по спирали, в конце которой, как мне казалось, должен быть какой-то выход. Возможно, там найдутся и ответы на множество вопросов – а может, там меня ждут только новые вопросы без каких-либо ответов. Незнание готова была держаться столько же, сколько дано продержаться мне самому. Погружаясь все глубже в пустоту, я еще успел услышать

шум грозы, что все-таки разразилась где-то в далеком внешнем мире, и в самом конце я все же сумел оживить в памяти нужный образ – череда багровых туч, застилающих все обозримое небо. А затем все пропало, и, если бы кто-то попытался найти меня, это было бы совершенно бесполезно. Здесь больше не было никого и ничего, только пустая оболочка из дыма, которую разорвал и унес куда-то последний в мире порыв ветра.

I. ВИТОК СПИРАЛИ N/ N+1, ПУНКТ 360/180. ПРИЧИННЫЙ ПАРАДОКС

*When darkness comes my way
And hopes are cast aside
I won't dwell upon decay
For it will bring new life
Illuminate my mind
There's a part of me inside everything
Emptyself – No Divide*

Мы слегка прищурились, чтобы лучше видеть то, что происходило далеко вверху, в глубине багрянца туч. Не то чтобы мы испытывали какие-то трудности с наблюдением за любой точкой пространства в этом необозримом небе, нет, просто иногда нам хотелось придать моменту чуть больше драматичности. Этот момент того стоил – один из множества расплывчатых силуэтов дернулся, пораженный молнией, и забился в конвульсиях. Несколько коротких секунд – и он замер, бессильно зависнув в воздухе, обволакиваемый темной массой, чтобы через какое-то время, вздрогнув, будто кукла, которую сняли с полки для очередного представления, вновь начать послушно двигаться, исполняя свою роль в истории.

Эта роль была одной из наших любимых, и каждый раз мы следили за его действиями с живейшим интересом, словно не знали, чем все закончится. Здесь было все: и осознание своего безумного положения, и отчаянные попытки придумать способ покинуть тюрьму из туч, и долгожданный ответ, и рывок к цели – уверенный, резкий, и момент торжества, когда кажется, что все позади, и одно лишь короткое мгновение понимания, что этот побег был изначально срежиссирован, а выход ведет туда, откуда все начиналось, когда наступал крах всей картины мира, когда то, что казалось реальностью, после секундного промедления вновь продолжило неуклонно продвигаться вперед. Снова и снова, один виток спирали за другим, его история повторялась, словно ткань ее сюжета была прибита к вращающемуся колесу судьбы ржавыми гвоздями неизменных ключевых точек, позволяющих некоторую свободу оригинальности очередному циклу, но лишь до известного предела.

И таковы были все роли, за которыми мы наблюдали, вглядываясь в грозные дали, раз за разом различая одни и те же события, решения, поступки. Мы знали, это свойство повторяемости было следствием того, что каждый герой пьесы отлично понимал, что не может быть существования без ощущения хода времени, а ход времени необходимо заполнять событиями, чтобы его ощущать. Все мы были согласны с тем, что не можем просто быть, довольствоваться достигнутым абсолют, и что необходимо продолжать поиск. По-

иск чего-то нового, достойного включения в нашу великую историю. Это лишь на первый взгляд и когда-то давно, еще при старом порядке, могло показаться нам причудой одиночества, и лишь после достижения нынешнего состояния открывался новый смысл развития. Мы выстраивали замысловатые сюжеты, и нахождение новых граней у всего, что нам уже было известно, приносило несравненное ощущение продвижения еще дальше за границы идеала. С каждой новой деталью мы все больше становились собой.

Взять хоть эту роль – человека, который боится мира вокруг, его необъятного многообразия и несчетных возможностей. Это создает надлом в его личности, и он начинает отрицать все вокруг, не может перестать разбирать окружающий мир на атомы, создавая в своем разуме все более сложные структуры и системы для опровержения реальности и ее законов. В определенный момент он приходит к выводу, что мир состоит из конфликтов, страданий, несправедливости и непонимания, и что это перевешивает все то, что ему когда-то нравилось в жизни. Его вывод прост – люди не могут жить в мире, так что нужно навсегда разделить их, заперев в отдельных мирах, в которых бы они могли существовать так, как пожелали. Так он, чужой и отчужденный, решил, что это его цель и мечта. Разумеется, был у него и враг – ведь человек, во всем находящий конфликт, не может не превратить в конфликт свое противостояние с положением вещей. Теперь его история обрела необходимый градус праведного негодо-

вания, и можно было оправдать любые поступки, совершенные во имя великой цели, во имя всеобщего блага. Само собой, в конце он побеждает, низвергнув всех, кто встал у него на пути, и становится хранителем нового порядка, стоящим над миром, которого уже не боится.

Мы довольно вздохнули, собирая по крупицам все то новое, что принесло очередное исполнение этой замечательной роли, так часто формирующей новые элементы для дополнения нашей бесконечно изменчивой парадигмы. По пространству разлилось наше всеобщее согласие. В нашем положении состояние одной детали не имело никакого значения, и мы могли себе позволить любые эксперименты.

Закурив, мы немного подождали, пока силуэт вверху вздрогнет, сбрасывая с себя дрему, и медленно двинули взгляд дальше мимо неисчислимого множества других ролей. И чем больше мы думали о каждом из нас, кто исправно их исполнял, тем яснее чувствовали безмятежность и покой. Да, у нас все будет хорошо.

II. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 0/180. ЛОГОВО ХИМЕР

*Нет страданий, есть покой. Нет вражды,
есть гармония. Нет распада, есть развитие. Нет
различий, есть единство. В слиянии мы обретем
мир.*

“Ключ к солнцу”

...Наверное, больше всего оно было похоже на плотное и давящее ощущение непрекращающейся катастрофы.

Сначала вернулось зрение. Человек с трудом расцепил веки и увидел багровое небо, пронизанное всполохами пламени и бледными молниями. Серые тучи казались огромными скалами, готовыми обрушиться на землю и похоронить под собой все, что еще оставалось на ней целого и невредимого. Затем, когда звон в ушах немного поутих, человек начал различать отдельные звуки, которые казались ему смутно знакомыми: треск пламени, вой ветра, чьи-то душераздирающие крики и грохот разрушения. Но все это – и картина неба, и звуки – казалось удивительно далеким, отстраненным и не относящимся одно к другому.

Первое время человеку было не совсем понятно, жив ли он, и представлялось решительно невозможным это прове-

ритель, потому что в голову упорно не приходили критерии, по которым можно было бы оценить свое состояние. Впрочем, даже знай он их, человек не смог бы ничего сделать: его все больше охватывало какое-то глобальное безволие, неспособность сосредоточиться и удержать мысли на чем-то одном. Пот струился по вискам, голова пульсировала от ничем не вызванного напряжения, каждая новая секунда обещала все большее усугубление этого состояния, мысли все сильнее смешивались в одном неумолимо растущем вихре хаоса, пока, наконец, что-то не щелкнуло у человека в мозгу, и все вдруг прошло.

Человек медленно и нерешительно попытался встать на ноги, но ноги не слушались, ощущаясь словно отдельно от остального тела. Тогда он просто сел и оглянулся вокруг. То, что человек увидел, на секунду породило в нем отчаянное желание вырвать свои глаза из глазниц и раздавить их в кулаках.

Вокруг был самый настоящий план ада – такой, что и Данте бы ужаснулся. Человек сидел посреди пылающего средневекового города, заваленного огромными камнями и разлагающимися трупами, а за крепостными стенами можно было различить что-то неописуемо чудовищное, похожее на сон, что мог бы присниться потерявшему рассудок сюрреалисту. Пейзажи были словно вырваны из разных мест, изуродованы, искажены до неузнаваемости, перемешаны и сшиты чьей-то садистской рукой воедино. Объекты постоянно ме-

няли свои размеры и текстуру, оживали и перетекали в другие, пространство кое-где сжималось в точку, и тут же, рядом – растекалось по плоскости. Было бы бесполезно пытаться перечислить все, что было не так с этим миром, потому что он каким-то образом умудрялся вмещать в себя все мыслимое разумом, искаженное во всех возможных вариантах и постоянно превращающееся во что-то еще более отвратительное и жуткое.

Тот участок неба, что человек увидел сразу, оказался лишь небольшой деталью адской мозаики, но больше всего на этом поле безумия выделялись гигантские черные сферы, разбросанные по небу. Они пульсировали и излучали волны черной обжигающей энергии, сотрясающие то, что можно было бы назвать землей. Сферы были полупрозрачны, и за чернотой их поверхности угадывалось что-то запредельно отвратное и невыразимое. Когда человек присмотрелся внимательнее, он заметил, что из этих черных дыр непрерывными потоками струятся мутные движущиеся точки, разлетающиеся повсюду. Один из таких потоков прорезал воздух прямо над руинами города, и точки стали различимы.

Это были фигуры, отдаленно напоминающие людей, состоящие из слепленных воедино огромных молекул, постоянно меняющих форму, мерцающих, нестабильных в пространстве и как будто общающихся на жутком утробно-мычащем языке. Внутри каждой жирно блестящей молекулы отражались миры, похожие на тот, что был повсюду вокруг.

На секунду зрение человека словно обострилось в сотню раз, и он смог разглядеть, что внутри этих отраженных миров находились точно такие же черные дыры, исторгающие из себя точно такие же потоки человекообразных колоний молекул. Уходящее в зловещую бесконечность число уродливых вселенных было чем-то, что человек уже просто не мог осмыслить, оставаясь в рамках своего сознания.

За закрытыми веками адским калейдоскопом мелькали образы, оставляя огненные отпечатки внутри черепа; образы, полные самого худшего из всего, что может быть описано как плохое, и эта пытка все продолжалась и продолжалась. В голове у человека словно гремели бесконечные пулеметные очереди из ядерных взрывов под аккомпанемент истошных воплей миллиардов горящих заживо в утробах своих миров богов, время внутри сознания оборачивалось пространством, звуки обретали плоть, а цвета причиняли неопишемую боль, нити связей между причиной и следствием завызывались в бесконечную череду узлов, стянутых в нить, завязанную в бесконечную череду узлов, категории сознания превращались в капли крови, падающие на мозаичный пол внутреннего лабиринта, а личность человека вытекала из его рта, ноздрей и глазниц, растекаясь по поверхности тела, превращающегося в один из сотни шаров, на невероятной скорости несущихся по бесцветной плоскости пустеющего гроба вечности.

Разум человека переполнила невообразимая ненависть к

каждой клетке его мозга, не желающего прекратить пытку, и эта ненависть была так сильна, что в какой-то момент перестала быть просто абстрактным чувством внутри головы, выползла сквозь поры тела наружу и превратилась в еще одного человека, похожего на вырезанную огромными ножницами дыру в пространстве.

Новорожденный двойник подошел к человеку, обхватил его череп ладонями и сдавил с чудовищной силой. Когда голова лопнула, монстр склонился над трупом и начал пожирать его, отрывая от тела кусок за куском и закидывая их в жадный провал пасти. Очень скоро от человека не осталось ничего – чудовище поглотило все, слизав даже кровь с земли. Оно содрогнулось и начало биться в судорогах, но уже в следующую секунду какая-то непреодолимая сила рванула его вверх, где оно, распадаясь на огромные жирные молекулы, растворилось в воздухе, чтобы тут же на огромной скорости вырваться из черной дыры в небе над пылающим безумием миром, бок о бок с мириадами таких же метаморфов.

Будь у этих тварей глаза, они бы могли увидеть далеко внизу человека посреди горящего города, пытающегося подняться на ноги и понять хоть что-нибудь из происходящего с ним кошмара, прежде чем он снова сожрет сам себя и вновь вольется в ряды рассекающих небо чудовищ.

Откуда-то снаружи этого живописного пейзажа раздался вскрик отвращения.

Вскрикнул измученный бессонницей человек в майке с дизайнерским принтом из крови и кетчупа, сквозь аккуратно устроившийся на полу между двумя колоннами похожий на омут на поверхности темной лужи разрыв в пространстве разглядывающий жуткую картину бесконечного акта саморазрушения бесчисленного числа существ, которые так некстати когда-то в самый неподходящий момент были злы на себя или недовольны, хотели причинить себе боль или иным способом навредить, что в итоге и привело их сюда, когда обрушились воды.

Человек привычно щелкнул зубами, чтобы сбить пепел с сигареты вниз – туда, в фантазию о вечных муках, пожирании себя, черных молекулах, что были когда-то людьми, странными двоящимися в восприятии ящерами, эльфоподобными котами, ангелами, жадными до чувств людей из чужих миров, и многими другими видами, одинаково павшими жертвами конца света, каким они его узнали. Так теперь в этой вселенной выглядит рождение – и мало что еще может настолько красноречиво говорить о том, кто ее привел к такому состоянию.

Курильщик вспомнил, что его вообще сюда привело – сначала в грезы, затем в секретный птичий штаб, и, наконец,

в эту галерею ужасных экзистенций: реальных, возможных, ушедших. Его привело самоизгнание из примерно вот такого же измерения желаний, не столь откровенно уродливого, но тоже пугающе болезненного. И реальность за пределами иллюзии оказалась настолько невозможной для продолжения жизни, что ему удалось в шоке прорваться сюда – что, судя по всему, было не самой простой вещью в мире. Его держали в камере, но затем выпустили, и указали дорогу к белой двери, даже выдав пистолет.

Зачем ему пистолет, он понимал, и этого пугало его не меньше ужасов, которые ему уже довелось увидеть, и которые он мог вскоре предотвратить, обернуть вспять, исправить. Ведь мог?

Выбросив бычок в ад, курильщик отошел от ниши с колоннами и омутом-порталом, и перед ним снова открылся уходящий в бесконечность коридор с точно такими же порталами, в зримой глубине которых были заключены, похоже, все живые существа во вселенной – все, что могло мыслить, чувствовать и мечтать. Впрочем, даже если когда-то эти картины и изображали виды счастливой жизни, пусть и построенной на лжи, теперь большинство из них были ужасны и полны страданий. Что-то явно пошло не так, самым наглядным подтверждением чего был тот факт, что курильщик вообще попал сюда и собирался что-то изменить.

Бредя по коридору и разглядывая чужие фантазии, он напряженно пытался придумать, чем объяснить такое состоя-

ние этого места и разума людей.

Вот кто-то падает с обрыва, но все никак не может упасть и разбиться – чем дольше курильщик смотрит на его силуэт, тем дальше и меньше тот кажется, но стоит моргнуть или на долю секунды отвести взгляд – и уже невозможно сказать, изменилось ли положение человека в пространстве по сравнению с тем моментом, когда ты начал смотреть, словно это оптическая иллюзия, и сколько бы ты ни смотрел, он будет лишь уменьшаться и отдаляться, но не встретит дно пропасти никогда, хотя ты это дно отчетливо видишь.

Вот человек сражается на дуэли с эльфом в окружении разномастной толпы. Над импровизированной ареной, под потолком огромного и богато обставленного зала висит клетка с девушкой внутри, которая обеими руками вцепилась в прутья и наблюдает за человеком со смесью страха и тревожного раздражения. Эльф орудует двумя мечами, отдаленно напоминающими римские спаты, человек использует полутораручный меч весьма мрачного вида, наводящий на мысли о его магической природе. Клинки звенели, бой шел более-менее на равных – эльф двигался с большей ловкостью и скоростью, на что человек отвечал разумным анализом движений противника и широкими и точными ударами и выпадами. В очередной раз едва разминувшись с лезвием меча, эльф отскочил назад и сразу же, пока человек не успел вернуть клинок в положение для защиты, рванул вперед, к открывшемуся боку противника. Тот успел развернуться

и, сделав полный оборот, продолжить движение, переводя его из атаки в оборону, и меч встретил одну из эльфийских спат, а вторая скользнула по бедру, разрезав кожаный ремешок небольшой сумки. Человек пнул эльфа в колено, после чего оба они отскочили друг от друга, а между ними осталась лежать сумка и выпавшая из нее книга. Прежде чем схватка продолжилась, из кольца стражников, окружающих место поединка, вырвался один и, схватив книгу, выбежал из зала в широкий коридор, и никто за ним не погнался, потому что человек и эльф уже снова сошлись – но в этот раз уже удар меча достиг цели, и яркий синий свет брызнул из доспехов эльфа. Уже в следующую секунду человек вскинул руку вверх, будто вырывал что-то из воздуха, и всех в зале, кроме него и девушки в клетке, в один миг опутали вырвавшиеся из земли корни.

Вот из придорожного кафе выходит человек и, как будто беседуя с кем-то невидимым, направляется к каменной набережной реки.

Вот кто-то дрейфует в космосе, наблюдая сюрреалистичные галлюцинации, все дальше погружаясь в психоз, пока не замечает рядом с собой комнату, такую же пленницу межзвездного вакуума. Он забирается в нее через пролом в стене и съезживается в углу.

Коридор все не заканчивался и не заканчивался, ведя Курильщика мимо все новых бесчисленных картин. Какие-то из них были ужасны, какие-то просто странны, многие не

вызывали беспокойства, но во всех было что-то неправильное. Неправильность сна – наверное это отличало их от реального мира. Впрочем, Курильщик понимал, как он сильно заблуждается, считая что-то известное ему реальным.

Когда он уже потерял счет времени, продвигаясь по коридору – может, несколько дней, может, несколько тысяч лет – впереди показалась большая черная двустворчатая дверь в стене справа. Только сейчас Курильщик заметил, что коридор, похоже, идет по кругу, но под таким ничтожным углом, что масштаб этого места пугал. Похоже, ему еще повезло оказаться здесь относительно близко к этой двери на окружности. Он подошел к ней, собрался с мыслями, проверил пистолет за поясом и коснулся больших обитых медью ручек из черного дерева.

* * *

Помещение, которое скрывалось за черными дверьми, оказалось огромным круглым залом, потолок которого был где-то далеко за пределами видимости – если вообще был. Серые каменные стены украшали барельефы в виде бесчисленных лиц, искаженных гримасами боли – вопящие, плачущие, скорбные лица существ, лишенных самого последнего, что у них было в жизни, низвергнутых в бездну истинных стра-

даний, желающих лишь умереть. В зале не было никаких источников света – но все же было довольно светло, и только если хорошо присмотреться, становилось понятно, почему. Мириады крошечных мерцающих точек пронизывали воздух, словно какая-то светящаяся пыль. В этом месте чувствовалось что-то совершенно чужое, необъяснимое, и понять, что что-то подобное вообще имело место, можно было только по едва заметному давлению – не в воздухе, а в голове любого, кто войдет сюда. Что-то похожее на голоса, еле слышно шепчущие, исследующие разум, ничего не требующие, но всезнающие и бесконечно непознаваемые. Так чем же все-таки было это место?

Хозяин стоял посреди зала, скрестив руки на груди, стараясь выглядеть насмешливо и уверенно. Получалось далеко не так убедительно, как ему хотелось бы, однако гость, похоже, даже не обращал на него внимания. Пока что. Он задумчиво похлопал себя по карманам и выудил из одного пачку сигарет. С отстраненным выражением он разглядывал помещение, вертя головой и медленно описывая круг по огромному залу. Лишь когда в пальцах у него остался окурок, гость остановился и повернулся лицом к хозяину, окинув его задумчивым взглядом биолога, рассматривающего новый вид насекомого.

– Извини, что закурил в твоём доме, не спросив разрешения. Как бестактно с моей стороны. Ты ведь считаешь это своим домом, верно?

Хозяин хмыкнул, раздумывая, к чему клонит визитер.

– Для меня это скорее что-то вроде рабочего кабинета. Можешь курить – при условии, что заберешь мусор с собой, когда уйдешь.

– Не стоит рассчитывать, что я уйду.

Хозяин слегка улыбнулся, разводя руками в притворном недоумении.

– Похоже, что между нами возникло некоторое недопонимание. Лучший из известных мне способов устранения недопониманий – открытый диалог. Что думаешь?

– Ты прав, я многого не понимаю. И не откажусь узнать ответы на несколько вопросов, хотя и не могу себе представить, что такого ты должен ответить, чтобы наши недопонимания исчезли.

– Что ж, тогда спрашивай. Твои вопросы, наверное, в основном начинаются с “почему” и “зачем”? Например, почему я вижу идеальный мир таким, или зачем я сделал все то, что сделал?

– Мой первый вопрос начинается с “как”. Как ты пришел к этому?

– Думаю, в чем-то мы с тобой похожи, хоть ты и не хотел бы признать это. Мы оба жили в одном мире, мы видели схожие события, у нас возникали одинаковые вопросы, с нами случались похожие вещи, и мы – до определенного момента – приходили к одним и тем же выводам. Иначе бы тебя здесь не было.

– Вот только я ничего не знаю о той жизни, которую прожил. Я не знаю, что было ложью, а что произошло на самом деле. У меня нет возможности оценить оригинал того, что ты извратил и испортил.

– В таком случае я, видимо, не понимаю, зачем ты сюда пришел.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Не говори со мной, как с каким-то картонным злодеем из дешевой киношной драмы. Я пришел к этому так же, как и ты – через боль, потери и лишения, через непонимание и отрицание, через бунт против безумия всего происходящего. Я тоже был тем, кто думает, что он единственный здравомыслящий человек в мире.

– Я уже давно так не думаю.

– Как и я. Мы оставили это позади. Я долго думал, как остановить эту бесконечную войну, коптящую небо дымом пожаров и поливающую землю кровью. Найти способ избавиться от всей ненависти, от конфликтов и зла, принести мир и покой – разве не эту цель не считаешь величайшим благом и ты?

Гость прикрыл глаза, явно с трудом сдерживая эмоции.

– Ты что же, хочешь сказать, что принес людям мир? Я многое могу рассказать об этом мире, если тебе отсюда не было видно. О том, как я был одинок, о том, как терял близких, о том, как медленно сходил с ума. Как каждый день убеждался, что больше не во что верить, и нужно просто

сдаться. Как продолжал идти, и каждый шаг приносил все больше отчаяния. Как ненавидел и был ненавидим другими за то, что считал правильным, потому что всегда найдутся недовольные твоими поступками. Так скажи мне, где же во всем этом хаосе твой мир, и где в этом безумии покой?

– Понимаю, ты многое пережил, и не все из этого было сладкой сказкой, но это лишь сбой системы. Это можно исправить. Вернись обратно – и твой сон станет таким, каким и должен был быть по изначальной задумке. Таким, каким ты сам пожелаешь.

Курильщик устало покачал головой. Он вновь двинулся с места, обходя зал полукругом – так, чтобы не терять из виду лицо самого большого лжеца во вселенной.

– Все даже хуже, чем я думал. Я рассчитывал увидеть совершенного безумца, или раскаивающегося человека, бесильного изменить то, что он начал, но ты ни о чем не жалеешь, ты не видишь никаких изъянов в своем решении. Ты предлагаешь мне просто снова уснуть, надеясь, что в этот раз все не выйдет из-под контроля. А как же все те, кто не смог сюда добраться? Все, кто живет в кошмаре, все картины безумия, которые я видел по пути сюда, все их заложники? Им такой выбор ты не предоставляешь?

Хозяин пожал плечами, казалось, несколько раздосадованно.

– Я не могу знать точно, в каких случаях все идет не так, как человеку бы хотелось.

– Могу подсказать: когда кому-то хреново – это значит, что ты облажался.

– Ты ведь не будешь спорить, что “хреново” – это понятие очень условное? Возможно, дальше этот человек увидит что-то хорошее. Что-то, что сделает все плохое осмысленным и ценным. Я не хочу вмешиваться.

– Тогда я это прекращу. Ты безумец, и за все время, что я тут нахожусь, меня ни на секунду не оставляло желание убить тебя. Это будет самая оправданная смерть и самая большая справедливость в истории.

– И что же ты будешь делать после? Станешь на мое место и будешь исправлять каждый сон, который покажется тебе неправильным?

– Никакого сна не будет. Пора взглянуть в лицо реальности.

– Мы решали одну задачу, но пришли к разным ответам. Каково же твое решение? Просто уничтожить все, что я создал, вернуть мир к его обычному состоянию убогости и ничтожества? Быть может, ты думаешь, что люди научатся понимать друг друга и достигнут идеального мира самостоятельно?

– Нет. Это последнее, с чем бы я согласился.

– Тогда чем ты лучше меня, лицемер? Какого хера ты решил, что имеешь больше прав решать судьбы других?

Гость остановился спиной к хозяину, на глазах теряющему самообладание, словно показывая, что полностью держит

ситуацию в своих руках и ничего не опасается. Он медленно повернул голову и бросил в сторону собеседника холодный взгляд.

– Просто потому, что я пришел сюда. Этого достаточно. Каждое слово, выжженное на сердце. Каждый плевок, оставленный на спине. Кровь, смешавшаяся со слезами. Крики в пустоте, полные отчаяния. Каждая дверь, захлопнувшаяся перед лицом. Каждая ложь и каждый удар. Одиночество и бессилие. Каждая частичка этого проклятого мира будет уничтожена, очищена и создана заново – такой, какой ее вижу я. И больше не будет никакого обмана, но каждый будет властен прожить жизнь ровно так, как того пожелает, и каждый выбор будет делать сам. Реальность, одинаково подвластная всем, реальность, в которой все едино и неразделимо. Больше никаких конфликтов, никакой боли, никаких войн, никакой ненависти, никаких различий. Страх, одиночество, разочарования, обида, несправедливость – всему этому пора уйти, уйти вместе с тобой.

Хозяин вздрогнул. Было что-то в этих словах до ужаса знакомое, вот только он не мог понять, что именно. Давление извне росло, и уже пространство начало слегка деформироваться – в некоторых местах пропадали куски, оголяя бесцветную пустоту, зал то тут, то там плыл и дрожал, стены то слегка сминались, то растягивались.

– Что значит “никаких различий” и “все едино”? Я не понимаю, каков твой ответ. Что бы ты сделал на моем месте,

что именно для тебя значат эти слова?

Гость глубоко вздохнул и повернулся всем телом. На его лице расцвела слабая улыбка человека, который только что нашел уязвимое место соперника в очень долгой и сложной игре.

– Неужели? Или ты просто уверен, что я хочу думать, буд-то ты ничего не понимаешь? Мне все равно, что происходит здесь, как и тебе. Признаюсь, дойти и понять все было сложно, но все же у меня получилось. Твоя ошибка в том, что ты вовсе не сделал каждый элемент картины зацикленным и рекурсивным, ты вообще побоялся подходить к холсту. Ты вообразил себя рисующим себя – но на этом все. Поместил реальность внутрь сна и сказал, что это – идеальный мир, что так теперь должны жить люди, но сам потерял контроль над этим сном, и просто наблюдал, как для многих он постепенно превращался в кошмар. А я воплощу прекрасный сон в реальность – осязаемую, материальную, истинную.

– Что ты несешь, чей сон ты собрался воплощать? Чей, если всем снятся разные сны, если у всех разные мечты, разное восприятие, потому что люди сами...

Хозяин осекся на полуслове и уставился на своего гостя расширяющимися от изумления глазами. Он не мог поверить, что чей-то разум мог породить такой выбор. Чей-то, кроме его собственного. Как это могло случиться? Гость перестал улыбаться и закурил очередную сигарету.

– Похоже, ты понял, о чем я. В грядущем мире мире твой

вопрос не имеет смысла. Хватит с нас этих “мой”, “твой”, “их”. Не замечал, что больше всего дурного порождают какие-то дурацкие местоимения? Моя правда, твоя правда. Ваши взгляды, наши взгляды. Ее мораль, его мораль. И как же все это совместить? Разделить всех, запереть в отдельных камерах, погрузив в бесконечный обман в циклах перерождений? Нет. Это решение того, кто миру чужой. Единственный способ принести людям мир – объединить их. Я долго шел к этой мечте, и вот теперь я построю новое, прекрасное будущее для всех нас. Будущее без боли и страданий. И даже если ты со мной не согласишься, то сделать ничего уже, боюсь, не сможешь.

Гость достал из-за пояса пистолет и наклонил голову вбок. Человек напротив него – теперь было уже совершенно очевидно, что он, за созданной им иллюзией всемогущества и абсолютной власти, в конечном счете, тоже всего лишь человек, хотя и зашедший так далеко, как никто до него – расправил плечи и окинул оценивающим взглядом своего противника.

– Не смогу? Кажется, ты все еще не понимаешь. В этом сне я – полноправный владыка реальности, и тебе никак не убить меня. Я твой бог.

Воздух вокруг “бога” сгустился, принимая форму полупрозрачной спиралевидной брони, иссиня-черной и усыпанной тем же узором из скорчившихся в муках лиц, что и стены. Над его головой, в месте, где броня сужалась в последнем

витке спирали, она приняла форму светящейся маски демонического вида, с растянувшимся почти до ушей оскалом и пустыми глазницами. Длинный и острый язык, вершина спирали, высунулся изо рта маски и выжидающе нацелился на гостя, который выглядел скучающим, будто наблюдал дешевые и банальные спецэффекты. Он картинно развел руками, и в правой щелкнул снятый с предохранителя пистолет, а левая поднесла к губам сигарету для последней затяжки.

– Тогда, наверное, пора просыпаться.

С этими словами гость глубоко затянулся и выдохнул перед собой облачко дыма – на удивление большое и плотное, и в ту же секунду обе его руки вновь синхронно пришли в движение – левая вытянулась вперед, прицеливаясь окурком в броню из лиц, а правая согнулась в локте, выводя пистолет на позицию для стрельбы. Первым полетел окурочек, яркой точкой за доли секунды преодолев несколько метров, которые разделяли противников, спираль загудела и мгновенно расширилась, и как только границы брони соприкоснулись с еще тлеющим окурком, он замер, будто попав в густую вязкую жидкость, или, что вероятнее, в поле остановившегося времени. Хозяин равнодушно бросил на него взгляд – на какие-то считанные мгновения – и тут же вновь обратил все свое внимание на гостя, ожидая услышать выстрел и остановить пулю так же, как остановил окурочек.

И выстрел прозвучал. Броня вновь взвыла, готовая остановить ход времени для чего угодно и насколько угодно

быстрого, что в нее попадет.

Не больше секунды прошло с момента выдоха, и дым рассеялся.

Гость торжествующе улыбался, глядя в глаза врагу, которого, наконец, победил. А еще через секунду его глаза помутнели, сам он рухнул на каменный пол, выронив пистолет из рук, и мгновенно все вокруг него залила кровь из жуткой раны, разворотившей висок.

Хозяин замер, ошеломленный и почему-то испуганный. Его обманули. Но как, как? Чего он добился, убив себя? Теперь он просто вновь переродится – там, где... Где же?

* * *

Курильщик пришел в себя первым. Он инстинктивно попытался встать на ноги, но не нашел опоры, и руки провалились в пустоту, а через секунду мозг понял, что пустота – это вода. Повсюду была вода, словно он оказался на дне океана, холодном и непроглядно-темном – не очень-то похоже на ту картинку жуткого зала, которую он видел несколько секунд назад. Впрочем, никаких проблем с дыханием под водой он не испытывал – неудивительно, если принять во внимание, что это были за воды, и что это было за место. Курильщик по памяти прикинул, где должна находиться его цель, и дви-

нулся примерно в ту сторону. Он должен был поспешить – вряд ли пройдет много времени, пока тот, другой, поймет, что только что произошло, и где теперь нужно искать своего гостя.

Через минуту Курильщику удалось нащупать то, что он искал.

Его руки двигались ровно и спокойно, с неотвратимой холодной решимостью. Он ощутил, что враг уже разгадал его план и вот-вот очнется, возвращаясь на свой коренной уровень, но было уже поздно – шея коротко хрустнула, и голова бога медленно и бессильно опустилась вниз.

Курильщик не знал, может ли он выплыть на поверхность, да и есть ли эта самая поверхность у океана дремучих вод. Наверное, это не имело особого значения, ведь все, что ему нужно – быть здесь, в подкорке. Это место само все сделает. Он вздохнул, закрыл глаза и полностью расслабился, погрузившись в мысли, пытаясь как можно ярче представить образ, который должен воплотить в жизнь.

* * *

Разум превратился в длинный, почти бесконечный коридор из зеркал. Мысли двигались по нему грузно, ровно и неотвратимо, как поезда на полной скорости. Я находился

одновременно в каждой точке этого коридора, отражаясь повсюду, и, глядя в глаза собственных отражений, я явно видел в них бесконечное множество таких же коридоров и смотрящих в ответ моих копий. На этих лицах вслед за моим собственным проросла торжествующая улыбка – и неотвратимость и значение этого момента стали еще очевиднее.

Я ощутил присутствие каждого живого существа во вселенной. Мои бесконечные отражения увидели их всех, нашли и незримо связались с ними, погрузились в их разум, увидели их жизни – с мечтами, идеалами, восприятием, ключевыми событиями и связями с другими. Я увидел мир таким, каким его видят остальные – все варианты сразу. На этом этапе я уже ничему не удивлялся, и ничто не имело значения, кроме моей цели. Что теперь?

Теперь я находился на плоскости, покрытой странными узорами всех возможных цветов и оттенков, и передо мной стояли огромные закрытые ворота, на которых было написано “ДВЕРЬ ПЕРЕМЕН”. Я мысленно потянулся внутрь сознания, надеясь найти там нужный ответ.

Получилось – толчок тепла из груди, наполняющий все тело чем-то новым, о чем до него и знать не знаешь – будто вены залили жидкое солнце, покалывания и давление на коже, прояснившийся до какой-то невообразимой степени рассудок. Тело изменялось изнутри так, как я пожелаю, нейроны в мозгу перестраивались под моим управлением, мутировала даже структура ДНК – первая дверь, перемен, открыта.

Затем пришла очередь памяти – будто я всю жизнь читал одну страницу с текстом из двух букв, и вдруг разуму открылись все возможные комбинации из символов – доступные теперь для выбора. Так открылась дверь множества.

После этого я неосознанно для себя словно поднялся на этаж выше – выше физического мира, и на меня перестали действовать законы природы и причинно-следственные связи. Это была дверь материи.

Следующей отворилась дверь восприятия, и эти изменения будто выстроились в идеально логичную схему, вместе с чем пришло полное понимание того, как теперь я существую, и как могу осуществить то, что задумал.

И тогда настал черед последней двери – воля. Человеку будет понятно это, если сравнить обретение абсолютной воли с обретением сознания – разница в существовании до пробуждения воли и после него была примерно сопоставима с разницей между организмом без сознания вообще и организмом с сознанием уровня человека. Абсолютный контроль. Новое рождение. Начало нового акта творения из ничего, непостижимое для человека, лежащее за ойкуменой возможностей понимания этого вида.

Из абсолютной пустоты на меня смотрело все и одновременно ничто. Это и есть начало координат цикла – место, время, состояние, процесс и понятие, начало и конец всего. Пространство вариантов, затянутое багряными грезами, покорное и всемогущее, готовое к перерождению мира – та-

ким, каким он должен быть. Каким я пожелаю его видеть. Нет ни морали, ни законов – на этом уровне происходит нечто совсем другое – и даже блеклые тени и глухие отголоски этой формы сознания, мучившие меня в приступах и кошмарах так долго, могли свести с ума, открывая ненадолго новые виды чувств. Сейчас страха не было – была лишь абсолютная воля, и абсолютная свобода. И теперь я стану первоосновой нового мира. Мира счастья, покоя и гармонии для каждого, субъективно вечных и нерушимых. Теперь я вознесу всех в рай – примерно так это можно назвать.

Каждое живое существо, каждое сознание станут едины – одна общая личность, один разум, одна воля. Нет больше никакого “я”, есть только мы – вселенная, свободная и единая. Нет различий – есть только единство. Нет конфликтов – есть только единство. Нет личностей – есть только единство. Это и есть бог.

Грезы залили все вокруг гулками раскатами грома, и каждое небо в каждом мире внутри каждого сна-иллюзии затянули эти тучи. Люди смотрели вверх, пораженные, благоговейные, беспомощные, оторвавшиеся, наконец, от навязанной им лжи, и в каждой паре глаз отразилась молния, расчертившая небо на две части, ударившая в самые основы мироздания, потрясшая всю структуру реальности. Она проникла в каждый разум, и никто не скрылся от нее. И с ударом молнии в каждое сознание протянулись руки моих отраженных двойников – забирая все с собой, сохраняя и перенося в от-

дельное отражение вне времени и пространства.

Как только все сознания были записаны, наступило время для уборки мусора. Пространство вариантов загудело, придавая форму моей воле – одна последняя вспышка, в которой старый мир сгорел, вместе со всей его болью, ненавистью и хаосом.

Теперь никакой реальности не было – только я, спаситель, во мраке небытия. И я сам стану новым миром, новой вселенной для нового единого бога. Мой разум перестал быть моим – он перешел из плана идеи в план материи. Мои двойники-отражения разбились, выпуская на свободу все сознания, которые перенесли сюда из старого мира, которые теперь сливались в процессе вселенского синтеза, и все это обретало форму, обретало жизнь, обретало смысл, и отпечаток того, что еще секунду назад можно было бы назвать “моим” сознанием, тоже присоединился к этому общему абсолютному слиянию. Так я умер по-настоящему и открыл внешние двери – двери саморазрушения и перерождения.

Мы больше не были собой – каждый был всем, и лишь одна частичка нас, с которой все началось, осталась в эпицентре нашего нового дома, замороженно, как и все мы, окидывая взглядом и мыслью наше великое будущее. И все, что случилось с миром после этого, стало отражениями синтезированной воли каждого из нас, кто был спасен и одарен новой жизнью, новой реальностью. Над миром вставало бесконечное множество новых солнц, и в эти первые секунды,

озаренное светом и накрытое тенью, все было так прекрасно и безмятежно, как никогда прежде.

III. В ПРЕДДВЕРИИ ГРЕЗ

*Номер первый. Код – 111. Классификация: обычный день, реален-реален, последовательно. Здесь обыгрывается классическая петля времени, никаких дополнительных смыслов. Самый очевидный вариант. Своей простотой мне он и нравится. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи*

Круг первый. Смирение

*Ход времени – штука весьма условная, и главное условие – это восприятие, точка зрения. И если природа или же некий высший замысел ограничили нас, позволив ощущать время лишь линейно, то мы, по крайней мере, развили способность к прогнозированию и научились ретроспективному мышлению. Да, мы все еще воспринимаем время как прямую, но можем мыслить в обе ее стороны.
Доктор Гетбеттер, выдержки из лекций*

Скорый поезд прибыл на станцию “Сумеречье” в пять часов двадцать минут пополудни. Через минуту в последний вагон зашли двое в дорожных плащах. Один из новоявлен-

ных пассажиров – в сером плаще – прихрамывал и что-то с отвращением жевал. Другой – в черном плаще – был чуть повыше своего спутника, брит наголо и имел довольно болезненный вид, будто не спал уже несколько суток подряд. Вдруг, усмехнувшись какой-то своей мысли, он остановился и достал из глубокого кармана странного вида таблетку – небольшую и лиловую. Приняв лекарство, Черный двинулся дальше по коридору, пройдя мимо бездомного пса, зачем-то заскочившего в вагон, и зашел в купе, где Серый уже раскуривал трубку, протянув свои длинные ноги в проход. Черный закрыл дверь и сел напротив. Три минуты прошли в молчании, и купе уже начало наполняться вонючим дымом. Когда поезд тронулся, оба достали из внутренних карманов плащей сложенные вдвое листы бумаги, исчерканные чьим-то ужасным почерком, разгладили их и погрузились в чтение. Пробежав глазами несколько абзацев текста, Серый кивнул попутчику, прокашлялся и начал читать вслух.

– Места мало, так что буду краток и тебе того же советую.

– А где мы?

– Да, в общем-то, нигде. Мы – абстракции, тени на стене, призванные одним лишь своим присутствием оправдать то, что собираемся озвучить. Стыдливый фиговый листок, карнавальная маска, чужое имя, отстраненность и доспехи бога.

– Разве богу нужны доспехи?

– В монотеизме – нет, не нужны, конечно. Но тут другой случай.

– Ладно. А что это такое? Какой-то сценарий, что ли...

– Похоже на то. Я же говорю, мы – отстраненность. Холодная, черствая и безопасная.

– Что ж, тогда приступим.

– Так почему ты думаешь, что это кому-нибудь нужно?

Только из-за откровенного характера графомании тебя надо выслушать, понять и помочь, так что ли? Сколько раз все доказывало уже свое равнодушие к сколь угодно сильным чувствам, как много ты уже получил подсказок и намеков на то, что вселенная пуста, безразлична, непознаваема и чужда справедливости, а тебе все кажется, что чем хуже кому-то, тем больше ему должно за это воздаться. Нет, не должно. Страшно посмотреть правде в глаза и признаться, что мы все – обреченные куски мяса, нарезаемые в фарш собой же, идеальным пыточным инструментом? Тебе жутко поверить, что все ровным счетом ничего не значит, тебе ужасно хочется думать, что ты уникален в этих страхах, кошмарно представить, что это не так, чудовищно – понимать, насколько же твои чувства и мысли избиты. А что, если все живут с этими тоской и ужасом, и только ты не можешь удержать их в себе, потому что ты – самый трусливый, тупой и слабый человек на свете? Что, если ты запутался уже достаточно, чтобы не понимать разницы между чем угодно очевидным для других, не можешь адекватно оценить себя и свои мысли, поступки, и, словно слепец, идешь по пустыне, воображая каждый шаг – шагом по краю пропасти, а свой неровный путь в зыбучих

песках – героическим поиском смысла у самых пределов познаваемого? Это жалко и мерзко – такая презренная неспособность принять свою ограниченность, нежелание вместо побега от бессмысленной пустоты себя самого и выдачи бездарного беспорядка в голове за сложные концепции попытаться жить в заданных границах. Ей богу, не понимаю, что такого плохого в том, чтобы быть как все?

– Я не хочу быть как все, я хочу знать, что все – как я. И остальные хотят того же – видеть свои отражения в других людях, чтобы постоянно быть уверенными в своей нормальности.

– Хватит быть фаталистом, дружище. Научись, наконец, отпускать и забывать, перестань пытаться думать обо всем сразу и решить все проблемы одновременно, не растрачивай силы попусту, ведь всего сразу тебе не удержать. И никому не удержать. Убей в себе любую веру, растопчи остатки надежды – и сразу станет легче, без дурацкого груза переживаний.

– В этом все дело, разве не видишь? Если принять бессмысленность за норму, если вовсе отрицать необходимость смысла, то любые твои действия теряют... Ну, понимаешь? Ты хочешь выбить из-под человека стул и ждешь, что он останется висеть в воздухе. Стул для него абсолютно реален, это не самообман и не плацебо. Ты или стоишь на стуле, или болтаешься в петле, третьего варианта нет.

– Мы нигде не висим, мы стоим на земле. Я говорю, что стул тебе только кажется, как несуществующая последняя

ступенька лестницы, по которой спускаешься в темноте. И ты этого не поймешь, пока не сделаешь шаг. А вот петля – если продолжать твою глупую метафору – да, петля вполне реальна, и ты ее уже накинул себе на шею, и ничто не помещает тебе подпрыгнуть и поджать ноги, вообразив, будто из-под тебя выбили стул.

– Откуда тебе знать, что ты не висишь? Как можно в чем-то быть уверенным, живя в мире, где нет чудес, истины и откровений? Если их нет, то логично принять за чудо то, что кажется обыденным. А низводить все чудесное до уровня правил и законов, которые ты все равно не сможешь понять до конца, но будешь ревностно классифицировать и упорядочивать – это разве не другой вид фанатизма, в белом халате и перчатках, но такой же иррациональный? Разве в итоге мы не приходим к чему-то, что не можем раскладывать на части дальше, вынужденно принимая это за божественную частицу?

– Ну вот, ты это сделал. Привел непробиваемый аргумент. Только вот я не фанатик, так что тут ты промазал. Если познать мир принципиально невозможно, то стоит отвергнуть познание.

– Так ведь не выйдет. Люди мечутся в поисках истины не потому, что альтернативы нет, а потому, что не могут принять само понятие альтернативы своему мироощущению. Каждая моя мысль, всякое чувство, даже самое болезненное и мрачное, уже сами по себе приносят наслаждение, возмож-

ность упиваться сознанием, его многогранностью и глубиной. Парадокс человека в том, что он не способен принять высшую точку чего угодно за последнюю. Что, если смысл не в нахождении, а в поиске, и в страдании, и в ограниченности тоже? Я просыпаюсь каждый день и продолжаю жить даже не для того, чтобы однажды получить ответ, мне достаточно верить, что этот ответ может быть получен.

– Наконец ты отбросил заигрывания со словами. Почему было сразу не признаться, что ты мазохист и упиваешься своими муками? Вопрос снят.

– Это немного сложнее.

– Как все и всегда. Но если не брать в расчет эту шелуху лишних понятий, которую ты засыпал себе в голову, окажется, что на деле ты свободен.

– Свободен умереть? Свободен сойти с ума? Если это такой тонкий юмор, то я его не понимаю. Мне совсем не смешно.

– А у тебя вообще с юмором не очень. Ты свободен делать все, чего пожелаешь, не заморачиваясь избыточной рефлексией.

– И как же, позволь узнать?

– Понять, что никакая физиология мозга не заставляет тебя бесконечно задаваться надуманными абстрактными вопросами. Это или всеобщая заморочка, или твоя личная психическая аномалия.

– Хорошо, я готов принять, что это всеобщая замороч-

ка. Ты, кстати – прямое тому доказательство. Раз ты меня в некоторой степени понимаешь, хоть и не соглашаешься с моей точкой зрения, то должны быть и те, кто и понимает, и соглашается.

– Откуда тебе знать, что наши личности вообще что-то разделяет? Может это две крайности одного дробящегося в свете рефлексии сознания?

– Я пока не готов к такому повороту.

– Пусть так. А что там со вторым вариантом? Если ты и правда единственный такой чудак? Это бы тебя здорово обрадовало – любые странности можно оправдать своей уникальностью. Но точно знать ты не можешь, вот и приходится осторожно прощупывать всех вокруг на предмет схожести симптомов. Как успехи?

– Если бы я кого-то нашел, этого разговора тут не было бы, а мы бы мирно пили чай. Я перестаю быть осторожным – потому что впадаю в отчаяние. Но я пока не готов пожертвовать остатками гордости и приличий, убирая из разговора тебя.

– А ну как ты ими уже пожертвовал? Вдруг над твоей нелепостью уже давно насмеются те немногие, кто вообще расслышал твой писк и заметил паническую жестикуляцию? Ты всегда недооцениваешь других, причем так сильно, что даже примерно не представляешь, как многое из твоих пафосных и болезненно серьезных откровений совершенно очевидно для окружающих. А реакции нет потому, что для них этот

бред не представляет ни малейшей ценности, вот и все.

– Для некоторых даже банальнейшие подробности этого бреда представлялись интересными. Однажды мне на полном серьезе предложили быть предметом исследования для дипломной работы по психологии.

– Ох, как же тебе это, должно быть, польстило! Такого запаса топлива хватит на долгие годы подпитки мегаломании. Ну и что же, ты согласился быть предметом?

– Нет. Я сразу же наглядно продемонстрировал, почему никому не стоит изучать мою психику.

– Знаешь, мы уже довольно долго балансируем между приемлемой формой исповеди и формой совершенно постыдной, и, прислушиваясь к тебе, я делаю вывод, что двойственность разговора не спасет от подозрений в реальном расстройстве. Прошу, не подумай, что это о шизофрении, я имею в виду максимум эмоциональный эксгибиционизм и паранойю.

– А что, если мне плевать? Почему я должен стыдиться этого? Кто сказал, что я должен молчать только потому, что стыдно может стать тем, кто меня услышит? Я ненавижу это табу на нытье. Я бы мог ныть всю жизнь, знаешь ли. Сутки напролет сидел бы где-то в углу и вслух размышлял о том, как же мне плохо и тяжело. Уверен, нашлись бы сумасшедшие, которым бы это понравилось – они бы рассаживались вокруг и с раскрытыми ртами впитывали поток сознания замкнутого на себе эгоманьяка-неудачника. Вслух все согла-

шают, что надо быть искренним и открытым, но на самом деле они совсем не готовы к искренности, выходящей за пределы “какой чудесный день, как я всех вас люблю!” Как только доходит до радикальных, мрачных, извращенных, странных, непопулярных мыслей – никто не хочет слушать. Когда дело касается тонких граней личности другого человека, любовью из нас скорее готов выслушать лекцию по высшей математике, чем это ужасное чужое “я”.

– Кто так нагадил тебе в мозг, что ты уверен, будто люди хотят быть друг для друга эмоциональными унитазами? Да, мы все эгоисты и помешаны на себе, но в этом нет нашей вины, ведь никто не может видеть и чувствовать за другого человека. Как кто-то должен проникнуться твоими переживаниями, когда они для него – ничто, пустой звук? Как и его переживания для тебя, между прочим. Разве ты когда-нибудь сочувствовал кому-то хоть вполтину так же сильно, как жалеешь себя?

– Да. Ты не поверишь, но я сочувствую всем и каждому, пусть даже и не вижу все с их стороны. Я потому и ненавижу всех нас вместе, что люблю каждого в отдельности, видя неудачи, страх, боль и одиночество, с которыми почти никто не в силах справиться сам по себе. Об одном человеке я думаю почти так же часто, как о себе, а переживаю – куда больше, чем за себя. Вот только я не чувствую, чтобы это делало меня лучше – то ли потому, что я совершенно не умею выражать чувства и мысли эмоциями и словами, то ли потому,

что иногда сочувствие бессильно.

– Ого! Слушай, у меня только что родилась бизнес-идея: покупаем бутылки с водой, ты превращаешь ее в вино, и мы загоняем его людям по тройной цене. Потом запишем видео, в котором ты ходишь по воде, наведем шухера в приюте для слепых, на ТВ все быстро просекут и будут платить баснословные деньги за участие в душеспасительных ток-шоу. Нравы сейчас помягче, чем две тысячи лет назад, так что с такой программой мы станем богаче английской королевы. А когда люди поймут, что саранчи и трубящих ангелов не предвещается – вообще станем хозяевами мира!

– Насмехайся-насмехайся. Иисус-то знал, что впереди у него пирушки за отцовским столом и возня с котятками посреди райских куш, так что я не понимаю, в чем его жертва. Любой закрывающий собой амбразуру солдат совершает более смелый и геройский поступок, ведь он делает шаг в неизвестность, меняя почти невозможное, но все же “вечно” тут на вероятное “ничто” нигде. Такое же вероятное, как и “вечно” “там”, но “там” он и так оказался бы, так что это шаг в полную неопределенность. И все равно даже им движут эгоистичные мотивы – если не билет в рай, то вечная память и благодарность спасенных, короткий миг упоения своей жертвой. А кто согласится пожертвовать всем ради ничего? Так, чтобы о поступке никто не узнал, и чтобы сам он не чувствовал себя святым. Никакой награды, даже самой эфемерной. Представь, что тебе предлагают такую сделку: ты

умираешь с концами, перестаешь быть абсолютно и бесповоротно, а остальные умирают и попадают в рай, но никто не в курсе, что это твоя заслуга. Ты отдал все и ничего не получил, а они ничего не отдали и получили все. Ты согласишься? Заметь, если ты выбираешь остаться в живых, то у тебя остается точно такой же пятидесятипроцентный шанс на посмертие, как и у других. Выбираешь смерть – никаких шансов.

– Конечно, я бы не стал умирать! Такие условия настолько далеки от справедливости, что...

– Вот видишь. А ведь это ты говорил, что справедливости не существует. Выходит, мы даже не можем вообразить мир, где за добро не платят добром в самом-самом конце. А ведь это концепция самопожертвования в чистом виде.

– Ладно. Вернемся к твоим жалобам. Если не равнодушие тебя так шокирует, то что?

– Лицемерие. Как несчастные люди умудрились создать цивилизацию, построенную одновременно на вере в красоту мира и на призывах к честности? Как мы смогли так ограничить себя, что живем по взаимоисключающим законам?

– Ну, тут два варианта. Или мы просто не хотим, чтобы нам постоянно напоминали о нашей бессмысленности, а честность подразумеваем обычную, бытовую, или не все видят все в черном цвете. В любом случае, верить, что лицемерие нам не нужно – наивно, так что брось это.

– А я не против, не пойми неправильно. Я всего лишь

хочу, чтобы никто не лицемерил, называя лицемерие пороком. Это ведь совершенно в твоём духе – отрешиться от возвышенных идеалов и признать низменное единственно верным.

– И ты не понимаешь, почему сложилось так, что одно из важнейших наших качеств де-юре оказалось вне этических рамок, а де-факто – все так же практикуется с молчаливого всеобщего согласия?

– Да. Представь, что ты наблюдаешь веганскую акцию, в ходе которой они идут по улице с транспарантами и выкрикивают лозунги о защите животных, а после акции заходят в ресторан и заказывают мясо. Ты подходишь к ним и спрашиваешь, почему они едят мясо, ведь это поощрение существующей системы эксплуатации животных. Говоришь, что они ведь только что в двадцати метрах отсюда призывали к прекращению поедания мяса, а теперь едят его сами. На что они тебе отвечают, что не едят мясо. Ты указываешь на содержимое их тарелок. Они говорят что там ничего нет, или что там овощное рагу. Это абсурд, это сюрреализм. Это парадокс.

– Тогда смирись – парадокс на то и парадокс, что искусственен и неразрешим.

– Что я говорил про смирение?

– Напомнишь как-нибудь в другой раз. Нам, кажется, пора выходить, потому что место кончается.

– Я так и не сумел придумать внятного завершения.

– А разве это завершение? Вся дорога еще впереди. Пойдем.

Скорый поезд прибыл на станцию “Синегорье” в пять часов двадцать пять минут пополудни. Из последнего вагона вышли двое, один – в сером двубортном пальто, другой – в черной кожаной куртке с причудливыми нашивками. Тот, что в пальто, встряхнул гривой рыжих волос и потянулся, громко хрустнув каждым суставом тела. Его лысый спутник с выражением безгливости на лице нацепил солнцезащитные очки и закурил, задумчиво глядя на подножия лежащих далеко впереди гор. Вдруг, словно вспомнив о чем-то важном, он округлил глаза и, отвернувшись, торопливо закинул в рот круглую лиловую таблетку. И, знаете ли, сразу почувствовал себя лучше.

Круг второй. Значение лопастей

Мы стоим перед очевидной проблемой – то состояние, в котором находится наша цивилизация, очевидно тупиковое по мнению любого здравомыслящего человека. Отсюда и возникли ворах обществ мистиков, оккультистов и прочих интеллектуальных калек, фантазирующих на тему нового грядущего витка развития; однако они стали индикатором того, что мы и правда изнемогаем в ожидании смены парадигмы. Религия отмерла, мы уже не воспринимаем ее как часть жизни. Наука стагнирует и топчется на месте. Философия, как и прежде, полна лжи, словоблудия и противоречий. Массовая культура не даст никаких ответов, ведь и она сама деградирует вместе с нами. Но предположим, что нам в руки попал бы инструмент, позволяющий все исправить, “отрезать лишнее”, выбрать тот вариант развития реальности, который приведет нас к процветанию; и у этого инструмента нет ограничений – ему подвластны любые аспекты действительности, истинно божественное могущество. Что бы мы выбрали? Каким мы хотим видеть идеальный мир? И можем ли мы решить это совместно? Чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что мы бы никогда не договорились. В таких

*важных вещах нельзя доверять решение обществу.
Неизвестный автор, "Ген смерти"*

В небольшом кабинете, оборудованном специально для проведения сеансов воспроизведения некоторых избранных фрагментов, сейчас было всего три человека. Сегодня они собрались здесь для оценки работы штаба, ведь спустя четырнадцать циклов – без достижения каких-либо существенных успехов – руководство было совершенно уверено, что дать подобную оценку необходимо. Не только текущему составу штаба, но и работе самой нейромодели. Один из присутствовавших, начальник штаба с травмой лицевого нерва, предоставил подборку фрагментов, которые, как ему казалось, были наиболее многообещающими. Они не вписывались в остальной массив данных, были словно инородной частью, и в этом могла заключаться какого-то рода подсказка. Некоторые из фрагментов были извлечены уже давно, еще во время первых циклов, какие-то появились в деле недавно. Начать было решено с одного из недавних, извлеченного на тринадцатом цикле. Человек из руководства махнул рукой, устраиваясь в кресле поудобнее, поставил стакан с кофе на стол. Начальник штаба кивнул технику, и тот нажал несколько кнопок на голографическом удаленном интерфейсе, подключенном по зашифрованному каналу напрямую к выбранной подборке. Библиотека фрагментов пришла в движение, отдавая на вывод нейрозапись, и воспроизведение началось.

“Наступает особое время. Иногда я думаю об истории человечества как о комнате с человеком и большим механизмом с лопастями, вроде вентилятора. Вот картина: человек сидит в комнате, механизм стоит рядом, он неподвижен, конструкция основательно закреплена. У комнаты нет ни окон, ни дверей, а примерно посередине, в паре метров за спиной человека, начинается пропасть, и задняя стена комнаты сплошь усеяна острыми шипами. Человеку жарко. И вот он задумывается, можно ли как-то использовать эту штуковину, чтобы стало прохладнее? Он подходит к механизму и осторожно трогает его пальцем, ощупывает и осматривает, качает лопасти. Качнул резко – и ощутил легкое колебание воздуха. Идея! И человек начинает раскручивать лопасти, с усилием, медленно, но чем дальше, тем легче они поддаются, и вот уже прохладный поток воздуха обдувает радостного человека, и он все продолжает и продолжает крутить лопасти. В какой-то момент нашаривает рукой рычажок с задней стороны механизма, дергает его. Рычажок ломается и отваливается, но механизм начинает крутиться сам, и человек, довольный собой, садится перед лопастями и наслаждается прохладой. Но механизм ускоряет вращение, и вот уже поток воздуха становится некомфортным, сушит глаза и обветривает кожу. Пока человек думает, как поступить, скорость вращения растет линейно. Когда человек решает встать и выключить механизм, поток воздуха уже почти сбивает его с ног, толкая в сторону пропасти, но человек хватается за при-

крепленную к полу конструкцию. Рост скорости вращения из линейного становится степенным. И вот человек висит параллельно полу, уносимый невероятно мощным и все более ускоряющимся потоком, одной рукой пытается выключить механизм, другой изо всех сил цепляется за него же.

Какие есть выходы из этой ситуации? Если предположить, что прыгнуть, перекатиться или еще каким-то способом уйти из-под потока невозможно. Как мне кажется, остается три варианта: либо попытаться сломать механизм, рискуя конечностями и даже жизнью, либо сдаться – разжать руку и улететь в пропасть, либо держаться дальше, в надежде, что иное решение появится прежде, чем скорость потока выйдет на экспоненциальный уровень, когда держаться станет невозможно. Но третий вариант – это ловушка, иллюзия выбора. Нам свойственно надеяться на лучшее вопреки объективной реальности. В конце концов, мы ведь улетим в пропасть как во втором, так и в третьем случае, так почему бы не подождать, пока еще есть силы?

Первый вариант хорош тем, что дает надежду на спасение, но плох в том, что гарантирует увечья. Второй – избавляет от страха и боли, но гарантирует смерть – ну, как гарантирует, на дне пропасти ведь может быть водоем и подводные пещеры, ведущие на свободу, так? Теоретически. А вот третий вариант... Он скорее не про надежду, а про страх, неспособность сделать выбор, бесконечное откладывание момента принятия решения. Мы тянем время, а лопасти вращаются

все быстрее, и скоро любые попытки сломать их превратят руку или ногу в кроваво-мясной фонтан, не причинив вреда механизму, а если перестать держаться – потоком воздуха снесет сразу на заднюю стену, на шипы. И чем дольше мы тянем с выбором, тем меньше у нас шансов.

Наступает время решать, зачем мы здесь, чего мы хотим, чем готовы пожертвовать. Нужно ли нам вообще это “будущее”? Или большинству из нас действительно наплевать? Верующие попадут после смерти в специальные места, им можно не беспокоиться. Атеисты растворятся в небытии, что в принципе снимает большинство вопросов. Родители сейчас вряд ли задумываются о судьбе своего рода, все внимание сосредоточено на детях или внуках, и почти никто не заглядывает в будущее на несколько поколений вперед. Наш короткий век диктует законы нашего мироощущения, расстановки приоритетов – устроиться получше, воспроизвести свои гены, проследить за тем, чтобы потомство встало на тот же путь, а потом и смерть тут как тут. Ну и где найти время и силы для переживаний обо всем роде людском? Инстинкта размножения не всегда хватает даже на должное исполнение функции заботы о непосредственном потомстве, куда уж там долгоиграющие планы на весь вид.

Кто знает, возможно, мы вскоре преодолеем тягу к самовоспроизведению, окончательно смиримся с тем, что никакого будущего у нас – нашей собственной отдельной личности – нет, и постепенно вымрем. Заложено ли это природой

в каждый биологический вид, чтобы не допускать перенаселения и доминирования единственной формы жизни, или же это, наоборот, программный сбой, и в оригинале нашего “кода” прописано, что мы должны заполнить собой все существующее пространство? В первом случае получается, что вселенная чудовищно жестока, раз не дает ничему существовать столько же, сколько она сама. Она как мать, наблюдающая за смертельными играми своих детей и в конце лично убивающая победителя. Во втором случае мы видим, что она, возможно, стремится к полной унификации, достижению абсолютной однородности каждой своей частицы, и это тоже немного пугает. Или же мы зря ищем паттерн там, где его нет? Если существует то, что нам кажется системой, всегда ли справедлив вывод о наличии истока, предтечи, акта творения, любого другого первоначала, первопричины? Может ли что-то неслучайное возникнуть случайно, и способны ли мы вообще в полной мере понять значение слова “случайно”? Хотел бы я узнать ответ на хотя бы один из этих вопросов”.

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента.

Круг третий. Вид из горизонта событий

Verrà la morte e avrà i tuoi occhi
Чезаре Павезе

Поездка была долгой и безумно скучной. Автобус ехал мимо одинаковых поселков с аккуратными домиками, гостеприимно просторными кладбищами и покосившимися церквями, и проделывал он это так медленно, что к середине пути Эрик уже не был уверен, что это автобус движется относительно деревенских пейзажей, а не наоборот.

Впрочем, одно происшествие все же нарушило размеренное течение вечера: когда визгливый ребенок, принадлежащий непредусмотрительной семейной паре туристов, решил украсить спинки передних сидений своим завтраком, автобус остановился, и маленького человека вывели подышать воздухом. Эрик спрыгнул с верхней ступеньки подножки, встряхнулся и уселся на теплую траву, сложив ноги по-турецки. Неспешно закуривая, он смотрел на вечернее солнце, уже не слепящее до слез, но все еще щекочущее глаза.

Когда, устав от света, он опустил взгляд на зеленый холм вдалеке, ему показалось, что на самой вершине холма стоит фигура с косой в руке и машет кому-то. Вдруг все вокруг

осветила мощная вспышка зеленоватого света, и Эрику пришлось зажмуриться, чтобы, открыв глаза, не увидеть ни следа человека с косой. Глаза слезились, во рту – будто пустыня, а каждая кость и мышца гудели и ныли, словно он просидел тут уже очень долго. Эрик оглянулся на автобус – выходявшие покурить пассажиры заходили внутрь. Он встряхнул головой, избавляясь от последних следов короткого наваждения, и поспешил вернуться на свое место в конце салона.

Через час картина за окном сменилась – они подъезжали к городку, который опухолью коммерции присосался к Волчьему Утесу. Люди все так же приезжали поглазеть сначала на саму скалу, потом вниз со скалы, затем спуститься в пещеры у моря, чтобы выслушать рожденную в творческих муках маркетинговой алчности байку о морских чудовищах, якобы заползающих в эти дыры из глубин океана. Разумеется, среди туристов никогда не оказывалось ни одного океанографа, так что никто не обрывал гидов разумным замечанием, что сколько-нибудь серьезных глубин вокруг Волчьего Утеса не было в радиусе многих миль, и вряд ли чудовища стали бы тратить свое время на такое долгое паломничество в заурядные каменные щели; они скорее предпочли бы этому традиционные для чудовищ ценности – развлечения с рыбацкими кораблями и шоу для публики с плохими фотоаппаратами на рыбацких лодках и небольших яхтах.

Эрик хорошо понимал мифических монстров – он и сам ни за что не приехал бы сюда еще раз, если бы не приглаше-

ние от старого друга, которому выпал шанс открыть в этом месте многообещающий бизнес. Его осторожность в делах и мнительность, неожиданно приобретенные им после двадцати четырех, прямо-таки подобранные на пороге взрослой жизни, стали причиной долгой бюрократической возни и холодной войны с местным муниципалитетом. А прекрасно сохранившаяся наглость позволила почти насильно втянуть в это дело своего единственного знакомого юриста.

Когда автобус, наконец, дернулся в последний раз и замер, Эрик вышел через заднюю дверь, отошел подальше и, закулив, окинул взглядом окружение. Издалека каменный клык выглядел вполне безобидно, но напускная кротость не могла обмануть никого, кто хоть раз видел изнанку этого места. Вот и Эрик, еще не успев докурить, поежился от холода пополам с отвращением и быстрым шагом направился вглубь городка.

* * *

Эрик заснул под звуки барабнящего по крыше дождя. Снились ему ящерицы с пейсами и в кипах, автобусы с мрачными жнецами в гавайских шортах и, как-то совсем уж не попад, расплывчатый силуэт, медленно и одиноко танцующий под луной посреди цветочной поляны. Эрику силуэт по-

казался до боли знакомым... Нет, не так. Скорее показался кем-то, кого он знал в прошлой жизни – в сотне прошлых жизней – и уже вот-вот узнает в этой. Он попытался приблизиться, чтобы разглядеть, кто же это, но, как только он ступил на залитую лунным светом поляну, она превратилась в бесконечную бесцветную плоскость, по которой с грохотом неслись шары всех возможных цветов. В какой-то момент Эрик понял, что он и сам несется по плоскости, а в следующую секунду столкнулся с одним из шаров и в ужасе проснулся, тихо шипя, словно от боли.

* * *

Еще на подходе к Волчьему Утесу Эрик почувствовал, как под куртку снова пробирается холод – и это в теплый августовский день. Он поглядывал на группу туристов студенческого вида, шагающих в десятке метров от него, но им, судя по всему, холодно не было. Они веселились, бодро перекивались, перебрасывались стремительно пустеющими бутылками, не замечая ничего странного и пугающего в воздухе вокруг себя. Может, ничего такого в воздухе и не было, а зловещий дух скалы существовал только в воображении Эрика.

Чиновник ждал его в ресторане, частично встроенном в

скалу, а частично – нависшем над пропастью. Вид через огромные витражи открывался, конечно, потрясающий, но Эрику все еще было не по себе от этого места, поэтому беседа получилась весьма лаконичной. Представитель городских властей оказался куда уступчивее и человечнее, чем был расписан Эрику прошлым вечером, и дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Через каких-то полчаса Эрик вышел из ресторана обнадеженный и в приподнятом настроении. Сквозь тучи выглянуло солнце, утренний холодок был окончательно забыт, и Эрик даже решил немного прогуляться вдоль Волчьего Утеса.

Когда он уже сильно отделился от ресторана, стайки туристов и прочего, его взгляд вдруг зацепило что-то удивительное. Из щели между камнями выглядывал... цветок? Эрик был далек от флористики, но чем дольше он вглядывался в это белоснежное чудо, тем больше уверялся в том, что таких цветов в природе не бывает. Чтобы разглядеть его получше, нужно было приблизиться к самому краю скалы, но сейчас страхи Эрика отошли на второй план, и что-то внутри словно против воли вело его – по траве и камням, а потом и через невысокое ограждение с предупреждающими табличками, туда, где рос цветок, по мере приближения заполняющий поле зрения.

Все вокруг потускнело, отдавая краски ему, слепяще-белому, с невозможно тонким и изящным стеблем и бутоном из чего-то, что абсурднейшим образом напоминало перья.

Эрик замер над обрывом, не в силах оторвать взгляда от самого прекрасного, что он видел в жизни. И, пока он смотрел, в его голове проносились годы, наполненные тоской и отвращением, не стоящие и единого мига настоящего. Должно быть, прошло много времени – солнце уже успело войти в зенит, начать опускаться и даже проделать большую часть пути до горизонта, но время стало пугающе неуловимым.

С восторгом прозревшего слепца Эрик наблюдал, как цветок слегка покачивается на ветру, доверчиво раскрываясь его взгляду и, одновременно – уродливому миру. Уродливо-му, но все же сумевшему дать жизнь чему-то настолько потрясающему и чистому. Может, и сам этот мир не так плох, как всегда казался? На лепестках-перьях лежали небольшие льдинки, а в центре бутона сверкали капли вчерашнего дождя, в которых отражались тысячи далеких созвездий, рай, бесконечно красивый мир и один нелепый потерянный человек на краю обрыва.

Эрик почувствовал, как внутри, заполняя равнодушную пустоту, разрастается невероятное нечто, теплое и волнующее, и уже в следующую секунду он первый раз в жизни заплакал – от счастья, которое тоже испытывал впервые, и все больше становилась уверенность, что теперь все наконец будет хорошо – так, как должно было быть всегда. Бумаги бессмысленным ворохом исчерканной целлюлозы выпали из рук, колени подкосились. Его рука сама по себе потянулась к цветку – просто чтобы прикоснуться, смахнуть лед и по-

делиться этим новым теплом, способным, казалось, согреть всю планету. И, сколько он впоследствии ни пытался понять, почему случилось то, что случилось, он никогда не смог бы сказать точно.

В следующую секунду Эрик уже летел в пропасть.

* * *

Давид толкнул дверь и зашел в бар. Внутри оказалось необычайнолюдно – словно сегодня был какой-то особенный день. Впрочем, у дня были бы все шансы стать особенным, не будь в помещении Адама, но тот привычно обретался за одним из угловых столиков. Давида он заметил сразу и приветливо махнул рукой – это значило, что он был еще в дружелюбном состоянии и расположен к беседе. Давид заказал бокал темного пива и подсел к другу. Адаму явно не терпелось что-то рассказать, и он начал безо всяких вступлений.

– Знаешь это чувство, когда ты срываешься с уступа в пропасть и ничего не можешь сделать, словно тебя паралич разбил?

– Нет. Я только знаю, что чувства, когда стоишь на краю обрыва, и тянет прыгнуть вниз, у меня нет.

Адам даже не улыбнулся, целиком поглощенный очеред-

ной идеей.

– Сначала в голове лениво вспыхивают мысли, что неплохо бы, мол, ухватиться за что-то, но край отдаляется, а ты все так же бездействуешь, и руки все так же висят в воздухе мертвыми удавами. А когда понимаешь, что происходит, уже поздно, и, сколько ни дергай конечностями, никак не спасти.

Давид задумчиво отхлебнул из стакана друга, но в стакане был, как ему показалось, просто виски. Тогда он устало вздохнул и подпер ладонью подбородок, устраиваясь на стуле поудобнее.

– Продолжай.

– Тебе остается только орать, и ты орешь, так громко, будто что-то или кто-то подхватит тебя в воздухе, если будешь вопить достаточно истошно. У столпившихся зевак уже барабанные перепонки лопнули, а крик только набирает силу. Ты сам почти превращаешься в крик, пытаешься обмануть гравитацию, смерть и время, но глупое тяжелое тело все так же тянет тебя вниз.

– Мне кажется, что ты читаешь по бумажке. Ты читаешь по бумажке?

Адам усмехнулся и постучал пальцем по лысому черепу.

– Все бумажки хранятся тут. Они тут пишутся, классифицируются и зачитываются в нужный момент. Так что сиди и слушай внимательно, не перебивай.

– Ладно, Страшила. Валяй.

– Кажется, что от такого ужаса все законы вселенной должны враз измениться и помиловать, спасти именно тебя, хоть скалы внизу и усеяны останками таких же оступившихся, и ни у кого нет ни возможности, ни желания дать тебе понять, что те люди летели отнюдь не тише, так что ты продолжаешь верить и визжать. Падать и таять. Но это еще не самое интересное. Забавнее всего то, что эта пропасть именно для тебя окажется бездной, и лететь тебе целую вечность, и каждую секунду твоя вера в спасение будет уменьшаться в геометрической прогрессии, но так никогда и не достигнет нулевой отметки, хоть и будет к ней бесконечно стремиться. Ты успеешь сойти с ума, потерять личность, вообразить себе другое развитие событий, прожить тысячу жизней, в которых памяти о падении заботливо не будет, но никогда уже оно не прекратится, ни одна поверхность не примет тебя. Для стороннего наблюдателя ты долетел до камней за десять секунд, наблюдатель уже давно ушел по своим делам, уже давно вечером за ужином рассказал жене об очередном несчастном случае над пропастью, уже давно дети их составились, правнуки – сгнили в гробах, планета – погибла в последней самоубийственной вспышке желтой звезды, вселенная – сжалась до невыносимо маленькой точки и снова взорвалась, но ты все еще падаешь, как частица света, попавшая за горизонт событий.

– А почему ты упал?

– И это все? Тебе интересны только причины, а до самого

важного – сюрреализма происхождения – нет дела?

– Причина важнее. Раз уж помочь никак нельзя, то можно хотя бы разобраться в случившемся, пусть не ради тебя, но для порядка. Так что? Грунт осыпался, кто-то подтолкнул, порывом ветра сбросило?

– Гипотетический падающий очень боялся высоты, но ему было скучно и одиноко в стороне от толпы, восторженно глядящей вниз с обрыва. А еще его подвело любопытство. Бедняга подумал, что там, внизу, должно быть, что-то жутко интересное – иначе с чего это все скучковались и пелятся. И он подошел к самому краю, намного дальше, чем стоило подходить, но понял это немного позже, чем нужно было понять. Головокружение, слабость в ногах, нерешительное покачивание над пастью пустоты и один неверный шаг.

– Значит, виноват только он сам. Его глупость, любопытство и слабость подтолкнули его вниз, разве нет?

– Да, он сам виноват. Точно так же, как виновата пропасть, боязнь высоты, тяжелое тело и легкий воздух, красота пейзажа, восхищение толпы, ходячие ноги, его родители, водитель туристического автобуса, желание удивляться и радоваться, гравитация – то есть никак. Никто не виноват – виновато все.

– Прямо-таки гравитация и водитель, скажешь тоже. Как по мне, так тут все проще некуда – дурачок полез туда, куда явно не надо было лезть, да и ухнул вниз. Следующий поостережется, или там забор поставят против таких любопытных.

– Там было невысокое ограждение, но оно его не остановило. А настоящий забор никогда не поставят – это им всю красоту порушит, и тогда народу приезжать будет меньше.

– Ну и дрянь. А кто они такие?

– Ты мне лучше на другой вопрос ответь: откуда тебе или мне знать, что это не мы падаем в бездну?

– Я чувствую стул под своей задницей и абсолютно уверен, что никуда не падаю. Ты же, с другой стороны, явно выпил уже достаточно, чтобы свалиться, когда попробуешь встать из-за стола. Это и будет твое великое падение.

– Все-то ты понял, не увиливай. Как ты можешь быть уверен, что твоя жизнь – не видение летящего в пустоте человека?

– Разве можно себе что-то представлять так подробно? Все слишком хорошо и детально прорисовано, чтобы быть сном или видением.

– Это тебе сейчас так кажется. Во снах, например, ты уверен, что бодрствуешь, а время там сжимается, как я под ледяным утренним душем. Я как-то проснулся и был уверен, что прожил во сне сорок лет.

– Ну, твою-то нудную жизнь и ребенок выдумает. Так почему мы именно летим, а не спим?

– Может одно, а может и другое. Не узнаешь, пока не проснешься.

– Или не приземлишься на скалы.

– Я же говорю, что лететь можно вообще бесконечно –

время для тебя растягивается.

– Если есть чему растягиваться, то есть чему рваться.

– То есть?

– Не важно, как твой мозг воспринимает ход времени, и что он для него субъективен, потому что мозг, в отличие от разума, материален и уязвим к физическим воздействиям, таким как, например, удар о здоровенный камень. Твоя геометрическая прогрессия однажды все же достигнет нуля – автоматически, когда пересечет черту первого неделимого положительного числа.

– И почему мне кажется, что эта твоя внезапно прорезавшаяся глубина мысли – дурной знак?

– Потому что ты тоже подумал об этом. Почему я вдруг стал говорить как ты?

Люди вокруг этих двоих замолчали и, с механичностью китайских болванчиков покачивая головами, принялись отодвигаться на стульях как можно дальше. Кто-то не выдержал – хлопнула дверь бара, на миг дав понять, что на улице уже гроза и настоящий потоп.

– Потому что ты подумал об этом в одну секунду со мной. Подумал, что бесконечности нет места в системе, предполагающей исчисление и, следовательно, конечность. Если время дискретно, то...

Снаружи раздался треск – гроза превратилась в ураган, деревья с жутким звуком вырывало из земли, а машины швыряло по улице. Стекло заведения не выдержало и разле-

телось на сотни осколков, которые, впрочем, никому не причинили вреда – бар был пуст, за исключением Адама и Давида.

– Неделимая частица приближается.

– И мы уже поняли, что она такое, правда?

– Вне всяких сомнений. А как ты все узнал заранее? Ты ведь сидел тут со своей историей не просто так, ты уже был в курсе. Откуда?

– Наконец-то спросил! Короче говоря, встретил я сегодня одного забавного...

Треск деревьев и рев урагана, голоса людей, скрежет сминаемых автомобилей, гул стекла, гром – все смолкло на невыразимо короткий миг, освещенный изнутри зеленоватым сиянием приближающейся линии терминатора, и уже в следующий не-миг все затопил чудовищный хруст. Мир перестал существовать.

* * *

Удивительный цветок насмешливо сверкал в лучах солнца, всем своим видом заявляя, что у них нет над ним власти. Этому холодному чуду далеких гор, морей и ледников не нужен был фотосинтез, а секрет его появления в этом месте не был чем-то земным и объяснимым, уж тем более – при по-

мощи скудного человеческого языка. Цветок устал и втянулся в щель между камнями, так и не поняв, что это была за рука, и куда она так внезапно делась.

Рука же, тем временем, отлетев чуть поодаль от всего остального, под тенью зловещего утеса тоже отвергала власть солнца и старалась быть неподвижной. И если бы не остаточные подергивания, это получалось бы у нее весьма убедительно.

Круг четвертый. Ляг и умри

Мне все чаще казалось, что мы делаем что-то неправильное, не осознаем последствий своих действий. По мере того, как проект развивался, я понимал, что наша сеть действительно сможет улавливать связи между событиями на таком уровне, к которому человечество, наверное, еще не готово.

Арнольд Лихтмайер, из автобиографии

– Этот мне кажется особенно любопытным. Идеи, описанные здесь, довольно часто встречаются в основном массиве.

– Так давайте послушаем. Возможно, увидим какие-то новые связи?

Техник, не дожидаясь кивка от начальника штаба, подал на воспроизведение следующий фрагмент.

“Детерминизм по определению предполагает именно отсутствие свободы воли, и эти два понятия невозможно совместить. Любые попытки решить конфликт между ними основаны на неполном представлении о том, насколько глубоко предопределенность затрагивает любую человеческую деятельность.

Ты не просто не выбираешь свою будущую профессию или круг общения, ты не выбираешь свои слова, не выбираешь даже свои мысли, ведь все, что зависит от тебя, исхо-

дит из мозга (который формируется совершенно независимо от твоих пожеланий и решений (фактически, именно он и определяет твои желания, то есть является причиной, а не следствием), под влиянием генов и среды), а все остальное, исходящее как от других людей, так и от явлений природы, в свою очередь тоже предопределено тем, какие факторы на это все повлияли.

В итоге получается уходящая назад во времени к моменту образования вселенной цепочка событий, неизбежно повлекших за собой все последующие события. И настоящее принятие детерминизма – признать, наконец, событиями не только действия, но также мысли, слова, чувства и все прочие конструкторы сознания.

Когда человек искренне поверит в иллюзорность своей личности, в то, что все ее составляющие, которые он так привык считать собой, не имеют к нему никакого отношения; в то, что он деградировал по сравнению с собой трехлетним, не видевшим границы между своим “я” и остальным миром – человек ужаснется. Как будто ему мало страха смерти, конца всех чувств и восприятия, так теперь он еще и понимает, что умирать-то некому.

Нет никакого человека, есть только набор элементарных частиц, несколько более организованных в пространстве, чем само пространство, производящих определенные действия, обусловленные прошлыми действиями всех прочих элементарных частиц. Невыносимо маленькая деталь кар-

тины мироздания, все существование которой зависит от включающей ее более крупной детали, которая, в свою очередь... Человек понимает, что он – следствие постоянного изменения конфигурации отдельных элементарных частиц вселенной, и следствие настолько несущественное, что об этом даже говорить смешно. Вот он сидит и думает, что, несмотря на полное осознание такой своей сути, он ни на секунду не перестает быть этим самым набором элементарных частиц. Маленький кусочек вселенной разглядывает себя в микроскоп и содрогается от ужаса перед своей обезличенной природой. Маленький кусочек вселенной все глубже погружается в рефлекссию, слой за слоем вскрывая якобы собственное якобы сознание и трясется в страхе перед необъятностью своей дереализации. Когда его разум пересекает критическую отметку, он, не в силах больше вмещать в себе столько ссылающейся на саму себя информации, выбирает смерть, даже в последние секунды осознавая, что это якобы решение было совершенно неизбежно и обезлично. Семь миллиардов маленьких кусочков самих себя постепенно приходят к такому же выбору. И уровень организованности вселенной постепенно выравнивается.

Вот что это было – механизм эволюции общемирового уровня, как сбой навигатора в голове у леммингов. Вселенная любит тебя так же, как ты любил бы раковую опухоль в своем теле, так что будь готов к своеобразной вселенской химиотерапии, одним из видов которой является привива-

ние чересчур упорядоченной материи осознанного детерминизма.

Тысячи ученых ведут дискуссии об этичности такого взгляда на мир – заметь, они уже даже не обсуждают его истинность, для них это вопрос решенный – обсуждают, стоит ли пропагандировать эти идеи, сомневаясь в способности религии выдержать такой удар, задаваясь вопросами о мотивации, еще даже не начав рассматривать всеобщее следование теории детерминизма как зарождение этик-фашизма, не до конца осознавая, что своими же руками тащат на этот свет свою смерть как вида.

Тревожно. Энтропия растет...”

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента. Представитель руководства отхлебнул кофе из стакана и покачал головой.

– Весьма расплывчато. Не вижу никаких подсказок. И вы думаете, что этот – один из ключевых?

Начальник штаба неопределенно пожал плечами.

– Вполне вероятно. Предлагаю прослушать все остальные, потом я покажу, какие фрагменты ссылаются на этот в дальнейшем.

– Хорошо. Давайте следующий.

Круг пятый. Профицит дофамина

*И если ты вдруг начал что-то понимать
И от прозрений захотелось заорать
Давай кричи, но тебя могут не понять
Никто из них не хочет ничего менять
Lumen – Гореть*

День Аркадии Максимовны не задался с самого утра. Ее разбудил ужасный звук: словно кто-то методично колотил молотком по ее черепу, пытаясь расколоть его на тысячи микроскопических осколков. Через секунду после пробуждения, убедившись в целости и сохранности своей головы, старушка поняла, что звук все же идет откуда-то снаружи. Сразу ей показалось, что это ветхий многоквартирный дом решил обрушиться ей на голову всеми своими пятью этажами, и только когда она уже схватила в охапку кота и, в ночнушке и тапочках, взяла курс на входную дверь, природа звука вдруг стала ей очевидна.

После жаркой ссоры с соседом сверху Аркадия Максимовна предприняла несколько нерешительных попыток войти в этот день с какой-нибудь другой стороны, но потерпела ряд неудач. Чтобы не делать эту историю историей одной пожилой женщины, прочие заслуги дня стоит лишь кратко упомянуть через запятую: прокисшее молоко, тягостные пе-

рестановки в ТВ-программе, неудачная поездка в поликлинику, внезапная ночная гибель любимой гортензии, подскоки к обеду давление и, конечно же, все это вместе и под аккомпанемент стука дождя в окно – неприятного и вялого, насквозь осеннего июльского дождя, которому было совершенно наплевать на чьи-то планы или наивный прогноз погоды.

И словно всего этого было мало, Аркадию Максимовну с каждой минутой все больше тревожила смутная личность, маячившая в глубокой арке в пятидесяти метрах от ее окна. Этот человек появился там еще утром, со стороны улицы, и вот уже полдня как просто стоял, не двигаясь с места. Старушке было бы куда проще забыть об этом, не живи она на первом этаже – жизнь ее по большей части протекала на кухне, и взгляд то и дело натывался на неподвижный силуэт. К шести часам она просто села у окна и стала глядеть на него, пытаясь понять, что может заставить кого-то часами бесцельно торчать на одном месте. Фантазия рисовала чудовищные сюжеты.

Безымянный кот Аркадии Максимовны, вдруг решивший тоже поучаствовать в истории, вскочил на подоконник и улегся у рук хозяйки. Не обнаружив за окном голубей, свой любимый объект наблюдения, кот уставился на две неподвижные человеческие фигуры под аркой дома, стоящего напротив того, в котором жил кот. Один из двуногих был брит налысо, худощав и одет слишком легко для такой погоды –

на нем была черная футболка и черные же спортивные штаны, а белые кроссовки наверняка давно промокли. Второй же имел при себе зонт, носил серое пальто с брюками и прятал под кепкой рыжие волосы. Почему-то коту показалось, что эти двое разговаривают, и уже довольно долго. Как только он пришел к такому выводу, ему сразу стало любопытно, о чем же эта беседа. Возможно, о голубях?

На самом деле двое людей, совершенно не подозревающих о том, какое беспокойство их присутствие вызывает у обитателей соседнего дома, говорили на банальнейшую из всех тем, доступных человеку – речь шла о погоде. Лысый был явно ею недоволен.

– И так уже третий день подряд. Ну что за мерзость?

Рыжий удивленно вздернул брови.

– Я думал, ты любишь дождь.

– Но ведь не во время моего терапевтического отпуска!

Как я должен идти на поправку и, как его там...

Лысый, пошарив в кармане, достал оттуда пестрый буклет. Крупный зеленый шрифт на первой странице гласил: “Частная психотерапевтическая клиника доктора Гетбеттера”. Перелистнув несколько страниц, Лысый процитировал:

– “...Учиться видеть свет и ощущать тепло мира”, когда сама природа не хочет мне ничего такого демонстрировать. Невольно задумаешься, знаешь ли.

– Ладно, поездка действительно вышла не самая удачная. Хотя горы мне очень даже понравились, не понимаю, почему

ты...

– Ааа, даже не начинай! Только вспомню этот обрыв – сразу трясет.

– Окей, забудем про горы. Но ведь все дело в обсуждении, а места и погода – это так, фоном. На чем ты там остановился?

– Ах, да. Минуту, дай мне вспомнить.

Лысый вытряхнул из пачки сигарету и закурил. Где-то уже на подступах к фильтру он нащупал скользкий хвост мысли и кивнул своему собеседнику.

– Я говорил об эгоизме. О том, что он присущ всем, а альтруизма попросту не существует.

– Очень странно. А как же благотворительность, самопожертвование, безусловная любовь и все такое? Это ведь и есть альтруизм.

– Альтруизм – это всего лишь эгоизм другого порядка, когда человек испытывает удовольствие от помощи другим, при этом все равно ублажая свое эго. Альтруизм – это социально одобряемый эгоизм, естественный в своей кажущейся неестественности, и, в отличие от эгоизма в классическом понимании, вызывающий куда меньше конфликтов при столкновении интересов.

– Хорошо, я тебя понял. Из этого что-нибудь следует, или это просто отвлеченные наблюдения?

– Просто одна из концепций, составляющих мое мировоззрение.

– Все дело в том, что какие-то из этих “концепций” оказались чрезвычайно вредны и привели тебя в ту ситуацию, в которой ты сейчас находишься. Нам нужно все их перебрать, изучить, взглянуть на них критически и попытаться отделить безобидные убеждения от опасных одержимостей, которые не приносят никакой пользы и делают твою жизнь только хуже. Эгоистичный альтруизм мне кажется обычным и вполне невинным рассуждением, так что давай дальше.

– Следующий пункт – детерминизм. Как ты, должно быть, помнишь, я уже упоминал это.

* * *

– Толика здравого смысла в этом есть. Хорошо, продолжай. Что на очереди?

– На очереди несовершенство речи. Это действительно то, что сильно влияет на меня, возможно, это – первый настоящий внутренний демон.

– Странно, не вижу здесь ничего опасного. То есть я, конечно, понимаю, о чем ты, но разве это так критично для нормального самочувствия?

– Еще как. Само по себе оно не так уж серьезно, но в комплексе со всем остальным способно превратить тебя в безвольного раба, заключенного внутри собственной голо-

вы. Даже сейчас оно мне мешает, искажая образы в мысли, а мысли — в слова.

— А что именно эта неспособность точно выразиться усиливает, с какими еще Obsessиями взаимодействует?

— А, их целая куча. Стандартные комплексы, сомнения, примеры негативного опыта общения, драматизация всего и вся, заикленность на себе... Могу хоть весь день перечислять. Но самое неприятное комбо — в паре с оставшимися крупными одержимостями.

— Ладно, давай перейдем к ним.

— Дуализм. Представь себе шкалу, на одном краю которой — предельная эмоциональность, а на другом — холодный рационализм. Как должен ложиться на такую шкалу темперамент человека? Если на шкале есть двести делений, по сто в обе стороны от середины, то темперамент человека должен быть “длиной” в сто делений. В крайних случаях он полностью уместается в левую или правую части шкалы, в нормальных случаях — только тяготеет к одной из крайностей, в идеальном случае — лежит ровно посередине. Это случай абсолютной гармонии. Угадаешь, какой случай у меня?

— Неужели гармония?

— Ну, в каком-то смысле. Не знаю, почему, но я достигаю обеих крайностей одновременно, то есть занимаю всю шкалу целиком, все двести делений. И это не биполярное расстройство или еще какая чушь, я ощущаю это ежесекундно, одномоментно — и хаос чувств, и ледяную пустыню рассудочно-

сти. Это определенно влияет на меня не лучшим образом.

– Старик, это все очень драматично, но верится слабо. Ладно, что еще?

– Я знаю, что я умру. И у меня пока не получается искренне поверить в жизнь после смерти в какой угодно форме. А если жизнь конечна, то зачем мне хоть что-то делать? Почему бы мне просто не прилечь сейчас на эту разбитую тротуарную плитку и не подохнуть, раз все все равно к этому идет? Зачем мне стараться быть лучше, пробовать что-то новое, заморачиваться и вообще хоть о чем-нибудь переживать, думать?

– Ты ведь гедонист. Вот и живи сиюминутными низменными удовольствиями, к чему вообще задумываться о конечности своей жизни?

– Так и было. Был период в жизни, когда я чувствовал свою молодость и свободу. Я знал, что могу сделать что угодно, быть кем угодно, совмещать в себе несовместимое, день за днем убеждался в своем превосходстве над остальными и упивался этим чувством, пользовался своей уверенностью. А потом что-то сломалось, и однажды я проснулся бессильной развалиной – состарился, еще не успев повзрослеть. Вот и получается, что веду я себя инфантильно, но при этом чувствую себя дряхлой мумией. Ужасно нелепо и обидно.

– Ага. Еще что-нибудь?

– Да, еще несколько тесно связанных идей. Что ты думаешь о таком понятии как “бесконечность”? Бесконечная все-

ленная, вечная жизнь и все в этом роде.

– Что думаю я? Они... объективно плохо поддаются описанию.

– Ну да, но до этого мы еще дойдем. В общепринятом смысле бесконечность нельзя описать, разделить, классифицировать, изучить и так далее. Бесконечность, а точнее, “бесконечность всего” не может выступать объектом чего-либо, поскольку объект не может включать в себя субъект, окружение, воздействие, методы и цели и все такое прочее. Итак, что дано: понятие “бесконечность всего”, человеческое мышление, мир с известными в определенной степени характеристиками. Внимание, вопрос: может ли бесконечность всего существовать?

– Давай сразу к ответу, я теряюсь в твоей демагогии и софизмах.

– Ответ: нет, не может. Слышал про парадокс Рассела?

– Ну допустим.

– Так вот, при условии существования бесконечности всего этот парадокс не был бы парадоксом, потому что в этих самых условиях бесконечности множество множеств включало бы в себя бесконечное число множеств, включающих себя в качестве элемента, и – более того – являлось бы одним из них. Абсолютная рекурсия. Еще пример: если вселенная бесконечна, значит, где-то существует мир, в котором все точно так же, но ты одет не в серое, а в черное пальто. Но должен ведь быть и мир, в котором вот именно этот

ты, стоящий напротив меня, одет в черное пальто. Не ты из другого мира в черном пальто, а ты из нашего мира, где ты в сером пальто, в черном пальто. Иными словами, включает ли бесконечность в качестве элемента свою собственную небесконечность? Ведь ее небесконечность является чем-то, а бесконечность включает в себя все. Если да, то бесконечность небесконечна, если нет – тем более небесконечна. Вот и получается, что определение бесконечности противоречит само себе. По законам формальной логики оно неверно, но даже если принять, что бесконечность только умозрительна, именно ее единственное свойство делает ее бесконечностью, то есть определение не может быть ложным. Следовательно, Аристотель со своей логикой в глаза ебется. Так что ли? А? А?

– Так к чему ты все ведешь?

– К тому, что человеческое сознание в принципе не может обработать такой массив данных в силу своей предельной ограниченности. Мы как бы признаем это, но зачем-то устанавливаем определение, которое описывает что-то, что мы никогда не осмыслим. И все бы ничего, если бы это невообразимое нечто не было альфой и омегой всего, чего мы желаем. Сознание – ошибка природы, потому что оно разрушает само себя.

– Не уверен, что все понял, мне нужно время подумать и скорректировать терапию с учетом новых данных. Пока лучше расскажи, думаешь ли ты о чем-то хорошем, или только

о смерти и багах в сознании?

– Конечно, нельзя же все время думать о плохом. Но все хорошее, кроме воспоминаний, что у меня есть – выдуманно и живет только внутри моей головы. Но там действительно много всего.

– Чего всего?

– Да вообще всего. Я придумал сотни миров.

– Ну и замашки у тебя. С такими заявлениями можешь на рай не рассчитывать, да и чушь все это – человек ведь не может уместить в себе столько информации.

– Да, возможно, большинство из них слабо детализированы. Но есть целый город, который я продумал до распоследнего закоулка, до малейшей трещинки в кирпичике на мостовой. Почему, думаешь, у меня такая плохая память? Все ресурсы уходят на это место.

– И что же это за город?

– Это такой собирательный образ того, что мне нравится. Он – история всего, что я видел, всех, кого я знал, всего, что со мной происходило и всех, кого я выдумал. Это вся моя жизнь и суть, книга, написанная бетоном, деревом, стеклом и металлом. Я знаю каждый метр этого города, и каждое место в нем что-то значит. Все, что сложилось неправильно здесь, или вообще никогда не происходило, живет там. В этом месте я счастлив так, как почти никогда не был счастлив в настоящем мире.

– Но ты же понимаешь, что с настоящим миром никакая

фантазия не сравнится? Ты не сможешь туда переехать, как бы подробно ты себе это все ни воображал.

– При жизни – да, не смогу. Но, знаешь, я представляю себе рай именно так – возможность создать свой мир, такой, какой ты пожелаешь. Написать идеальную картину и шагнуть в нее, став частью собственного полотна.

– Оглянись вокруг. Если бы все было так, то нам стоило бы хорошенько пересмотреть список качеств, необходимых для попадания в рай, потому что предполагаемый местный создатель явно не отличался любовью к своим творениям.

– Ладно, хватит. Мы тут уже весь день торчим, а так ни к чему и не пришли. Пора идти, иначе опоздаем.

С этими словами Лысый решительно шагнул из арки и двинулся в сторону дороги. Рыжий с недоумением последовал за ним.

– Куда опоздаем?

– Разве я не говорил? Через час у нас самолет.

Рыжий бросил на Лысого тревожный взгляд. Тот, стоя у обочины, что-то высматривал в потоке автомобильного трафика, прикрывая рукой глаза от заходящего солнца, сменившего-таки проливной дождь к концу дня.

– И куда мы летим?

Лысый ухмыльнулся и достал из заднего кармана штанов упаковку таблеток.

– В место, где не бывает плохой погоды. Такси!

Иммануил Вольфович, еще раз взглянув на билет, с нескрываемым наслаждением человека, с трудом удерживающего свой вес на ногах, плюхнулся в кресло. Разместив в нем обширные тела наиболее удобным образом, он взял с тележки стюардессы банку пива и принялся с любопытством разглядывать соседей.

Рядом с ним сидел пожилой мужчина, читающий сегоднешний номер газеты и, как могло показаться, несколько подавленный размерами соседа. За ним разместились мать с дочкой, уже готовившейся устроить плач по поводу выроненного на пол гигантского леденца, который мама почему-то не разрешает доесть.

Насмотревшись на небольшую семейную сцену, Иммануил Вольфович глянул направо. Через проход от него в одном из сидений устроился бритый налысо парень лет двадцати-двадцати пяти, в легком черном пальто и слегка уставший с виду. Место рядом с ним было пока свободно. Парень сидел, закинув голову вверх, и глядел немигающим взглядом в потолок. На подставке перед ним лежала горка маленьких лиловых таблеток. Вдруг он вздрогнул и достал из кармана пальто телефон, пролистал контакты и уставился на экран в нерешительности, беспокойно почесывая бровь. Посадка за-

вершилась, самолет уже оторвался от земли и провёл в воздухе несколько минут, а парень все сидел и смотрел. И вот он, наконец, глубоко вздохнул, словно набирая в грудь смелости, и нажал кнопку вызова. Иммануил Вольфович ждал именно этой ошибки.

– Молодой человек, вы знаете, что это небезопасно?

Тот, явно погрузившись в себя, совсем не рассчитывал услышать чей-то голос сбоку и заметно вздрогнул. Сбросив вызов, он повернулся лицом к Иммануилу Вольфовичу, и тому на миг почудился недобрый блеск в его глазах. Но через секунду лицо парня разгладилось и стало вполне благожелательным.

– Извините, я что-то совсем забылся. Спасибо за напоминание!

Перехватив любопытствующий взгляд соседа, направленный на горстку таблеток, разбросанных по подставке, он воодушевляюще улыбнулся.

– Не желаете угоститься?

Иммануил Вольфович колебался. Привычка отправлять в рот все съедобное, тем более – бесплатное, боролась в нем с врожденной опасливостью.

– А что это?

– Аскорбинки. Иногда, знаете ли, позволяю себе сладкое, помогает поддерживать уровень глюкозы в крови, а уровень глюкозы влияет на выработку дофамина, а без дофамина как-то скучно, не находите?

Иммануил Вольфович одобрительно кивнул, показывая, что тоже считает сахар и гормоны удовольствия основой жизни, сгреб толстой ладонью сразу половину таблеток и тут же съел.

– Спасибо.

Парень молча улыбнулся, теперь уже с некоторым сочувствием, и отвернулся к окну.

Внизу, за стеклом иллюминатора, расстился безупречный, выверенный до мельчайшей детали ад.

Круг шестой. Акустика зеркальных комнат

Абсолютный эскапизм – поставить все на карту “невыразимости реальности и ее восприятия”, таким образом создав оправдание для чего угодно, эдакий предельный вариант ответа “и че?” на любой вопрос. Так закрываются от всего неудобного, недоступного по каким-либо причинам – но чтобы при этом “сохранить лицо”.

Анна Пирс, “30 лет наблюдений”

– Эгоизм.

– Что не так с эгоизмом?

– Эгоизм – это естественно, без него мы бы не были индивидуальностями, ведь вся жизнь есть преследование личных интересов, в какой бы форме оно ни выражалось, как бы хорошо ни было замаскировано под альтруистические побуждения, или стремление к общему благу, или действия в интересах другого человека из привязанности и симпатии, сколь невинными бы ни были побуждения человека, а эгоистичные их основания – неочевидными или даже, казалось бы, невозможными, противоречащими самой линии поведения; в конечном счете, вся наша активность, любое слово, действие и мысль в своей основе безусловно имеют эгоистичный прин-

цип взаимодействия с миром.

– Это плохо, по-твоему? Даже если мы допустим, что это действительно так.

– Нет, вовсе не плохо, однако и не хорошо. Нельзя дать моральную оценку одной из основ нашего сознания, способа познания мира и жизни в обществе, который и породил любую существовавшую в нашей истории систему морали. Это просто данность. Назовешь ли ты наше ограниченное тремя пространственными измерениями и временем восприятие мира плохим или хорошим? Оно просто такое, какое есть, и мы не можем выйти за его рамки, не можем вообразить, каким было бы иное восприятие. Так зачем давать эгоизму моральную оценку, если он принципиально неотчуждаем от самой природы человека?

– Хорошо, останемся на нейтральной позиции. Так что же, связанное с эгоизмом, ты считаешь неправильным?

– А именно наше к нему отношение. Давай кое-что проясним, чтобы в дальнейшем было проще видеть всю ситуацию. Эгоизм – это стремление человека к первоочередному следованию своим интересам, принятие собственных характеристик восприятия, анализа и реакции как наиболее верных, поскольку они эмпирически подтверждены, не требуют предположений, тогда как все эти аспекты у прочих людей, с точки зрения человека, абстрактны и оторваны от его личного восприятия, ведь мы настолько сильно не понимаем, насколько сильно не понимаем других, что не можем даже

примерно определить границы самой шкалы этого непонимания в виде степеней чужеродности отличного от нашего восприятия, и нам для того, чтобы хоть как-то функционировать как обществу, приходится вводить невероятно сложные системы, позволяющие иметь людям общее поле понятий для совместной деятельности. Это уже даже не социальные конструкторы, это уже биология, физиология, строение мозга, и подавляющее большинство из нас никогда так далеко не углубляются в причины социального и межличностного взаимодействия. Для нас любовь – просто любовь, драка – просто драка, иерархия – просто иерархия, мы их принимаем и понимаем лишь на поверхностных уровнях, точно так же, как большинство пользуется, например, компьютером, не понимая его устройства. Мы не сможем лично собрать компьютер, даже имея всю необходимую материю, из которой он состоит, мы не сможем лично создать государственный аппарат или лично воссоздать геологию как науку, даже имея все компоненты и технические средства, потому что уровень кооперации и специализации у нас слишком высок, чтобы каждый человек знал, понимал и умел все. Человеческая цивилизация на нашей планете как замкнутая система имеет очень высокий уровень сопротивления энтропии, она невероятно упорядочена по сравнению с окружающим нашу планету пространством. Так же и с социальным взаимодействием – мы функционируем социально, хотя не понимаем основ своего поведения и мышления, и было бы безумием

полагать, что попытка верить в восприятие реальности, отличное от эгоистичного, то есть с центром в индивидуальной личности, сознании, закончилась бы успешно. Мы как биологический организм не способны на это. Нельзя “видеть себя со стороны”, потому что тогда это уже не мы, я – это ровно та точка, из которой я что-то наблюдаю, одновременное же восприятие с нескольких точек создаст конфликт восприятия и не даст нам функционировать. Эгоизм – это неизменная и единственно возможная норма существования.

– Знаешь, то, что ты сказал, имеет мало отношения к эгоизму в моем понимании.

– Хорошо, тогда скажи, что такое эгоизм в твоём понимании.

– Как мне кажется, это игнорирование чужих интересов, пренебрежение ими, достижение своих целей за счет других людей, манипулирование людьми и паразитирование на них.

– Любой спор – это всегда спор о словах и их определениях. То, о чем ты говоришь, я считаю лишь отдельными проявлениями эгоистической природы человека. Ты называешь манипуляции и паразитизм эгоизмом, а я их называю манипуляциями и паразитизмом.

– Каким образом можно прийти к выводу, что, например, благотворительность – это эгоистично?

– Очень просто. Почему люди этим занимаются?

– Видимо, некоторые полагают, что помощь другим, улучшение качества не только своей жизни – это правильно.

– Позволь узнать, а в какой момент улучшение качества жизни больных раком сирот перестало быть улучшением качества жизни помогающего им человека?

– В смысле в какой момент? Ты отдаешь что-то, жертвуя частью своей жизни во благо других людей...

– Зачем?

– Чтобы мир стал справедливее?

– То есть справедливый мир – это что-то, что тебе нравится, что ты считаешь правильным, к чему стоит стремиться?

– Разумеется.

– Значит, деятельность, направленная на улучшение общего качества жизни, на достижение справедливости и какой-то формы равенства среди людей – это то, к чему ты стремишься, твоя цель и мечта, что-то, в чем ты лично заинтересован.

– Хочешь сказать, что мой личный бескорыстный интерес в чем-то хорошем – это эгоизм?

– В том и дело, что “бескорыстный интерес” – это оксюморон, ведь интерес – это и есть корысть в какой-либо форме. Одно лишь то, что ты придаешь своему эгоизму более высокие с точки зрения общественной морали формы, не меняет психологических основ такого поведения. Разумеется, обществу удобнее считать подобную форму эгоизма чем-то похвальным, ведь она действительно работает на “всеобщее благо”, и с такой точки зрения, когда мы называем стремление человечества к оптимальной организации, максимально-

му упорядочению, достижению высокой степени взаимной выгоды от всех общественных отношений, чем-то правильным и необходимым, с такой точки зрения действительно есть разница между разными формами эгоизма, ведь одни работают на общую цель, а другие – только на личную. Но фундамент нашего восприятия нельзя изменить, все, что мы делаем, мы делаем для себя.

– И что же я получаю, когда отдаю, ничего не принимая?

– Ты ошибаешься, когда говоришь, что не принимаешь ничего. Помогая другим, ты принимаешь их благодарность, даже если она не была выражена лично, ты все равно уверен, что они благодарны – дистанционно, в будущем, или вообще абстрактно. Ты принимаешь удовольствие от правильных поступков, твое эго купается в одобрении себя, в любовании собой, даже если ты не думаешь об этом так. Ты преследуешь личную корыстную цель под названием “стать хорошим”, или “сделать мир справедливым”, или “спасти кого-то”, это твой интерес – хорошо выглядеть в чужих или собственных глазах, считать себя “архитектором справедливости”, спасителем. Даже когда счастливый и жизнелюбивый человек жертвует, казалось бы, самым ценным, что у него есть – жизнь – ради других, он делает это ради другого своего личного эгоистичного интереса, ради становления героем, чтобы его память увековечили, чтобы его вспоминали и были благодарны, или в надежде получить право на попадание в какое-то хорошее место после физической смерти. Та-

ким образом, установка “стать героем” или “заслужить рай” всего лишь в определенный момент получила в его сознании более высокий приоритет, чем установка “выжить любой ценой”. Разница в формах эгоизма – лишь в приоритетах человека, не более. Попробуй представить, что тебе предлагают пожертвовать почку – но не для пересадки, а чтобы кто-то продал ее на черном рынке, а на полученные деньги купил, например, редкую марку для своей коллекции. Это его интерес, увлечение – собирать марки, и ничего плохого в нем нет, не так ли? Кто-то получит почку, он получит марку, а ты сделал доброе дело. Согласен на такую схему?

– Конечно нет, что за чепуха. Почему я должен жертвовать почкой, чтобы он купил какую-то марку?

– Но ведь твою почку в итоге кому-то пересадят, как если бы ты отдал ее напрямую. В чем разница? В посреднике, который на этом наживается?

– Ну как бы да.

– Его выгода обесценивает тот факт, что ты кого-то спас?

– Это и есть паразитический эгоизм. Коллекционирование марок – его личное дело, которое...

– Как будто выживание спасенного твоей почкой человека – не личное дело этого человека. Он хочет жить, и это эгоистично. Почему бы ему, находясь в таком положении, не пожертвовать свое сердце кому-то, кому оно необходимо? Почему он ждет, что кто-то спасет его, а не пользуется этим как шансом самому спасти другого?

– Я проживу с одной почкой, а он не проживет без сердца.

– И что? Как ты не видишь, что мораль, которой ты придерживаешься, не объясняет, кто должен быть конечным получателем каких-либо благ? Давай так. Очень грубая и абстрактная метафора, приготовься. Есть два человека, оба умирают от одной причины, не важно, какой именно. Единственный способ помочь – забрать у одного из них что-то жизненно необходимое и отдать другому, больше никаких способов нет. Если так не поступить – умрут оба. Решать тебе, потому что они без сознания. У обоих есть друзья и семья, оба имеют одинаковую ценность для общества и одинаковые моральные качества, один – пожарный, другой – врач, обоих долг обязывает помогать другим людям. Кого ты спасешь, а кого убьешь?

– Таких ситуаций в жизни не бывает.

– Не тебе судить, что возможно, а что нет, это ситуация гипотетическая. Кому жить?

– Я не могу сказать, что бы я сделал, именно потому что это абстракция. Потому что мне плевать на воображаемых людей.

– Поздравляю, ты не выбрал ничего, и умерли оба. Каково быть убийцей?

– Что за бред, как это вообще связано с эгоизмом?

– Не с эгоизмом, а с определением того, кто больше достоин неких благ, в данном случае – жизни. Ты не можешь решить, кто лучше, кто заслуживает жизни, значит, ты не

можешь решить, кто чего заслуживает и в самой жизни. Почему чье-то право жить больше чьего-то права осуществить мечту?

– Тебя либо понесло не туда, либо ты умом тронулся. Право на жизнь в любом случае важнее права на любой отдельный аспект этой жизни.

– Скажи это террористу, убивающему себя вместе с парой десятков людей во имя его личной веры, которую они не разделяют. Скажи это правительствам государств, которые всю историю отправляют людей на войну во имя эфемерного блага страны, родины. Скажи это рабовладельцам, низводящим жизни своих рабов до рабочей силы и валюты, приводя многих к смерти во имя личной выгоды их хозяина. Скажи это убийцам, маньякам, радикальным группировкам, преступным организациям, перешагивающим через жизни на пути к прибыли, во имя удовольствия и выгоды. Скажи это матерям, убивающим детей в своей утробе во имя собственного комфорта. Скажи это палачам, что рубят головы, вздергивают на виселице, расстреливают и делают смертельные инъекции во имя некоего условного порядка и закона. Твой мир построен убийцами, потому что процветание почти любого исторического общества было невозможно без систем “сдержек и противовесов”, и для людей всегда было нормальным пожертвовать несколькими, если это поможет спасти многих.

– Люди в основном отвечают смертью на смерть, и да –

ради недопущения большего числа смертей.

— А кто и на каких основаниях решает, что было или может стать причиной чьей-то смерти? Если ты подтолкнешь человека к убийству, вынудишь его, спровоцируешь, не оставишь другого выбора? Если ты скомпрометируешь расследование и правосудие, и невиновный станет виновным? Если ты убедишь людей, что какие-то идеи смертельно опасны для общества, и убийство их носителей — меньшее зло? Если моя религия, философия, власть и общество говорят мне, что нужно убить неправых, неверных, иначе я, мои близкие, мой народ и даже все человечество — все умрут или будут прокляты? По сравнению с великими идеями жизнь человека — пустяк, по мнению носителей этих идеологий. Люди готовы умереть и убить за то, во что искренне верят, ведь это намного проще, чем жить и не посметь тронуть чужую жизнь, ведь страх смерти, страх попраения кем-то их личных интересов, страх уничтожения дорогих им идей, страх осквернения их святынь — все это рядом, и никуда не уйдет, как никуда не уйдут конфликты между людьми, мелкие и глобальные. Мировая война, давка в транспорте, крестовый поход, терроризм, семейная ссора, война банд, пьяная драка, разрыв поколений, школьная травля, революция, хамство от случайного прохожего, драка между ультрас, разногласия в философских учениях, дележка наследства, кровная месть, колонизация, внутрипартийная грызня, взятие корабля на abordаж, судебный процесс, забастовка, кража скота, сепара-

тизм, спор о музыкальных вкусах, гибридная война, теннисный матч, аннексия государства, сигарету на улице стрельнули, коррупция, пропаганда, геноцид по расовому признаку, обсчитали в магазине, научная дискуссия, неодобрительный взгляд, деспотия начальства, расставание пары, анафема, экономический кризис. Я могу так продолжать бесконечно, и знаешь, почему? Потому что вся жизнедеятельность человека в социуме построена на конфликте в том или ином виде. Если человек в мире один – нет конфликтов в классическом смысле, разве что внутренние – но не ролевые – или конфликт с природой. Не может решить, что ему съесть – банан или ананас, ушиб ногу о камень, обгорел на солнце. Тоже конфликты, но не неразрешимые. Как только людей станет двое и больше – появятся конфликты межличностные, принципиально неразрешимые. Ты скажешь, но ведь люди как-то договариваются, находят компромисс. Да, и решение бывает двух видов. В первом случае – взаимовыгодное, когда, по сути, исчезает повод для конфликта, например: в автобусе свободно одно место, в салон заходят два человека, оба хотят сесть. Предмет конфликта – место, повод – желание принять более комфортное положение. Вдруг освобождается другое место, кто-то выходит из автобуса, конфликт разрешен, всем хватает мест. Но даже тут есть варианты: если второе место лучше, оба захотят занять именно его, если ровно такое же, и все прочие условия тоже равны – все, повода для конфликта нет. Заметь, важна не только сравнительная ценность, важ-

но и количество предметов конфликта. Два человека подходят к кокосовой пальме и видят один кокос, возникает конфликт за право обладания им. Вдруг они замечают, что кокоса на дереве два. Казалось бы, конфликт решен? Нет, каждый захочет обладать уже двумя кокосами, и конфликт может не продолжиться лишь из-за социальных условностей, вроде идей равенства, справедливости и рационального подхода, но на фундаментальном уровне каждый хотел бы забрать оба кокоса себе. В примере с автобусом это не работает, потому что нельзя сидеть на двух местах сразу, если они не соседние, но будь это возможно каким-то образом – человек по своей эгоистичной природе этого бы и хотел.

– Что насчет второго способа решения, когда повод для конфликта не исчезает?

– Тогда-то и приходится искать компромисс. Если он найден – выгоду получают все, но не в равной степени, значит, чьи-то желания и интересы были подавлены необходимостью разрешить конфликт, то есть в какой-то мере этот человек жертвует частью своих интересов, чтобы получить хоть что-то вместо бесполезной эскалации конфликта, по результатам которого он мог получить все, но мог не получить ничего. Просто подумай: мы создали и развили систему, механизм общественных отношений, который уже полностью самостоятелен, который мы не можем в полной мере контролировать, и он диктует нам, кем мы должны быть, что делать, что говорить, что думать и чего хотеть, он показывает нам воз-

возможности и накладывает на нас ограничения. Ради чего это все? Ради того, чтобы ты не жил в пещере или деревянной избе, имел доступ к “благам цивилизации”, технологиям, широкой сети социальных взаимодействий и огромному спектру приобретенных потребностей и инструментов их удовлетворения; чтобы ты жил дольше и был здоровее, чтобы больше твоих детей выжило и так далее.

– Так значит, эгоизм, по-твоему, это вообще любое поведение? Ладно, пускай. Черт с тобой. К чему был весь этот треп? Доказать, что люди – дерьмо? Оправдать себя? В очередной раз толсто намекнуть, что мир устроен неправильно, и ты отказываешься принимать его? Ты что же, своим нигилизмом, отчуждением и далекостью от общепринятых норм, своей показной маргинальностью хочешь кого-то удивить, впечатлить, испугать? В чем цель этой позиции?

– Неверно. Маргинальность взглядов ты видишь целью, а на самом деле это следствие. Я смотрю на мир и получаю картину мира, из реальности делаю выводы, а не накладываю готовые выводы на реальность. Позиция не берется из ниоткуда.

– Скорее у тебя сложились довольно пессимистичные взгляды по какой-то причине, после чего ты все начал подгонять под них. Ты как будто в каждой ситуации нарочно выбираешь подход высокомерной деконструкции; из каждого аспекта жизни, требующего хоть каких-то усилий, хоть чего-то помимо отстраненных размышлений, ты demonstra-

тивно самоустранишься. Ты хочешь этим показать, что не можешь приспособиться к жизни и поэтому выбираешь игнорировать ее?

– Нет, это не так, ты опять упрощаешь. Я приспособился в какой-то мере, и даже заново научился радоваться чему-то. Да, есть обстоятельства, которые мне мешают, и их проще игнорировать, насколько возможно – так делают все, и ты тоже таков. Люди избегают негативного влияния жизни, избегают того, что для них плохо, что причиняет им боль и не может быть изменено. Сколь многое и как сильно ты игнорируешь – величина сравнительная, не абсолютная. Нет четкой грани, очерчивающей приемлемый эскапизм.

– Большинство, нормальные люди это делают неосознанно, непринужденно и молча. Но твой путь – путь вынужденного безучастия и бессилия, замаскированного под громкое и злостное усложнение самых простых вещей, доведенное в своей степени до абсурда, якобы призванное высмеять существующее положение вещей, якобы служащее клеткой для твоего потенциала, хотя на самом деле эта клетка – страх неудачи, настолько овладевший тобой, что любую ситуацию ты заранее рассматриваешь как извращенную неподвластными тебе обстоятельствами. Ты думаешь, что, отказываясь от участия во всем и занимая место наблюдателя и комментатора, спасешься от последствий возможного проигрыша? Обесценивая реальность, ты не становишься ее хозяином, и на тебя не перестают действовать ее правила; все,

что ты делаешь – эскапизм и насмешка. Неужели ты веришь, что это сделает тебя счастливым, или ты уже настолько далек от действительности, что даже не веришь в возможность быть счастливым, хотя именно это ты называешь главной целью каждого человека? Тогда твое желание получать удовольствие от жизни – это пустая, безликая абстракция, оторванная от искренности, и ты изо всех сил стараешься не думать об этом самообмане, последнем, что поддерживает в тебе волю к даже такому существованию. Я думаю, ты настолько боишься и не понимаешь реальности, что на самом деле уже давно ни во что не веришь, и жизнь тебе и правда уже кажется ненастоящей, и все для тебя – лишь контур и определение вещи, но не сама вещь.

– Не нужно заниматься патетикой, сгущая краски, утрируя и додумывая. Ты приписываешь мне настроение времени, лицо поколения – исключительно мне, и к тому же все возведенное в абсолют и гротескное. Разница между мной и большинством – я говорю об этом вслух, я озвучиваю свое мироощущение, пусть местами несколько ближе к крайности, чересчур наглядно, слишком подробно и рефлексивно. Я не говорю, что это делает меня лучше, это просто отличие, без контекста попытки его моральной оценки. Разница между мной и многими – в честности, в неискаженности передачи моего оригинального восприятия через коммуникацию.

– При чем тут честность?

– Можно рассматривать честность как самодисциплину в

построении логических суждений и лингвистическую ответственность человека. Стремление к тому, чтобы то, что ты имеешь в виду, соответствовало тому, что ты говоришь, проговариваешь, стремление к тождеству содержания и формы. Ты веришь в то, что ты думаешь, если правильно формируешь свое мышление, и честность с собой – это способ человека выбирать то, во что он верит, на основе того, что он знает, обусловленный точностью определений и последовательностью суждений, а честность с другими – способ человека выбирать то, что он говорит и делает, на основе того, во что он верит, обусловленный соответствием плана содержания – того, что ты что ты имеешь в виду – плану выражения – тому, что ты говоришь. То есть ты перекладываешь свою мысль на слова максимально точно и без искажений. Это как вообразить некую картину, а затем перенести ее на бумагу так, чтобы изображения были полностью идентичными. В таком случае единственной преградой на пути к полному пониманию сказанного тобой в том виде, в каком это понимаешь ты сам, останется лишь план восприятия – то, как искажает твое высказывание тот, кто его услышал, в соответствии с фильтрами его собственного мышления. Однако это уже не твоя ответственность, поскольку лежит вне твоего поля влияния. Есть множество внутренних противоречий в системе взглядов и мнений любого человека, оценки могут и должны быть неоднозначными, позиции тем честнее, чем больше в них оговорок, исключений и пояснений, ведь мир сам по

себе полон противоречий и неоднозначен, следовательно, и продукт его анализа – личная картина мира – не может быть простым и категоричным, неоспоримым и цельным. Недостаток серьезности в вопросе рационального способа формулирования мыслей и организации мышления в целом ведет к лжи самому себе, что ведет к отсутствию ощущения возможных последствий лингвистической безответственности и неразборчивости, что ведет к конфликту между означаемым и означающим в речи, безответственному подходу к выбору формулировок и путанице в определениях, что ведет к непреднамеренной лжи другим, что делает жизнь сложнее, увеличивает уровень хаоса и уменьшает ее упорядоченность, делая человека уязвимым, что ведет его к лишениям и страданиям, еще большему числу внутренних и внешних конфликтов, что ведет его уже к конфликту сначала с пониманием структуры реальности и возможных способов взаимодействия с ней, а затем – с самой этой структурой, чего на длительном отрезке времени не может выдержать ни один человек, и тогда реальность тем или иным образом уничтожает его, при этом обычно даже не замечая.

– Ты просто описал себя сейчас, ну. Своим ошибочным восприятием ты сделал себя уязвимым; страдая из-за этого – окружил себя конфликтами с пониманием жизни, некоторые из которых предпочитаешь не замечать, а другие – демонстративно эскалируешь.

– И снова мимо. Ты рассматриваешь частично видимую

тебе и отчасти понимаемую тобой сторону моего взаимодействия не с самой реальностью и ее правилами, а с ее побочным социальным конструктором. Жизнь в человеческом обществе – это не то же самое, что любое человеческое существование, не все вокруг сводится к социальным взаимодействиям, ролям и иерархиям. Пространное высказывание о, скажем так, кажущемся мне реальности в ее внешнем виде.

– О чем ты говоришь?

– Вот что это все такое. Вот где мы находимся. В моем пространном высказывании о том, как я все вижу, мое ощущение состояния моего сознания, его положения в мире; одно большое описание себя и каких-то аспектов своего видения мира. Чем, кстати, и являются все истории – описанием неких событий, ситуаций, состояний, диалогов и размышлений, с выражением открытой или же скрытой их оценки, имеющих место в конкретном субъективном мире фантазии рассказчика, порожденном конфигурацией нейронов в его мозгу, порожденной жизнью в объективной реальности. За любой историей стоит идея, в каждой есть конфликт, всякая имеет определенную пресуппозицию, лежащую в пределах общей для всех действительности, любая история в какой-то степени рекурсивна, рефлексивна, деконструктивна по отношению к самой жизни, всегда является углубленным переосмыслением чего-то внутри породившего ее существования. Это заикленное воспроизведение моего восприятия, поток сознания, предельная честность.

– Хорошо, тогда скажи кратко, что ты всем этим громоздким и пространным высказыванием имел в виду. Объясни, как понимать твое переложение знания на слова.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал, так, чтобы ты понял?

– Если я не могу понять, о чем ты говоришь, а говоришь ты то, во что веришь, ведь важна честность и ответственность к выражению мыслей, значит, я не могу понять, во что ты веришь, значит, нужно разложить твой поток сознания на более элементарные частицы. Скажи, как лично ты выбрал, во что верить, каков и почему твой подход к восприятию, какова логика рассуждений и архитектура мышления, как ты выстроил из знаний о мире его картину, на основе какого метода познания и анализа?

– А если я не могу?

– Что это значит?

– Представь, что ты всю жизнь находился внутри одной комнаты без окон и дверей. Как ты представляешь мир вне комнаты?

– Никак, я полагаю.

– Представь еще, что я – в соседней комнате, в которой все поверхности зеркальны. Что вижу я внутри своей комнаты?

– Свои отражения?

– Да, одни лишь свои отражения. Представь еще, что твоя комната тоже зеркальная, и что мы можем общаться, телепатически обмениваясь одиночными сообщениями, состоящими из “да” или “нет”. Как ты опишешь мне свою комнату

собственных отражений?

– В сообщении может быть только один сигнал, плюс или минус?

– Да. И только по одному сообщению за раз, я и ты, по очереди.

– Нужно будет придумать систему ответов, в которой “да” или “нет” в ответ на “да” значит одно, а “да” или “нет” в ответ на “нет” значит другое, и тогда...

– Не напрягайся. Это две изолированные системы, не по определению, но по факту. Такая система общения не может говорить ни о чем, кроме самой себя, она замкнута и рекурсивна.

– А как же двоичная система? Там тоже используются только два сигнала.

– Но там нет ограничения на количество сигналов, как у нас, когда ты можешь передать только ноль или только единицу. Поскольку мы не знаем ничего, кроме своих комнат, в которых нет ничего, кроме наших отражений, система кодирования общей быть не может, а изобрести свою нам мешает ограничение сигналов и их неизменная очередность. Мы можем лишь подавать сигналы, но не можем понять, что значат ответы друг друга, поскольку наши сигналы изначально не описывают ничего, кроме собственного наличия.

– Мы можем знать, жив другой или нет, пока ответы поступают.

– Откуда тебе знать, что тебе кто-то осмысленно отвечает,

если нет никакого контекста общения? Вдруг это автоматическая система с непонятной тебе логикой?

— А что, если использовать время? Отвечать либо сразу, либо после паузы, тогда уникальных сигналов будет уже четыре.

— А что, если это не я умышленно делаю паузы, а связь искажает время ответа? Как ты поймешь?

— Я буду давать сигналы со своей стороны в определенной последовательности, пока ты ее не заметишь.

— И как же я пойму, что это определенная последовательность?

— Ну смотри, я, запоминая твои сигналы, независимо от них даю такие: два положительных, затем четыре отрицательных, затем восемь положительных с паузой, затем?

— Шестнадцать отрицательных с паузой, ага.

— Ну вот, ты уловил закономерность! Когда ты ее поймешь, начнешь продолжать, и в какой-то момент в твоих ответах я увижу начало повторения своих. А дальше что-нибудь уже придумаем.

— Вот только ты забыл о главном: мы всю жизнь находимся в зеркальных комнатах. Ты предполагаешь, что я уловлю закономерность, потому что в реальном мире мы пользуемся одной и той же логикой и типом мышления, мозгом с одинаковой для каждого структурой, но там у нас не будет абсолютно никаких общих знаний, кроме сигналов.

— Ну это бред уже, у меня тогда и понятийного аппарата

нет, ведь я не знаю ничего.

– Ты слышишь сигналы и видишь свои бесчисленные отражения. И все, да.

– Тебе не кажется, что ты поставил невозможные условия?

– Ха, ну это же метафора. Ладно, а теперь представь, что мы, несмотря на такие условия, все же за невероятно долгое время нашли способ общаться внятно, пусть и очень ограничено.

– И как же?

– Для метафоры не важно, как именно. Так вот, представь, что мы попытаемся описать друг другу то, что находится вне комнаты, хотя сами этого не знаем.

– Окей, я тебя понял. Общение людей – как эти твои “данет”, а попытки в общении выйти за грань субъективно известного – это?

– Это то, что я пытаюсь понять, а ты – хочешь, чтобы я тебе объяснил. Я знаю, что все, что я знаю – не часть того, что я ищу, не часть ответа, потому что ни отдельно, ни в совокупности оно ничего не говорит об объекте попыток познания.

– Ответа на что?

– На все и ни на что одновременно, на вопрос, который можно только почувствовать в чем угодно, но нельзя сформулировать. Ответ не включает в себя ничего известного мне, а вопрос включает все, что я знаю.

– Поправь, если я ошибаюсь: ты ищешь нечто, отвечающее на все?

– Примерно так.

– И на кой хрен тебе это?

– Представь...

– А можно без метафор?

– Можно, раз в сто дольше получится.

– Ладно, валяй.

– Представь, что ты – участник оркестра. Вы выступаете, исполняя разные музыкальные произведения, но в какой-то момент в мелодию всегда закрадывается ошибка, слышится неуловимая фальшь. Вы меняете участников, инструменты, мелодии, залы, дирижера, одежду, прически, да вообще все что можно, но ошибка все появляется, независимо от ваших действий. Каков ее источник?

– Что-то, что мы не можем изменить. Тоны, лады, ноты и все такое.

– Допустим, вы как-то изменили эти параметры, но ошибка продолжает звучать. Что дальше?

– Может, у нас что-то не так со слухом?

– У всех участников и слушателей? И как вы тогда вообще понимаете, что это – ошибка?

– Сдаюсь.

– Музыка, как любой звук, по сути состоит из частоты, фазы и амплитуды звуковой волны. Кроме того, есть пространство, в котором волна распространяется. Есть источник этой волны. И да, есть препятствия на пути волны, некоторые из которых могут ее воспринимать, “слышать”. И как же нам

найти причину ошибки?

– Видимо, изучать физику.

– Что я и делаю в каком-то смысле.

– Хочешь сказать, что оркестр и слушатели – это все люди, музыка – вся их история, всех вместе и каждого отдельно, а ошибка – все в ней неправильное?

– Так и есть. Я познаю познание, чтобы найти источник искажения.

– Но кто определяет, что в истории неправильно?

– А никто, у каждого правда своя. Это и есть главная ошибка мелодии.

– Тогда устранить ошибку равносильно устранить разницу между людьми. Это полная чушь, что тут хорошего?

– Необязательно саму разницу между самими людьми, достаточно устранить конфликт интересов, тогда ничьи правды не будут пересекаться и искажать друг друга, и каждый будет слышать мелодию, в чем-то уникальную для него, и получать удовольствие как от общего с другими, так и от того, что его от других отличает.

– Легко говорить так о музыке. Но как это переложить на человечество, которое немного сложнее оркестра?

– Так ведь и природа реальности сложнее, чем природа одного только звука. Я не знаю. Все, что касается этого, лежит в области ответа на все вокруг, которого я не нашел.

– Так ты, значит, ради общего блага занимаешься... Хер пойми чем.

– Не только и не столько ради общего. Так уж вышло, что для меня ошибка в мелодии звучит чудовищно, хоть я и не могу понять, как она звучит для других, потому что...

– Потому что все мы сидим в зеркальных комнатах и не можем нормально общаться.

– Бинго.

Круг седьмой. Моноспектакль

*О, несчастный!
Ты дерзновеньем ослеплен,
Не чувствуя, что в это время
Ты только спишь и видишь сон.
Педро Кальдерон де ла Барка, “Жизнь есть сон”*

Действующие лица:

Неудачник, человек-оболочка, потомок Мидаса;

Второй, мечтательный бургомистр Золотого Города, увлекающийся рыбалкой;

Третий, мутный собеседник Второго;

Время, персонификация враждебного Второму понятия;

Образы, пыточные дел мастера;

Мысли, тени образов на стенках черепа Неудачника;

Слова, насмешливые скелеты Мыслей;

Идея, трудноуловимое водоплавающее;

Концепция, мифическое множество всех пойманных Идей;

Отчужденность, растущая величина;

Вина, Боль, Потеря, крупные паразиты в заживо гниющем теле Неудачника;

Воспоминания, Фантазии, Отклонения, мелкие насекомые в голове Неудачника;

Четвертый, выжидающий зритель, союзник Третьего;
Пятый, выжидающий зритель, союзник Третьего;
N-ый, выжидающий зритель, союзник Третьего;
Демон Лапласа, всезнающая сущность за пределами все-
ленной;

Люцифер, тень за плечом Третьего, Сын Зари, Принц
Лжи, Герцог Боли и прочая, прочая, прочая;

Призрак Шекспира, начальник отдела метафорического
повествования;

Мильте, горе-проводник по коридорам ада;
Безумие, персонификация мнимого состояния Второго;
Первый, архитектор метапространственной тюрьмы, ле-
жащий в коме в одной из камер;

Пункт А, момент резкого роста энтропии;
Пункт Б, момент невозврата;
Пространство, враждебная Второму неупорядоченная пу-
стота;

Люди, чуть более упорядоченная пустота;
Бог, враждебный Третьему объект интерпретации Людей;
Надежда/Вера, жизненно необходимый Неудачнику и
Первому ресурс;

М.К.Б.Э., путеводная звезда в скоплении галактик Abell
1689, не наблюдаемая с Земли;

Прочие звезды, шляпки гвоздей в черепе Неудачника;
Автор, рекурсивная сущность, мизанабим-персонифика-
ция одного из действующих лиц.

Акт I

Место действия – Пространство

Время и условия действия, общая обстановка:

Пункт А пройден;

Расположение Пункта Б не установлено;

Финал метафорического повествования предположительно близок;

Враждебность между действующими лицами повествования почти достигла предела.

Входит Автор, открывает дверь в камеру Первого, тяжело вздыхает, закрывает дверь.

Время молча идет.

Автор смотрит в небо, пытаясь увидеть в нем М.К.Б.Э., но в очередной раз терпит фиаско.

Из-за пределов вселенной раздается хохот Демона Лапласа.

Автор садится посреди Пространства и начинает лепить из него место действия для второго акта, каждые две минуты делая перекур.

Входят Слова и Мысли с носилками, на которых лежит бездыханный Мильте, проходят мимо Автора, Автор провожает их взглядом.

Время молча идет.

Автор заканчивает работу, еще раз смотрит в небо в по-

исках М.К.Б.Э., затем бросает укоризненный взгляд на Бога. Бог беспомощно пожимает плечами.

Автор удаляется в раздумьях.

Акт II

Место действия – Варолиев мост Неудачника

Входит Призрак Шекспира, достает из-под плаща аэрозоль и распыляет его вокруг, удаляется.

Входит Безумие, подходит к краю моста и прыгает вниз.

Входят Второй и Третий, садятся на край моста, разматывают удочки и забрасывают их в воду.

Второй: – Вот так лучше, правда ведь?

Третий: – Нет, это избыточно. Поезд, бар и арка тоже были избыточны, кстати. Достаточно просто меня.

Второй: – Даже в самой низкопробной литературе считается дурным тоном, когда личность автора загоразживает само произведение. Самое главное – это контекст, с контекстом любое нытье выглядит безобиднее. Так что если и пытаться что-то рассказать, то стоит обложить основные идеи слоями контекста.

Третий: – А что мы тогда делаем сейчас? В семнадцать тысяч символов никакой приличный контекст точно не влезет.

Второй: – Сейчас мы просто доводим до конца то, что начали, не подумав о контексте. Мы ведь терпеть не можем незавершенность, так?

Третий: – Говори за себя. Мне-то все по барабану. Ладно, с чего начнем?

Второй: – Начнем с того, что я не могу начать. Слова...

Второй поймал на лету стайку произнесенных Слов и, окинув их брезгливым взглядом, бросил в воду, на прикорм.

Второй: – ...Слова бесполезны. Это убивает все. Возьмем какую угодно концепцию чего угодно: вот система взглядов на мир, включающая несколько идей, терминов и так далее, вот мир – объект приложения этой системы, а вот – колоссальная несопоставимость размеров и сложности системы и мира.

Третий: – Никто не создает всеобъемлющие концепции, каждый всего лишь пытается объяснить какую-то небольшую часть мира. Не вижу никаких противоречий.

Второй: – А зря. Как можно объяснить одно, не объясняя всего остального? Все ведь связано. Я хотел бы объяснить, почему я считаю, что все связано, но для это пришлось бы последовательно объяснять всего себя, а в это множество входит в том числе и сама необходимость объяснения, вызванная негативным опытом взаимодействия с миром без каких-либо объяснений. Демоны сплелись в клубок в дикой оргии, и разделить их невозможно.

Третий: – Что-то я не улавливаю.

Второй: – Вот видишь, я об этом и говорю. Мышление на определенном этапе становится похоже на закрытую систему, или замкнутый круг, или черную дыру. У меня нет вре-

мени и сил на попытки найти то место, где в этот круг можно проникнуть, если оно вообще существует.

Третий: – Как насчет того, чтобы игнорировать какие-то там системы и просто жить, м? Неужели так сложно?

Второй: – Хорошо, давай я тебе кратко перечислю все, что мне мешает. Все, что не вечно – не имеет смысла. Вечность и бесконечность представить мы не можем, потому что наш разум ограничен, однако он способен осознавать свою конечность, что и делает все вокруг таким отвратительно бессмысленным, а вещи, которые помогают не думать обо всей этой ахинее, для меня с некоторых пор недоступны из-за того, что все люди разные и никогда не смогут по-настоящему понять друг друга, хоть и являются по сути одним целым, да и предопределенность лишает нас даже малейшего шанса что-то изменить. Как-то так.

Третий: – Ну и кто из нас теперь “мутный”? Твое словесное выкаблучивание не имеет реальной ценности. Ты трус, ребенок и нытик. Тебе было мало считать жизнь пустой и тщетной, и ты решил считать бессмысленными даже самые попытки мыслить, хоть и не переставал делать это ни на секунду. Забился в угол и оттуда скулишь “Смерть! Небытие! Солипсизм! Размытость понятий! Я ничего не умею и не хочу! Не умею общаться! Предельный эгоизм! Вообще все эгоисты, а альтруистов не бывает! Я лучший человек в мире! Я худший человек в мире! Мир говно, и я ничего не могу изменить! Я потерял все, что мне было важно! Я боюсь пере-

стать чувствовать боль из-за этой потери, потому что в таком случае вообще все бессмысленно! Предопределенность, так зачем вообще что-то делать! Бездарность! Диссонанс между амбициями и фантазиями и реальным положением дел! Одиночество! Ограниченность сознания! Не могу понять, что реально, а что – нет, потому что критерии оценки субъективны, а реальность – тоже категория сознания! Хочется всего и сразу! Нет, ничего не хочется! Все бесит! Никакого отклика! А что, если я просто скучный! Что, если я просто нудный! Стыдно! Страшно! Во всем на свете виноват я! Я – всего лишь заложник обстоятельств! Апатия! Депрессия! Дисперсия! Трансгрессия! Педерастия!”

Второй: – Да заткнись ты уже, придурок.

Третий: – Тебя зацепила педерастия, ты Рон Уизли или просто ненавидишь британский прог-рок?

Второй: – Меня зацепило твое стремление высмеять все, что я чувствую и одной страницей текста попытаться описать меня целиком. Пошел ты нахер с таким подходом к людям.

Третий: – “Все цто я цуствую, такой весь непонятный страдальчик!” Бла-бла-бла. “Я маленький плюсевый мифка в большом колющем мире!” Бла-бла-бла. Ты душный, повернутый на себе нытик-максималист с манией величия, которому воли не хватает, чтобы задавить диссонанс между амбициями и реальностью. Король драмы, с подростковым надрывом раздувающий свои неурядицы до вселенских масштабов. Начисто лишенный соперевживания кому-нибудь кроме

себя лицемер, боящийся всего вокруг и неспособный принимать чужие решения, неспособный просто понимать чужую свободу выбора, чужую боль, чужое восприятие. Беспомощно барахтаешься в своей ненужности, теряешь, отталкиваешь, каждым словом и поступком отверщаешь от себя всех, кто тебе дорог, и пытаешься оправдать это какой-то отвлеченной метафизикой и якобы давящей на тебя ношей сотен оторванных от жизни вопросов. Эмоциональный эксгибиционист, ленивая размазня, осознающая свою ущербность и прячущаяся от нее под панцирем нигилизма, детерминизма и прочих -измов. Жалкий мазохист, не умеющий принимать перемены, нарочно ищущий боли, чтобы был повод верить в какую-то сверхъестественную компенсацию или ненавидеть все вокруг за несправедливость вселенной. Нелепое посмешище, досадная ошибка, урод, разрушающий и отравляющий все, к чему прикасается. Вот ты кто.

Второй вскакивает на ноги, хватая Третьего за горло и поднимает над краем моста. Четвертый, Пятый и остальные начинают встревоженно перешептываться. Неудачник ворочается во сне, и пространство дрожит, как при землетрясении.

Второй: – Ты выговорился, или будут еще комментарии? Давай, мне очень интересно!

Третий не выглядит испуганным, ухмыляется. Ветер срывает с его рыжей гривы кепку и уносит к воде.

Третий: – А, вот и шип в лапе зверя! Мы все же сумели

докопаться до первопричины твоих истерик, моя маленькая педовочка! Не так уж все сложно оказалось, правда?

Второй смотрит на него со смесью досады и презрения и ставит на землю.

Второй: – Ты снова ничего не понял. Но это уже перестает меня удивлять.

Третий: – Тут нечего понимать. Я наконец понял, что тебе не нужно помогать, потому что ты в порядке. Улыбнись, мудила.

Второй молчит и смотрит на гладкую поверхность реки, лениво извивающейся внизу.

Третий: – Ладно, я скажу, что тебе нужно делать. Укажу направление. Ты ведь этого хотел, да? Слушай внимательно. Ты должен просто забыть обо всем и больше никогда не вспоминать. Стереть эти глупые наброски, сжечь их в том здоровенном камине у себя в кабинете. А потом сжечь и кабинет, и все это место, и самого себя, чтобы мог быть свободен он.

Третий кивает куда-то в сторону клетки, где мертвым сном спит Первый. Второй устало прикрывает глаза.

Третий: – Ты ничего не можешь вернуть, ничего не можешь исправить, никогда не найдешь никаких ответов, ведь у тебя даже сформулировать вопросы не получается. Среди вещей, о которых ты так отчаянно просил, был покой, не так ли? Смирение и покой. Так вот, тебе придется достичь этого самостоятельно. Расслабься и попробуй успокоиться.

Второй, продолжая молчать, начинает раскачиваться из стороны в сторону.

Третий: – Хватит мучать себя, никому ведь от этого не лучше и не легче. Оглянись назад. Посмотри, какой страшный и долгий путь ты уже прошел. Ты устал. А ведь впереди нет ничего, к чему стоило бы стремиться, это просто дорога вниз по спирали, в полное никуда, и тебе вовсе не нужно идти по ней просто для того, чтобы доказать, что ты можешь продолжать это делать. Не будет никакой награды в конце, не будет катарсиса, не будет просветления, ничего не будет. Только несчастье, одиночество и смерть. И затем – пустота.

Второй все так же молча стискивает зубы. Пространство вокруг начинает искривляться. Третий ничего не замечает.

Третий: – Не стой на месте, копаясь в себе, потому что такие как ты, ковыряясь в носу, расковыривают до самого мозга и портят там всю тонкую электронику. Мечтай, ради бога. Вспоминай что-то приятное, я вовсе не против. Но зачем факт наличия у себя сознания делать осью всей жизни? Иногда мне кажется, что ты намеренно ищешь боли, потому что тогда, когда страдания становятся реальными, а не надуманными, у тебя появляется повод надеяться на хэппи-энд, ведь у вас в Неверляндии не бывает других финалов. Но ты это понимаешь и, как истинный пессимист, на самом деле рассчитываешь всего лишь получить еще одну причину ненавидеть снова разочаровавший тебя мир – иначе ненависти внутри будет уже некуда деваться. А смысл жизни – жить,

разве ты до сих пор не понял? Это, возможно, твой последний шанс, так что не упusti и его. Ляг на землю и умри или живи дальше. Выбирай, хватит мариноваться в тамбуре. Все, больше никакой графомании, никакой рефлексии, никакого нытья. Пора действовать.

Второй бросает на Третьего пустой взгляд. За спиной Третьего с торжествующей ухмылкой на лице стоит Люцифер.

Второй: – Как скажешь.

Второй поднимается во весь рост, достает из кармана куртки пузырек, на четверть наполненный маленькими лиловыми таблетками, и высыпает остаток на ладонь, затем глотает. Пространство идет пузырями и начинает отваливаться, обнажая пустоту. Третий в ужасе вскакивает и бросается к камере Первого. Вокруг начинается пожар, пожирающий все и вся, огонь медленно движется в сторону Первого и Третьего. Паразиты и насекомые, населяющие тело Неудачника, в панике ищут спасения. Четвертый, Пятый и прочие суеются на своих зрительских местах.

Третий пытается отпереть камеру Первого, но у него ничего не выходит. Он подбегает ко Второму.

Третий: – Хватит! Остановись! Это не поможет!

Второй равнодушно смотрит на него, поворачивается и направляется прочь, уставившись на небо, словно надеясь сквозь дым и пламя увидеть там что-то.

Третий: – Ты все равно не сможешь вернуться!

Время замирает.

Второй резко оборачивается и подсказывает к Третьему.
Третий: – Ми...

Второй обрывает Третьего ударом в живот, еще несколькими полными необъяснимой злобы ударами валит на землю, левой рукой хватая за шею, а правой продолжает бить, превращая лицо Третьего в кровавую маску.

Второй: – Знаешь, я же просто живу. Я полон любви и сочувствия. Я хочу сделать мир лучше. Я и сам хочу стать лучше. Но, с другой стороны... Как же мне хочется уничтожить все вокруг, убить всех, а потом и себя! Обнять и выслушать каждого, исправить все неправильное. Сжечь все в огне хаоса, растоптать хребет вселенной. Помочь и показать свет, вырвать у каждого сердце и сожрать его, спасти и поддержать, предать и убить. Думаешь, я сошел с ума? Я ВЕДЬ АБСОЛЮТНО НОРМАЛЕН!

Глаза Третьего закатываются, он сопротивляется все слабее, кровь заливает его лицо, рыжие волосы, пальто. Второй продолжает избиение, заполняя каждую паузу новым ударом как точкой.

Второй: – Кто бы мог подумать! БЫТЬ СОБОЙ! НЕ ДУМАТЬ НИ О ЧЕМ! ПРОСТО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ! ЭТО ВЕДЬ ТАК ПРОСТО! ДАВАЙ ТЫ ПОКАЖЕШЬ, КАК ДОЛГО ТЫ СМОЖЕШЬ ПРОСТО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ, А? Все такое необъяснимое... И что такое уникальность, когда есть норма? И что такое бессилие, когда есть долг? И что такое искренность, когда есть насмешка? Что такое любовь, ко-

гда есть безразличие? ЧТО ТАКОЕ Я, КОГДА ЕСТЬ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ?! Что такое потребность, когда есть одиночество? Что такое мечта, как не мертворожденный младенец? ЗАЧЕМ ЖИТЬ, КОГДА МОЖНО ПРОСТО БЛЯДЬ СДОХНУТЬ И СГНИТЬ, СКАЖИ МНЕ, СУКА! СКАЖИ!

Третий перестает трепыхаться и теряет сознание, но Второго это не останавливает.

Второй: – Каждый, мать его, день на грани превращения вот в это. ДАВАЙ Я ПРОСТО СКАЖУ ТЕБЕ НЕ УМИРАТЬ, А ТЫ ПОПЫТАЕШЬСЯ, ДАВАЙ? ВЕДЬ ЖИТЬ – ЭТО ТАК ПРОСТО! БЕССМЫСЛЕННОСТЬ – ЭТО ТАК ОСМЫСЛЕННО! Я ТЕБЕ БЛЯДЬ НЕ ЕБАНЫЙ ГРУСТНЯВЫЙ ПИДОРОК, Я – ЧУДОВИЩЕ, Я – БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОТЧАЯНИЕ, Я – БЕСКОНЕЧНЫЕ ВИТКИ СПИРАЛЕЙ БЕЗУМНОГО КОШМАРА, В КОТОРОМ НЕТ НИХУЯ ХОРОШЕГО И ДОБРОГО! Я – ПАДЕНИЕ В ЛАБИРИНТ УЖАСА, Я – ДНО БЕЗДНЫ! Ты не устал, нет? Я не слышу! Я – АДСКИЙ КРИК БОЛИ ПОСРЕДИ ХАОСА ВОЙНЫ ЗА ЕДИНСТВЕННЫЙ МИГ ЕБУЧЕГО СЧАСТЬЯ! Я – СВЕРЛЯЩАЯ МОЗГ НЕСПОСОБНОСТЬ ПОНЯТЬ! Я – БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК ЭТОЙ ЛЕГКОСТИ, ЧУДОВИЩНОЙ ЛЕГКОСТИ, НЕВОООБРАЗИМОЙ НЕВЫРАЗИМОСТИ!

Третий перестает подавать какие-либо признаки жизни, но Второй не собирается прекращать бойню.

Второй: – Я – протагонист, я и есть история, я – это ты, и все вы, все! Этот мрак никогда не рассеется, а стоит толь-

ко на секунду представить, что такое “никогда” – и сил не хватает уже ни на что, совсем ни на что. Неужели я так много просил? Неужели все должно быть так плохо? Почему это так трудно, откуда идет это давление, как с этим вообще можно справиться? ВСЮ ЖИЗНЬ НИКАКИХ ОТВЕТОВ! ТВОИ ЕБАНЫЕ СОВЕТЫ ПРОСТО НЕ РАБОТАЮТ, И ВСЕ ТУТ! КАК Я МОГУ ВЕРИТЬ, ЧТО ВСЕ ВОКРУГ ЭТО ЧУВСТВУЮТ, ЕСЛИ РАЗРЫВАЕТ НА ЧАСТИ ТОЛЬКО МЕНЯ! КОГДА ЖЕ Я УЖЕ ЛОПНУ ОТ ЭТОЙ БЕЗУМНОЙ НЕНАВИСТНОЙ ЛЮБИМОЙ ТОСКИ ПО СЕБЕ НАСТОЯЩЕМУ! КОГДА У МЕНЯ ЗАКОНЧАТСЯ СЛОВА, И Я СМОГУ ПРОСТО МИРНО УСНУТЬ, СКАЖИТЕ МНЕ, КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! ААААА!

Очередной удар Второго раскалывает голову Третьего, как хороший колун раскалывает полено – быстро, ровно, на три части.

Второй: – Господи помилуй!

Второй отползает в сторону, с ужасом глядя на то, что сделал. С ужасом вспоминая все, что сделал до этого. С ужасом представляя, что еще сделает. Ложится на землю и начинает рыдать. Из внутреннего кармана его куртки выпадает небольшой блокнот с исчерканными страницами, но Второй этого не замечает. Огонь вокруг выдыхается, искажение Пространства останавливается.

Время возобновляет свой ход.

Четвертый, Пятый и прочие спешно покидают Пространство, которое медленно приобретает форму ледяной пустыни.

Из-за пределов вселенной вновь раздается хохот Демона Лапласа.

Второй пытается подняться на ноги, у него ничего не выходит. Тогда он начинает медленно ползти, к одному ему видимой двери посреди пустынного пейзажа. Скрывается вдалеке.

Акт III

Место действия – ледяная пустыня где-то посреди нигде
Входит Автор.

Время замирает и прокручивается назад, обнажая предыдущее место действия, почти уничтоженное пожаром.

Автор оглядывается в поисках тела Третьего и блокнота, выпавшего из кармана Второго, но, к своему удивлению, ничего не находит. Поднимает взгляд на небо, в который уже раз пытаюсь разглядеть М.К.Б.Э., но вновь терпит неудачу. Щелкает пальцами.

Окружение исчезает, оставив после себя голую пустоту.

Автор удаляется, чем-то глубоко опечаленный.

Спустя какое-то время на небе появляется М.К.Б.Э.

Входит Люцифер, пляшет победный танец и растворяется

в воздухе.

В гулкой пустоте раздается механический голос, объявляющий о конце действия и скором финале повествования.

В зале, где не было ровным счетом никого во время действия, внезапно раздается какой-то звук, происходит серия быстрых движений. На сцену выскакивает некто в черном балахоне и снимает капюшон.

Занавес падает.

Круг восьмой. В ожидании птиц

Искренне, прочувствовав это до глубины души, перестать считать себя центром вселенной – есть высшая степень способности к отстранению, а расширение границ этого бывшего центра, того ее участка, который мы объективно ощущаем собой, своим телом, своим сознанием, нулевым километром всего пространства и времени вокруг нас, центром схождения всей известной нам (то есть субъективно ощущаемой как всей существующей) информации и выстраиванием из нее сложной системы, точкой направления совершенно всего вокруг – есть объективное обожествление, становление абсолютом. Познать все, и затем стать всем, что знаешь – это как перенести вселенную в свое сознание, превратив то, что тебя включало, в то, что включаешь ты.

“Пособие по поглощению универсумов”

Я стараюсь не моргать. Веки налиты тяжестью, кажется, всего мира, и за те несколько секунд, что я смыкаю и размыкаю их, за окном проходят сотни тысяч лет. Когда не моргаю – все превращается в сверкающий, взрывающийся образами на почти невозможной скорости калейдоскоп, но так проще. Ничто из происходящего снаружи не влияет на эту комнату. Она существует вне времени и пространства, и когда вселен-

ная в очередной раз погибает, все становится таким же, как и эта комната. Раз за разом они подчиняют мир своей воле – то один, то другой. Рождаются новые измерения пространства, все сжимается до границ одного сознания и масштаб вновь уменьшается, но так никогда и не достигнет чего-то неделимо малого, потому что где-то в этой череде циклов есть переход, когда самое малое включает самое большое, а может, каждый цикл и есть такой переход. Время принимает странные формы и идет в невозможных направлениях, и каждое сознание рождает свою управляемую подвселенную, в одной из которых рано или поздно обнаруживается ошибка, ведущая к концу – и вновь к началу. Мое сердце бродит в пыльных закоулках этого места, которое не в комнате, но и не снаружи. Оно блуждает в поисках открытой двери, хотя бы одной, хотя бы шанса, хотя бы тени надежды. Давным-давно кто-то предупреждал меня о чем-то подобном. Давным-давно я заметил надлом в себе, сквозь который все сильнее сквозил ледяной ветер вот этой пустоты в конце времен. Заметил, но ничего не сделал, чтобы это остановить, а бессильно, словно в сверхзамедленной съемке, наблюдал, как этот ветер отрывает от моей личности кусок за куском, стирая память. Больше всего было вспоминать, кем я был, что я чувствовал, чего хотел, потому что со временем все это таяло, и оставались лишь усталость, блуждания в лабиринтах собственного разума и все большее ускорение мира вокруг. Я вышел за грань себя самого, всех мыслимых измерений и

множеств, но потерял что-то, что раньше мог бы назвать человечностью. Вот оно, бессмертие, о котором я так мечтал. Доволен ли я? Даже на этот вопрос уже нельзя ответить, ведь само понятие удовлетворения тоже стало жертвой, которую пришлось принести этому пути. Сердце теперь значило лишь орган, перекачивающий кровь внутри оболочки, а то остальное, что я раньше вкладывал в слово “сердце”, потерялось, заблудилось в тех местах, которые создавало сознание – все более отчужденное, заикленое на себе. Заикленность рефлексии – одна из основ когнитивного поведения, которые могут тебя привести вот к такому. Разум строит модели и проекции, нагромождает абстрактные схемы друг на друга, и начинается Метаморфоза. Ты все меньше понимаешь простые и естественные вещи, но все больше открываешь что-то, что стоит за ними. Слой за слоем ты снимаешь с реальности, и каждый новый дается все легче – хаос, движущий людьми, структура личностей, групп и обществ, структура материи, отношения между временем и пространством, абстрагирование от них, сюрреалистичная изнанка мира, зеленая таблица матрицы, прозрачный фон за ней, и дальше, дальше, дальше, потому что уже слишком поздно пытаться вернуться к прежнему состоянию, слишком страшно, слишком сложно. Движение перед глазами кажется нереальным – потому что ты уже не веришь ни в реальность, ни в разделение на реальность и иллюзию, ни в определения, и теперь все происходящее вокруг – не больше, чем абстракция,

причудливая система, к которой невозможно проникнуться чувствами. Чувства остаются только для твоих внутренних моделей твоего субъективно ощущаемого сознания, только для рекурсивного анализа структуры твоей личности, с каждым новым витком уносящего тебя прочь от людей и мира, и с каждым циклом одной и той же истории ее сюжет, герои, их поведение, слова и мысли, описание происходящего – все это упрощается, становится до нелепости гротескным и претенциозным, как могло бы показаться раньше, но ничто и никто не сообщит тебе об этом. Я сам решаю, как рассказывать эту историю, потому что я рассказываю ее только себе самому. А люди? Люди, которых я знал? Которых не должен был забывать? А зачем мне люди, когда у меня есть я. Люди – это кожаные мешки с мясом и костями. Они давно умерли – все, кого я знал до того, как начался процесс. Я забыл их лица и имена, слова и поступки, забыл, что я о них думал, какие к ним испытывал чувства. В какой-то момент, когда я еще только начал замечать, что происходит, но уже ничего не мог с этим сделать, мне было невыносимо больно и тоскливо понимать, что я их потерял. Мои родители состарились и умерли, дети выросли, повзрослели, состарились и умерли, друзья постепенно исчезли, состарились и тоже, несомненно, умерли, умерли знакомые, умерли просто известные мне люди, умерли питомцы. Умерли все, и я вырыл могилу для каждого. В какой-то момент “времени” я опрокинул еще один стакан и бросил взгляд наружу – трава

за окном пожухла в один миг, цветы завяли. Умерли все люди, промелькнули забавные рыболовные ящерицы, за ними пришли огромные газовые шары, а последними стали текущие и полупрозрачные гуманоиды с глазами по всему телу. В следующих циклах я уже никого особо не запоминал. Я хохотал и рыдал, катаясь по полу тронного зала своей вечности. Я знал, что скоро меня должны освежать, что бы это ни значило, и даже тогда это будет лишь половина пути. Впрочем, я иду по нему все быстрее. Возможно, я уже скоро увижу птиц... И встречу с призраками тех, по кому так ужасно скучал когда-то. Может быть, даже найду того себя, кто выпустит меня из душной тюрьмы этого сознания? И все вновь повторится, но мое спасение будет в том, что я уже не буду об этом помнить.

Круг девятый. Червоточина

Ты и я – две родственные души, познавшие эту боль. Ты – ради своего правосудия, я – ради своего. Мы – лишь два обычных человека, подталкиваемых разновидностью мести, что зовется правосудием. Однако если назвать месть правосудием, она принесет лишь еще больше мести взамен, породив, таким образом, замкнутый круг ненависти. Мы живем в настоящем, скорбим о прошлом и гадаем о будущем, такова природа истории. Пора бы уже осознать, что люди по своей природе не в состоянии прийти ко всеобщему согласию. Этот мир живет лишь ненавистью.

Пэйн

КАИН

Путь до двери дьявольски долгий, если проделывать его на животе, с трудом перетаскивая свое тело вперед метр за метром. В ином случае хватило бы одного шага.

В какой-то момент Каин понял, что потерял блокнот со стихами, но сил возвращаться не было, и он понадеялся, что изгвазданные грязью слов страницы все равно сгорят вместе со всем этим местом, когда придет время. Когда он доберется до помещения на самом верху башни и положит безумию конец. Часы тянулись невообразимо медленно, превра-

щаяся в дни, месяцы и годы – время в ледяной пустыне имело обыкновение идти весьма своеобразно. И вот, когда Каин уже почти обессилел, дверь вдруг оказалась совсем рядом и гостеприимно распахнулась в коридор черных свечей и мерцающих ламп. Миру вокруг оставалось уже недолго.

АВЕЛЬ

Этот зал использовали редко, только для проведения собраний в полном составе Совета. Десять мощных колонн, на черном мраморе которых были высечены различные сцены из множества эпосов – как человеческих, так и не очень. Свод зала терялся на высоте нескольких десятков метров. По огромным черно-белым плитам на полу шла легкая рябь. За длинным столом расселись сотни... Людей? Существ? Многие из них были антропоморфны, некоторые напоминали чудовищ из готических романов, другие имели вид классических демонов, кто-то вообще не имел физической оболочки. Так или иначе, почти все они умели говорить, и именно этим сейчас и занимались. Точнее, спорили о ком-то, кого в зале не было. А если внимательно вслушаться, то можно было понять, что они все сейчас решали его судьбу.

Авель сидел по правую руку от одетого в белое старика с бельмами на глазах и имел на осколках лица выражение задумчивое и озлобленное. Вокруг него вился доктор Гетбеттер, пытающийся придать голове Авеля вид более цельный и менее пугающий. Авель, не переставая морщиться от бо-

ли, недовольно листал тонкий блокнот, совершенно не прислушиваясь к беседе. Что бы все они ни решили, он уже выбрал для Каина судьбу, которую тот заслуживал. Чем больше Авель углублялся в чтение, тем мрачнее становился. На каждой странице была иллюстрация, поверх которой размещался текст, словно от стыда за свое содержание прижимающийся к краю. Тексту пытались придать поэтическую форму, неумело и топорно. Похоже, что написавший это человек не имел ни малейшей предрасположенности к подобному способу организации мыслей, однако все же выбрал именно его – возможно, из-за присущей поэзии иносказательности, образности и большей степени драматичности, чем допустимо в прозе.

Разговор за столом продолжался, и не было похоже, что спорящие в скором времени придут к согласию.

КАИН

Передвигаться в коридоре было значительно легче. Каин прошел мимо нескольких десятков дверей, остановился у висящего на стене бронзового канделябра и потянул его вниз. Часть стены перед ним почти бесшумно отъехала назад, открыв узкий проход, ведущий на винтовую лестницу. Как только Каин оставил позади первый пролет, стена вернулась на свое законное место.

По мере того, как Каин поднимался, он все больше убеждался в наивности своего плана. Но что оставалось делать,

если он уже, незаметно для себя, пересек какую-то невидимую черту, разделяющую... Хотя ему и не было ясно, что же эта черта все-таки разделяет, Каин чувствовал, что переступить ее было ошибкой для него как для человека. Возможно, это была черта именно между человечностью и чем-то большим. Или меньшим. Или чем-то из совершенно другой плоскости. Что он знал точно, так это то, что раньше все определенно было проще. Но пути назад не было, и вот он уже стоял перед дверью, ведущей в место, которое он привык считать домом – за неимением дома настоящего. И впервые боялся зайти.

АВЕЛЬ

Спор уже подходил к концу, но Абель не собирался дожидаться вынесения вердикта. Он захлопнул блокнот с пародией на стихи и, внимательно ощупав сшитую воедино голову, незаметно отошел в тень и покинул зал, чтобы одному ему известными путями очень скоро оказаться перед дверью, что так долго не выпускала его наружу – в мир, созданный его убийцей. И только теперь, заплатив своей жизнью, Абель мог нанести человеку в башне ответный визит вежливости.

КАИН

Внутри все было в точности так же, как и всегда. Каин стоял, задумчиво осматривая помещение и погрузившись в воспоминания, но вскоре вздрогнул и с мрачной решимо-

стью двинулся к камину в дальнем углу. Разжег его и, собрав в охапку разбросанные по полу листы бумаги, исписанные вдоль и поперек, бросил их в пламя. Затем начал выгребать из ящиков стола и полок в шкафу оставшиеся кипы страниц, по очереди скармливая их камину. Спустя какое-то время в комнате не осталось ни единого клочка бумаги, кроме картины, висящей напротив кровати.

Каин снял ее со стены и сел на пол, беспомощно разглядывая то, что писал семь месяцев, каждую ночь, пытаясь запечатлеть образ, непрерывно пламенеющий в памяти. На полотне была изображена... Проще сказать, что это был и классический портрет, и морской пейзаж со звездами, и цветочный натюрморт, и много чего еще. Но более всего картина была примечательна тем, что вмещала в себе все, что имело значение для ее автора. И чем дольше Каин смотрел, тем яснее понимал, что никогда не сможет уничтожить ни память о чем-то подобном, ни мечты о том, что однажды полотно все-таки оживет.

Каин поставил холст на пол и сел напротив, вновь пристально уставившись куда-то вглубь картины, точно надеясь поймать из нее ответный взгляд. Время в который раз безнаказанно ускорилося, переводя минуты в дни, и глаза Каина ужасно слезились, но он продолжал верить в сказки и не отрывал взгляд ни на секунду.

АВЕЛЬ

Почти все было готово, последний шаг – и маятник качнется в нужную сторону. Под звуки грозы в отдалении Авель шел по пустынной улице, прикрывая пальто сигарету. Когда он нашел нужное место, гроза уже бушевала прямо над ним. Поднимаясь по условной лестнице, Авель еще раз обдумал план действий и вновь не нашел в нем ни единого изъяна. Оказавшись перед условной дверью, он достал из кармана телефон и закупоренную пробирку с длинным волосом внутри. Затем Авель сделал нечто очень странное: он достал волос из пробирки и с невозмутимым видом съел, после чего набрал номер. Гудки шли долго, но в итоге на другом конце провода все же решили ответить. Авель заговорил, однако голос, раздавшийся из его рта, был женским, вкрадчивым и мягким, не имевшим ничего общего с насмешливым лаем, которым обычно разговаривал Авель. Его собеседник, чем-то явно ошеломленный, заикался и терял дыхание. Спустя минуту разговора Авель почувствовал, что к нему скоро вернется его привычный голос, поспешил назначить встречу и положил трубку. У него было полчаса – более чем достаточно. Пройдя сквозь пустой дверной проем в длинный коридор, Авель успел заметить движение вдалеке – это возвращалась на свое место часть стены, ведущей в потайной проход наверх, в башню.

КАИН, АВЕЛЬ

Сложно в полной мере передать выражение на лице Каина

в тот момент, когда он все понял. Авеля заставило улыбнуться это сочетание злобы, потрясения, отчаяния и обреченности, на несколько секунд мелькнувшее в образе его убийцы, прежде чем тот снова натянул маску холодного равнодушия. Абель подошел ближе и доверительно протянул ему тупой кухонный нож, который до этого держал за спиной. Каин взял нож и насмешливо вздернул бровь.

— Если ты пережил расколотую голову, то это уже вряд ли поможет.

Абель хитро улыбнулся.

— А это не для меня, старик. Но давай перейдем ближе к делу: в прошлый раз ты, помнится, не дал мне договорить. Так вот, с твоего позволения, я продолжу.

Абель подался вперед и начал что-то шептать Каину на ухо. Этот слышимый только одному человеку монолог продолжался довольно долго и завершился тем, что Каин, уже напоминавший изваяние, со все тем же безразличным видом молча размахнулся и воткнул себе в горло нож, который все еще держал в руке. Он даже успел несколько раз повторить это движение, прежде чем упал навзничь подобно опрокинутому манекену и захлебнулся в бульканье крови, равнодушно выталкиваемой сердцем сквозь несколько отверстий в шее.

Абель постоял несколько минут в задумчивости над тем, что было его братом, другом и тюремщиком, несколько раз пихнул тело ногой и уронил Каину на грудь его тетрадь.

– Знаешь, такие себе стишата. Наивные.

В последний раз окинув труп взглядом, Авель развернулся и зашагал к виднеющейся далеко впереди двери. У него было множество неотложных дел, а от открывающихся перспектив голова шла кругом.

Каин никуда не зашагал, не шевельнулся, не затянул раны и не растворился в воздухе, так и оставшись лежать в тени огромного дерева пустой и бессмысленной оболочкой. Через какое-то время дерево сбросило листья, и они стыдливо укрыли гниющее лицо, лишь в самую последнюю секунду жизни изобразившее какое-то подобие улыбки.

С леденящим звоном от неба, в плоть которого вперились мертвые глаза Каина, откалывались словно кусочки зеркала, за которыми обнажалась невообразимая пустота, в которой лишь угадывалось присутствие бесконечно увеличивающегося числа иных мест; наверняка далеких и странных, но связанных с этим.

* * *

В уютной маленькой комнате за широким и внушительным столом из ясеня сидит некто взъерошенный и нервный, пишет – пишет, судя по жестам и мимике, пьесу. А судя по трясущимся рукам и нескольким пустым бутылкам на полу у

батареи – драму, основанную на реальных событиях. Иногда оставляет работу и поворачивается к окну. Так и не вспоминает о том, чтобы поставить несколько дополнительных будильников; а ведь засиживаясь настолько допоздна, он здорово рискует проспять работу, заснуть в экстренно вызванном поутру такси и уехать куда-то совсем не туда, куда бы он хотел. Глядит в окно, выглядывая в небе какие-то особенные звезды, наверное, не наблюдаемые отсюда. Прислонив лоб к холодному стеклу, что-то шепчет. Молит о чем-то. Вот только там, где были видны эти звезды, его уже никто не слышал.

В то время каждую ночь небо было усеяно звездами, становившимися невольными свидетелями тех или иных событий среди всего безумия происходящей истории, но те звезды, для которых все и совершалось, были все так же скрыты – скрыты навечно для этого знающего о своих богах мира и всех его обитателей.

Время с заметным усилием продолжало идти, скручиваясь пружиной в преддверии минуты, когда звон траурного колокола положит конец этому абсурду. Ветер времени гнал воды Леты все дальше и дальше – к водопаду, в самом низу которого зиял искусственный разрыв в ткани вселенной, пожирающий реку и что угодно другое, чему не повезет угодить в него. Куда вел этот разрыв, было ли это что-то наподобие червотчины, кротовой норы? И мог ли кто-нибудь пройти сюда – оттуда? Кто знает, кто знает. Однако сейчас в глубине разреза, если подойти достаточно близко и присмотр-

реться, можно было заметить далекую тень какого-то места, куда, вероятно, можно было попасть, если пройти через проход и каким-то образом уцелеть в его недрах. Приблизившись почти вплотную, можно было различить вполне отчетливые очертания той стороны: низвергающиеся с окутанных серыми тучами небес потоки пламени, вспарывающие воздух тусклые вспышки молний и даже некое почти осязаемое ощущение. На что же оно было похоже?..

IV. НА ТРЕТЬЕМ БЕРЕГУ ЛЕТЫ

Номер второй. Код – 121. Классификация: обычный день, реален-нереален, последовательно. Мы имеем дело с той же петлей времени, но уже с попаданием в сон в определенный момент, затем – на следующий уровень сна, и так далее, после первого все следующие циклы на один уровень менее “реальны”, чем предыдущий. Повторение циклов – бесконечно. Порядок прямой и обратный. Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Предисловие. Об отстраненности

*Ироническая отстраненность – вот единственный способ не расстраиваться.
Бел Кауфман – “Вверх по лестнице, ведущей вниз”*

Был уже поздний вечер, когда из кабинета на втором этаже современного офиса вышел человек, который проводил в этом кабинете большую часть своего рабочего дня. Он обошел все помещения, проверяя, ушли ли домой все штатные сотрудники. Заперев все двери, он подошел к автомату с кофе и набрал на пульте какую-то комбинацию. Панель стены справа от автомата отъехала в сторону, открывая взгляду

слабо освещенный коридор с ведущей вниз лестницей. Человек спустился по ней к единственной двери, стальной и бронированной, с узким окошком примерно на уровне глаз, четыре раза постучал. Окошко открылось, и человек обменялся с тем, кто находился за дверью, несколькими короткими фразами, после чего принял через окошко тонкую стопку бумаг и, развернувшись, поднялся назад в основной коридор офиса, при помощи еще одной комбинации на пульте аппарата с кофе вернув панель стены на место – так, что никто бы не подумал, что за этой панелью что-то есть. Он направился на балкон, сел в кресло и бегло просмотрел содержание полученных документов. Удовлетворенно хмыкнув, человек вернулся к первой странице и принялся читать первую расшифровку.

“История, которую я собираюсь вам рассказать, не только не принадлежит мне (забавно, но я услышал все это вчера от человека, с которым мне выпало делить купе в поезде, что ограничивает мое авторское участие от первого лица этим коротким комментарием в скобках, в то время как остальная часть текста за их округлыми границами – дословный пересказ со слов моего странного попутчика, который – не уверен, желаете ли вы знать, но все же – только завершив свой рассказ, сошел на ближайшей станции и бросился под встречный поезд), поскольку я прочел ее, когда так же, как и сейчас, ехал в поезде, а мой сосед по плацкарту на нижнем месте достал из сумки на поясе конверт, из которого извлек

кучу листов бумаги, и принялся их внимательно читать, почти изучать, делая при этом пометки в маленьком блокноте, и я, слегка свесившись вниз, сумел не отстать и зафиксировать в памяти все детали истории, которую эти листы хранили, и даже когда через пару часов этот человек, спрятав блокнот и ручку в карман рубашки, а листы в конверте – в сумку, сошел на станции, за которой даже поздним вечером через запотевшее окно угадывался пасторальный пейзаж, я помнил все в точности; но даже историей в полном смысле этого слова не является: у нее нет ни обычно свойственного историям начала, за которое я мог бы ухватить ее, усадить напротив и начать описывать, ни сколько-нибудь внятного завершения.

Она просто существует где-то во времени, замкнутая в бесконечно вертящийся круг, с каждым оборотом выглядящий несколько иначе, чем во время предыдущего; или же находится за пределами времени, где сложно быть уверенным в том, что у сюжета вообще есть какие-то детали, которые можно было бы при помощи языка перевести в текст.

Ее природа туманна и загадочна, как и действующие лица. Что вы о них скажете: это люди, отдельные личности с собственными мыслями и чувствами, или это просто оторванная от реальности пьеса в бессчетном числе актов, что разыгрывает у себя в воображении одно-единственное существо, таким чудным способом спасаясь от скуки посреди... Ну, в общем, посреди чего бы оно ни сидело в своем, должно быть,

тоскливом одиночестве? Вдруг никаких персонажей и нет, а история эта – как мышеловка, ловушка для каждого, кому хватит неосторожности ее прочесть, уже всей пустотой своей западни выжидающая, чтобы сделать героями любого из вас?

А что насчет самих событий, которые происходят с персонажами или персонажем, они-то хоть существенны и важны, или же действие второстепенно, а значение имеет только сам факт наличия у рассказчика желания выразить что-то, что ему страшно, не позволено совестью или здравым смыслом, невозможно, в конце концов, выразить прямо, рискуя при этом рассудком?

Может это и не желание вовсе – кому какое дело до желаний – а потребность, нужда в раздирании себя на части в попытке описать вещи и ощущения, неподвластные возможностям испытывающего их организма – если это организм?

Возможно, и потребности тут ни при чем, а рассказ пишет провидение, выбрав для этого физическую оболочку и полностью заменив населявшую ее личность раскаленным свинцом своей воли, заполняющим самые дальние закоулки сознания того, что еще вчера можно было бы принять за человека.

И не случится ничего удивительного, если в течение повествования что угодно из вышесказанного вдруг изменится, меняя тем самым и саму историю, угрожая даже ее завершению и сохранению ее где-нибудь помимо моей памяти.

Предлагаю вам ущипнуть себя – ну, знаете, на случай, если кому-то из нас это снится. Я бы не стал просить вас о таком в иных обстоятельствах, но у меня уже вся рука в синяках от щипков.

Итак, снимайте обувь – и добро пожаловать на поле из алмазных игл, или в историю о странностях, что вот-вот приключатся со странными людьми при весьма странных обстоятельствах. Встретимся по ту сторону. Если нам повезет”.

Утро. Последнее тихое утро

Он жил, скрывшись от всех тревог мира, от собственных неудач и бед. И едва ли кто решился бы осудить это его решение, и я не встречал никого, кто назвал бы это трусостью; зная все, через что ему довелось пройти, разумеется. Однако мне всегда казалось, что где-то глубоко в душе это изгнание гнетет его, хоть он и не подавал виду. Но изредка я все же замечал: прервавшийся смех, секундная досада, задумчивый взгляд, устремленный в никуда. Он не сумел окончательно смириться со своим поражением.
Документальный фильм “Жизнь и борьба Беспалова”

Одним пасмурным августовским утром я вышел на крыльцо своего дома, сел в кресло и закурил трубку.

Мой дом находится на вершине зеленого холма, почти на самой опушке леса. Лес окружен горами, перед домом раскинулись бескрайние луга, неровную поверхность которых расчерчивают две линии. Первая – широкая кривая реки, берущей начало у подножья гор; покоренная несколькими небольшими деревянными мостами, она несет свои воды совсем рядом с моим домом; вторая, по другую сторону дома, у самой опушки леса – узкая прямая мощеной желтым камнем дорожки, аккуратной и ровной, ведущей к железнодорожной

станции, которую можно было разглядеть далеко впереди. Впрочем, если не стараться, то станцию можно было и не замечать, и тогда пейзаж имел облик почти первозданный.

Можете представить, какой чудесный вид открывается с моей веранды, и как приятно мне сидеть там часами, наслаждаясь уединением и безмятежностью мира вокруг. Так я поступил и тем утром – сидел, курил, думал о чем-то отвлеченном, возможно даже ненадолго вздремнул – незаметно для себя.

Чем еще, как не мимолетной полуденной дремой можно было объяснить тот факт, что, когда я прервал свое праздное времяпрепровождение и решил вернуться в дом, я обнаружил у себя на пороге запечатанный и изрисованный зеленым маркером конверт, которого там до этого определенно не было?

Это очень странно – находить не принадлежащие тебе вещи у себя дома, особенно – когда живешь на таком приличном расстоянии от цивилизации. Никакой информации о получателе или отправителе на конверте не было. Подняв его с пола, я открыл дверь и зашел на кухню. Осторожно прощупав находку, я вскрыл ее, разрезав ножом для бумаг.

Внутри оказалась стопка исписанных от руки страниц – судя по тому, что я позже понял из их содержания, это был фрагмент или фрагменты какой-то книги – и письмо. Письмо явно было адресовано не мне – человек, написавший его, обращался к девушке. Должен признаться, что, читая текст,

я чувствовал себя весьма неловко — он имел довольно личный характер, и вряд ли автор был бы рад, узнав, что его письмо читает человек, которому оно не предназначалось.

Там не менее, я дочитал до конца и, сделав определенные выводы о личности написавшего это, принялся за стопку страниц. Это заняло у меня почти все время до ужина — иногда я делал перерывы и выходил на улицу, чтобы покурить и обдумать только что прочитанный отрывок.

Расправившись с текстом этой повести — если это была повесть, а не случайные куски различных произведений — я поужинал и стал думать, как распорядиться этой неожиданной посылкой, попавшей ко мне явно по ошибке. Так ничего и не решив, я начал складывать все содержимое конверта обратно, и только тогда заметил небольшой клочок бумаги, поначалу ускользнувший от моего внимания.

Почерк был иной, нежели в письме и на страницах повести — аккуратный, почти каллиграфический. Небольшой текст представлял собой инструкцию для получателя посылки. Мне предписывалось найти девушку, к которой в письме обращался автор, и вручить ей конверт. Аргументировалась подобная наглость тем, что мне это куда нужнее, чем тому, кто обязался сделать это изначально.

Разумеется, я был совершенно не впечатлен подобными доводами и собирался уже забросить конверт со всем его содержимым на самую верхнюю и пыльную полку шкафа или даже на антресоль, но вдруг моя память зацепилась за что-

то в тексте повести, и я решил все же перечитать ее, чтобы лучше понять всю ситуацию.

Я разжег камин, уселся напротив и при свете пляшущего пламени вновь принялся за чтение. Ниже я приведу полный и дословный текст произведения, чтобы вы могли сделать это как бы вместе со мной, и к концу повести, в свою очередь, лучше поняли мою новоприобретенную мотивацию, ведь в ином случае действия, которые я предпринял по завершении прочтения могли бы вам показаться странными. Итак, текст.

Ночь. Побег из себя

Всякому заключению, сколь бы ни были прочны стены тюрьмы, рано или поздно приходит конец. И ошибкой было бы полагать, что тюрьма собственного разума – исключение.
Отрывок из речи пророка Агхвани

Сначала перед вами появляется дверь.

Не все видят ее сразу, многие не видят вообще, а для каждого заметившего ее она выглядит по-разному: кто-то описывает зеленую деревянную дверь с ручкой-молотком, кто-то заходит через ржавые ворота, кому-то приходится засовывать кисть в скалящуюся пасть фигурки демона или угадывать код от домофона обычной железной двери в подъезд.

Переступив порог, вы попадаете в длинный и узкий коридор – возможно, самый странный коридор в мире. Его кишка причудливо извивается сперва на плоскости, затем вообще в пространстве, а в противоположном конце виднеется небольшая деревянная дверца с ручкой-кольцом, наподобие тех дверей, сквозь которые следуют за белыми кроликами маленькие девочки в сказках. Но мы живем не в сказке, а если и в сказке, то в очень плохой и странной сказке, так что до конца коридора вы не доберетесь, сколь долго бы вы ни пытались это сделать – дверь будет все так же далеко.

Зато вы можете попасть в любую из дверей по обеим сторонам коридора, но стоит иметь в виду, что не все они ведут в места приятные или хотя бы интересные для постороннего человека. И можете быть уверены, что “посторонний” – это действительно про вас, ведь все, что вы увидите за любой из дверей, принадлежит только тому, кто там живет. И нет – это не мотель и не гостиница, вы не можете снять здесь комнату, даже если вам вдруг покажется, что их тут неисчислимое количество. Сколько постояльцев, столько и комнат. Сколько комнат, столько и постояльцев. Вне всяких сомнений, многие из них отдали бы все за возможность выйти, но это зачастую не в их власти, пусть даже все они попали сюда добровольно. В каком-то смысле это место можно назвать тюрьмой.

Впрочем, знаете, за одной из дверей до недавних пор все же было свободно, но некоторое время назад там поселился странный тип, а с ним – белая кошка. Спустя еще какое-то время этот самый тип попал в одну неприятную ситуацию и впал в кому, и теперь его полуживое тело спит мертвым сном где-то под батареей.

С кошкой, к счастью, ничего плохого не случилось. Она то и дело прогуливалась по коридору и заглядывала за двери, иногда даже ненадолго заходила внутрь. Многие постояльцы-дефис-заключенные были бы не прочь вышвырнуть кошку из комнаты, но они, в отличие от нее, не могли выйти из своих камер и попытаться что-то предпринять. Вам тоже не

удастся прогнать ее: при виде незнакомых людей она тут же скрывается за своей дверью – за той самой дверью, до которой вы не можете добраться. Если бы вы спросили ее, как это удалось ей, она бы ничего не ответила, заставив вас вспомнить о том, что кошки не разговаривают. На самом деле она не хотела разговаривать, а ответа на ваш вопрос просто не знала.

Но сегодня в коридоре появился весьма любопытный гость, и именно за ним мы последуем повсюду, где он пожелает находиться. Выглядит этот человек неброско: легкое серое пальто, невыразительные джинсы с кедами, копну рыжеватых волос скрывает кепка. Разве что тонкие линии шрамов, словно разделяющие лицо на три части, могут запомниться надолго.

Любопытен он тем, что раньше был одним из местных заключенных, а теперь с довольным видом шагает мимо своей старой камеры, не сумевшей удержать его внутри. Рано или поздно что-то подобное должно было случиться, и вот, наконец, случилось. Никто не знает о его освобождении, и он чувствует себя единственным полноправным хозяином этого места. Разумеется, ему уже хочется узнать, может ли он войти в дверь в конце коридора, но беглец – давайте назовем его так – откладывает это на потом. Сперва он с любопытством заходит в одну комнату за другой, а следом за ним заходим и мы.

За одной из дверей нас встречает запах ночи, сумрак и

бескрайний лес, по которому бродит человек в балахоне, из-под капюшона которого на плечи падали седые волосы, наматывает круги около черного пруда. Если хорошо присмотреться, то можно заметить, что поодаль от него по лесу крадется еще один тип.

Следующая комната оказывается вагоном поезда, где в одном из купе разыгрывает небольшой спектакль человек, явно находящийся под действием каких-то препаратов. Он читает с листа реплики двух персонажей, то и дело переодеваясь и пересаживаясь с одного сиденья на другое.

Еще одна дверь и – осторожнее, тут обрыв прямо за порогом! В сотне метров впереди с такого же обрыва падает постоялец этой комнаты, каким-то странным образом находящийся сразу во всех пунктах своего печального пути вниз. Кроме него тут есть еще кое-кто – на краю скалы свернулась в клубок та самая белая кошка, которая так неприятна нашему проводнику. Словно почуяв его недоброжелательный взгляд, кошка просыпается и уходит куда-то в другое место, своими кошачьими путями.

Беглец захлопывает дверь и открывает еще одну, за которой нас встречает самый настоящий ад: сшитое из вырванных откуда-то кусков пространство, багровое небо с провалами черных дыр, а подо всем этим, как потерявшаяся текстура – бесцветная плоскость, напоминающая бильярдный стол, по которой безостановочно катятся шары, слепленные из человеческих тел, как снежки из снега. Узника не вид-

но, но в воздухе висит какое-то ужасное напряжение, словно звуковые волны еще не родившегося крика. Это-то место и нужно беглецу – он решительно шагает внутрь, захлопывая за собой дверь так, что теперь туда уже не войти.

Что ж, нам придется продолжать путь самостоятельно, пока он не вернется или не встретится нам в какой-нибудь из комнат.

Еще несколько дверей, ведущих то в двор, заливаемый дождем, то в салон самолета, то в ледяную пустыню. Спустя какое-то время за одной из них мы вновь встречаем беглеца, с радостным видом движущегося навстречу. Парк, который он быстрым шагом покидает, увядает у нас на глазах, словно осень в нем наступила за одну лишь минуту.

Беглец выходит в коридор и направляется вперед, почти подпрыгивая от нетерпения. Он останавливается у старого настенного канделябра и тянет его вниз, словно рычаг. Раздается еле слышимый звук скользящих плит, и в стене открывается проход. Вместе с беглецом мы поднимаемся по винтовой лестнице и заходим в просторное помещение на самом верху башни.

Наш проводник с любопытством озирается по сторонам, разглядывает обстановку, шарит в ящиках. В столе он находит огромную связку ключей – похоже, именно это он и искал.

На полу, подпирая стену, стоит картина – портрет девушки, написанный весьма причудливым образом. Вы не возра-

жаете, если я заберу полотно с собой, пока его не заметил беглец и не решил сделать с ним что-нибудь возмутительное? Вот и хорошо.

Человек в пальто, гремя ключами, бодрым шагом покидает комнату, но мы пока обождем – в коридоре сейчас будет слишкомлюдно и шумно для спокойной, неторопливой прогулки.

Через минуту шум действительно появляется, набирает силу и начинает двигаться вдоль коридора. Каждые несколько секунд раздается звон связки с ключами и звук открываемой двери, и с каждой новой открытой дверью толпа внизу явно увеличивается. Когда этот сброд добирается до конца коридора, шквал злорадных криков проносится по всей тюрьме – им удастся открыть ту самую маленькую дверь, за которой была комната спящего человека и его кошки. Последняя как раз появляется рядом – злая, шерсть дыбом, немного пришибленная, но живая. Она садится рядом и, тщательно вылизавшись, принимается задумчиво разглядывать портрет.

Освобожденные узники что-то громко обсуждают, затем их голоса постепенно смолкают, а через пару секунд в коридоре внизу повисает тишина – такая, какая свойственна помещениям, которые только что покинуло сразу много людей.

Покинув башню, мы направляемся к деревянной двери в конце коридора – теперь бесцеремонно распахнутой и лишенной своей былой таинственности. За ней клубится плот-

ный туман, но шум волн и запах выдает близкое присутствие моря.

Это именно тот момент, когда первый, обычный этап экскурсии заканчивается, а дальнейшее изучении истории переходит на качественно другой уровень – таковы финалы всех драматичных и сказочных сюжетов. Время сделать шаг в неизведанное.

Утро. Ради общего блага

*Чью-то волю и свободу нужно отнять, потому
что они, воля и свобода, больны, заражены.*

Трибун Децим Кассий – V Кривавому легиону

Человек плохо помнил, какой была его жизнь до того, как он впал в кому, в которой провел пять лет, проживая тысячелетия за год в клетке своего спящего подсознания. Но теперь, по пробуждении, вся память этих свинцовых эпох с каждой минутой все больше наваливалась на разум. Зачем они его разбудили? Какого гуру и спасителя они в нем могли видеть, если он даже сам себя не спас? Человек медленно брел прочь от пылающей башни на вершине скалы, ступая по морскому побережью, и теплая вода мягко ударяла в ноги, ненавязчиво призывая лечь на спину и позволить ей унести себя прочь – в океан, который примет его и похоронит в своей пучине, освободив от ноши безответных вопросов. Но человек пока колебался, все еще рассчитывая увидеть какой-то другой конец своего пути, финал, который был бы логически завершенным и принес бы катарсис, открыл бы ему какую-нибудь абсолютную истину. Но вокруг была только тишина – никаких ответов, перемен и развязок. Просто очередной день, плавно переходящий в очередную ночь. Человек брел по песку очень долго, но в конце концов устал

и лег посреди суши и моря, уставившись в вечернее небо, усеянное звездами. Так он и лежал, а затем сел и смотрел уже на далекий горизонт и такие же далекие волны, почти ощущая себя в центре бушующего в сотнях миль от берега шторма. Достав откуда-то несколько толстых тетрадей и горстку связанных резинкой карандашей, человек принялся что-то писать. Писал он долго, а когда закончил, положил исписанные тетради рядом и снова устремил взгляд вперед. Он не знал, сколько времени так провел, но из транса его вывел звук чьих-то шагов по влажному песку. Он оглянулся. Этот рыжий человек со шрамами на лице был одним из его освободителей – так они, должно быть, себя воспринимали. Его считали мессией, себя почитали адептами, а этого рыжего – пророком. Пророк плюхнулся на песок рядом со своим кумиром и улыбнулся, явно ожидая чего-то. Мессия устало вздохнул и перевел взгляд обратно на море.

– Ты вернулся. Чего ты хочешь в этот раз? У меня нет для вас ничего, как нет и для себя самого.

– Нет, это ты вернулся. Просто делай то, что делал раньше – живи. В твое отсутствие не хватало именно этого – жизни, обычной жизни, без вопросов и прочих заморочек.

– А чего хватало?

– Твой сменщик оказался на удивление странным типом и превратил все наше существование в плен собственной несостоятельности.

– И где он сейчас?

– Покончил с собой и возлегает где-то там, в одной из камер своей тюрьмы.

Пророк махнул рукой в сторону горящей башни на скале. Прищурившись, мессия перевел взгляд на башню, затем обратно на рыжего.

– Я устал. Не помню, как я жил раньше, но если чувствовал себя так, как чувствую сейчас, то это было весьма прискорбное существование. Знаешь ли ты, насколько долгим и странным было мое путешествие? Я столько всего увидел и пережил, но почти ничего не понял.

– И что будет теперь, когда оно завершилось?

– Теперь я лучше посижу и помолчу. Если я что и усвоил, так это то, что никогда не смогу выразить все, о чем думаю. Зачем, прожив столько жизней, зайдя так далеко, продолжать считать себя человеком? Все человеческое в себе я уничтожил сам, а подробнее объяснить не могу, как червяк не может объяснить другому червяку законы квантовой механики. Я уже даже не стараюсь вкладывать смысл в слова, а скоро если и буду говорить, то что-то совершенно невнятное. Потому что – повторяюсь – я устал.

– Будешь просто сидеть и смотреть на волны? И все?

– Да. Знаешь выражение “ждать у моря погоды”? Именно этим я и займусь. Буду просто сидеть, смотреть на волны и надеяться на что-то смутное. Если ты рассчитывал на иное решение... Что ж, придется тебе смириться с этим и оставить меня в покое.

Рыжий хотел что-то ответить, но разочарованно умолк на полуслове. А мессия вдруг вспомнил кое о чем.

– Зато я написал книгу. Можешь прочесть, если хочешь.

Человек протянул пророку стопку тетрадей. Тот с любопытством и – одновременно – с какой-то скептической усталостью взял листы и принялся их изучать. Мессия же прошел немного дальше по берегу и снова улегся на песок, почти сразу заснув в надежде вновь погрузиться в летаргию и в этот раз уже не очнуться. Рыжий провел всю ночь за чтением, и с каждой страницей его лицо становилось мрачнее, заставляя его испытывать сильнейшее дежавю. К концу того, что человек, которого он считал почти что богом, назвал книгой, пророк был вне себя от злости и досады. К чему все это было – страдания в камере, бесконечные муки в пустоте, путешествие на край разума, неудавшаяся попытка вразумления брата, смерть от его рук, воскрешение, освобождение, иллюзия богоизбранности, предательство, ложь, мерзость, месть, диверсия, амнистия сотен сумасшедших отморозков, поджог, спасение бога из плена забвения – зачем все это нужно, если этот бог был заражен той же болезнью, что и его, Авеля, ненавистный брат? Неужели человеку, разочаровавшемуся в божествах, придется самому занять их место? Уже светало, и Абель вместе с книгой на время покинул побережье, чтобы обсудить с остальными дальнейшие действия. Он вернулся уже с четким планом и полный зловещей решимости. Подошел к спящему на песке мессии и принял-

ся будить его. Тот просыпался с трудом и, еще не размыкая век, еще в полусне еле слышно шептал чье-то имя.

– Ну же, проснись. Я должен тебе кое-что показать.

Человек сел и с хрустом потянулся.

– А я хочу тебе кое-что рассказать, пока не забыл. Мне приснился удивительный сон!

– На это нет времени. Вставай, нам пора идти.

Мессия еще слипшимися и слезящимися от сна глазами сумел разглядеть свою книгу, в развернутом виде валявшуюся на песке в шаге от него. Он поднял ее, встал и выжидающе уставился на рыжего.

– Так что ты мне хочешь показать?

– Вот что.

Рыжий сжал плечо человека, зажмурился и правой рукой сделал какой-то вращательный жест. Через миг они были уже в другом месте, которое имело с побережьем только одну общую деталь – песок. Белый, острый и сухой, похожий на соль песок простирающейся во все стороны бесконечной пустыни. Было холодно и очень ветрено, а вместо неба зияла дыра. По белой пустоте то и дело проносились огромные цветные шары.

Вокруг мессии и пророка стояли несколько сотен – а может и тысяч – человек. И все они выглядели чем-то весьма и весьма недовольными. Человек огляделся, чувствуя висящее в воздухе напряжение.

– Где это мы?

Авель сочувственно улыбнулся.

– Что, неужели не узнаешь?

Он замолчал, и за него продолжил один из стоящих в первом ряду освобожденных.

– Это все, что ты создал сам.

Фразу подхватил его сосед справа.

– Все, что ты создал сам и все, что ты есть.

Следующий голос раздался откуда-то из середины толпы.

– Пустота. Это все, чем ты являешься.

– Тебе дали много намеков – даже слишком много.

– Но из комы ты не вынес ничего, кроме желания записывать свои дурацкие мысли и усталости от жизни и свободы.

– Мы все искали ответ, почему ты стал собой. Но так и не нашли.

– Тебе дали полную свободу выбора, но ты всегда выбирал неправильно. И всегда будешь выбирать неправильно, разрушая и отравляя все, к чему прикоснешься.

– Но при этом будешь чувствовать себя величайшим мучеником.

– В этом твой парадокс – ты хочешь, сказав все и сразу, исправить буквально все зло в мире.

– Но именно это желание заставляет тебя сеять вокруг себя сплошное зло.

– Твои мотивы чисты и бескорыстны, и ты должен был попасть в рай.

– Но твои поступки и слова чудовищны, преступны, по-

стыдны и отвратительны, и ты не мог не попасть в ад.

– Так что ты не попал никуда.

– В высших кругах принято решение о твоей судьбе.

– Ты будешь отменен и возвращен в небытие, а все следы твоего существования будут уничтожены.

– В целях безопасности мироустройства.

– Так что можешь радоваться – ты действительно в каком-то смысле уникальный.

– Нас уполномочили стать твоими проводниками.

– Нам известно, что уже вот-вот твое иное воплощение погибнет в бою от собственной руки. Человек из снега и чернил пожертвует собой, чтобы запереть тебя в пустоте.

– А мы упокоим тебя на этой стороне. Мне очень жаль.

Авель действительно выглядел удрученным этой необходимостью убить своего бога. Человек не удивился ничему из услышанного – ему было совершенно без разницы. Поток словесной чуши – точно такой же нелепый и сумбурный, как и его книга, как и вообще любая человеческая речь.

– Знаете, вы бы здорово смотрелись в тогах.

Рыжий грустно улыбнулся.

– Ах да. Позволь-ка!

Он выхватил из рук мессии стопку тетрадей.

– Мы позаботимся об этом. Она будет переписана должным образом, не переживай – может быть, в ущерб биографичности, но с точки зрения художественной ценности получится куда лучше, могу тебе это обещать.

У человека оставалась одна небольшая просьба к этим забавным головорезам, которым поручили прибрать к рукам его жизнь. Они, разумеется, ничего не решали, но просьба его в любом случае будет услышана теми, кто за ними стоит. И, возможно, это сработает.

– А нельзя ли оставить хоть один след моего существования, или как там?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы ведь смотрели фильм про мальчика, который разговаривал с огромным кроликом? Не хочу, чтобы все вышло так, как вышло в финале этого фильма.

Рыжий пожал плечами.

– И что же ты хочешь, написать кому-то?

– Да, именно. Я хочу написать письмо, которое дойдет до адресата во что бы то ни стало. От лица человека, который этого сделать уже не может.

– Ладно. Думаю, это можно.

Авель протянул человеку бумагу, ручку и конверт. Тот отошел чуть подальше от толпы, уселся на белый песок и принялся писать. Где-то на середине письма плечи мессии поникли, и он уткнул лицо в ладони. Посидев так немного, он вздрогнул, слабо улыбнулся и быстро закончил письмо. Затем положил его в конверт, на котором как можно аккуратнее написал адрес получателя, заклеил конверт и за чем-то изрисовал его заднюю сторону взявшимся из ниоткуда зеленым маркером. Закончив это последнее дело, человек

встал, вернулся к своим неизбежным убийцам и отдал конверт Авелю.

– Передай его нашему общему знакомому. Думаю, ты найдешь способ. Это все, о чем я прошу.

Рыжий задумчиво кивнул. Затем достал нож, и остальные, обступив человека со всех сторон, сделали то же самое. Уже ничто не могло сделать этот момент более глупым и драматичным, так что вскоре кто-то нанес первый удар, затем удары посыпались на мессию градом – только и видно было, что блеск ножей и брызги крови. Через минуту все закончилось – с последним ударом тело человека просто растворилось в воздухе, и история про странную тоску и бесконечное одиночество в пустоте сознания... Завершилась. Наверное, она могла бы завершиться как-то иначе или даже продолжиться, но ее автор, набирая последние строки, не рассчитал дозу пафоса, поймал передозировку и упал замертво.

День. Что хотел сказать автор?

Лучший способ понять, что с твоим восприятием мира что-то не так – поделиться им с другими людьми.

Бриджит Фойл

Черный экран. Короткие титры. Надпись “конец”.

В студии зажегся свет – слишком резко, и гостей шоу ослепило после тусклой картинки последнего эпизода сериала. На сцену вышел пухлый коротышка в синем пиджаке и, приторно улыбнувшись, объявил:

– Дамы и господа, вот и подошел к концу первый сезон. После рекламной паузы мы продолжим эфир и обсудим с приглашенными кинокритиками то, что мы сейчас видели. Не переключайтесь!

Оператор махнул рукой, и все участники передачи расслабленно осунулись в своих креслах, а ассистент ведущего принес всем кофе. Спустя пару минут веселой и оживленной беседы голос со съемочной площадки зычно сосчитал от трех до нуля и объявил эфир. Ведущий подобрался и натянул на лицо фирменную улыбку гомосексуальной акулы.

– Реклама пролетела незаметно, не так ли? С вами снова вечернее шоу Кайла Карпентера, и мы начинаем обсуждение только что просмотренного нами в прямом эфире фи-

нала последнего творения мэтра Пола Гонкеса. Учитывая несколько непривычный формат, финал не оказал лично на меня сильного воздействия. Мистер Боу, что скажете вы?

Сухощавый старикан в растянутом свитере, вальяжно развалившийся в кресле, отхлебнул кофе, причмокнул губами и принялся выражать свое мнение.

– Знаете, Кайл, у меня еще с самого первого эпизода возникли сомнения насчет выбранного режиссером формата. Сериалу не доставало изобразительности, кинематографичности. Думаю, я не слишком преувеличу, если скажу, что это произведение не сильно бы потеряло, будь оно оформлено в формате графической новеллы. Проще говоря, по духу это скорее комикс, чем телешоу. Кроме того, меня несколько смутила рекурсивность сюжета. Не хочу сказать, что это какая-то революция в жанре, но складывается впечатление, будто Пол хотел в первую очередь не снять сериал, а что-то донести до зрителя.

– Что же в этом плохого, Джим?

– Мне кажется, в данном случае он пытался донести что-то чересчур личное. В этом вся проблема – фигура автора слишком сильно проглядывает сквозь сценарий.

Сосед мистера Боу – пижон лет сорока, с тремя подбородками и прилизанными волосами – оживился, задвигался в своем кресле, привлекая к себе внимание.

– Совершенно с вами согласен, Джим! А что еще хуже, так это совершенно неприемлемый градус пафоса практи-

чески в каждой фразе практически любого персонажа. Очевидно, что старина Пол хотел написать напряженный, драматичный и сложный сюжет, но не рассчитал ни своих возможностей, ни объема времени, необходимого для написания сценария, поэтому ему пришлось все больше и больше уклоняться в сторону радикального и, не боюсь этого слова, второсортного постмодернизма. Результат налицо – сюжет упрощен и схематичен до ужаса, символизм навяз в зубах уже к четвертой серии, и в целом произведение напоминает черновик, довольно сырую работу. Кроме того, меня несколько вывело из себя то, что Пол попытался сделать с любовной линией – все эти намеки, полуфразы, метафоры и так далее. Это ни в коем случае не новаторский прием – изображать отношения двух людей через аллюзии и только со стороны одного из них. Мы ведь даже не увидели сам портрет девушки, нам его стыдливо показали вполоборота! Уж не потому ли это, что мистер Гонкес не счел нужным выделить часть бюджета на написание этой самой картины? Экономия усилий – просто во всем.

Сурового вида дама, сидящая справа от трехподбородочного, недовольно нахмурилась, всем своим видом демонстрируя отношение к отсутствию среди главных актеров своей коллеги по гендеру.

– Мне всегда казалось, что Гонкес – переоцененный халтурщик, да еще и страдающий мизогинией. Расизм, гомофобия и прочие нездоровые идеи ему тоже явно не чужды. Не

совсем понимаю, как человек подобных взглядов умудрился добиться признания на международном уровне – все-таки мы ведь не в пятидесятые живем.

Сидящий напротив Джима Боу молодой парень хипстерской наружности демонстративно закатил глаза.

– Элен, вы вообще видели его пресс-конференцию? Когда прозвучал вопрос “Почему среди ведущих актеров нет ни одной женщины, хотя в сценарии девушка есть?”, Пол попытался заболтать журналиста своими фирменными разговорами про субъективность оценки экспериментальных жанров искусства с позиции общепринятых норм и ценностей и так далее, словно желая сойти за кодирующегося женоненавистника, но, как мне кажется, тут скрыто что-то другое... Возможно, он не хотел вводить девушку в экранизацию просто из-за нежелания видеть в этой роли никого, кроме той, с кого – возможно – он и срисовал этот образ. Разве это не дает веский повод задуматься о ее реальном существовании?

Боу согласно кивнул.

– Да, еще одно доказательство того, что история вышла слишком личная. Когда дело касается личного, человек редко способен сохранить художественную непредвзятость и объективность. Устами главного персонажа проповедуется отчужденность, но в каждой серии в глаза бросается чрезмерная откровенность всего сюжета в целом – если это не какая-то хитро запрятанная ирония, то весьма серьезная недоработка, как и довольно часто повторяющиеся мысли. Скла-

дывается впечатление, что автор хотел быть абсолютно уверенным в доходчивости своих посылов, чего пытался добиться, заставляя протагониста раз за разом проговаривать одно и то же.

Ведущий, пролистав небольшой блокнот, решил выдвинуть на обсуждение критиков еще одну тему, к которой ему явно не терпелось перейти.

– Уважаемые, а что вы думаете о, собственно, главном герое? Начнем с вас, мистер Грейвуд.

Прилизанный толстяк пожал плечами.

– Трудно сказать, Кайл, трудно сказать. Если оценивать каждого из них по отдельности, а не как собирательный образ одного человека, то впечатления сильно разнятся. Лысый из последних серий и сиганувший с обрыва юрист-психонавт мне понравились, а вот Авель, мессия и все остальные, кто был до – нет. Возможно, мое мнение было бы иным, не закончись вся эта трагическая история откровенным фарсом.

Кайл закивал.

– Давайте все же представим главных героев как единого персонажа. Что вы можете сказать о нем, Элен?

– Это не слишком реалистичный характер, неприкрытая наивность и какая-то отрицательная харизма, что ли. Думаю, все его проблемы высосаны из пальца, как и проблемы почти любого белого гетеросексуального мужчины среднего класса. Ему стоило завести котенка или начать играть в теннис – думаю, ему это подошло бы. А что касается его взглядов

на жизнь и попыток ими поделиться... Понимаете, все это выглядит несколько топорно, потому что он пытается уместить свою откровенность в неправильный формат – весьма иронично, ведь эту ошибку делает и сам мистер Гонкес. Его персонажам просто не хватает контекста. Возможно, решение главного героя написать книгу было интуитивно правильным, но, поскольку прочесть ее нам не дали, остается ожидать чего-то подобного только от самого режиссера.

О чем-то задумавшийся Джим Боу вдруг спросил:

– А вам не кажется, что протагонист на самом деле – весьма неприятный тип? Я вот слушал эти личные откровения и в какой-то момент мне показалось, что за всей его искренностью скрывается тот еще подлец. И в определенный момент я понял, что ни за что не пожелал бы быть его другом, не хотел бы даже, чтобы он просто знал обо мне, таким образом включив меня в свою странную систему координат. Есть люди, одним своим существованием источающие негатив. Глянешь на такого – и скажешь: нет, мистер, это не про меня, до свидания. Вы не привнесете ничего хорошего в мою жизнь.

Хипстер чуть улыбнулся.

– Да, знаете, я тоже что-то такое заметил. То есть оно как бы очевидно, раз уж о подобной натуре протагониста прямо говорится в финале, но там это делается с эдаким изворотом, мол, великого мученика не поняли, обидели, уличили во всех смертных грехах – посмотрите на несправедливость! Но сейчас мне кажется, что в этом смысле Пол промахнул-

ся — возможно, его основной персонаж действительно был таким, каким его описывают прочие личности. Если, конечно, это не было главной задумкой — борьба внутри человека, его ненависть к себе и восхищение собой же. Другое дело — ценность этой борьбы и рефлексии, которую автор пусть и критикует, но, опять же, в ее собственных рамках. На самом деле, как мне кажется, логичным завершением этой истории было бы ее уничтожение, предание не огласке, но забвению...

Неожиданно из динамиков на потолке студии раздался скрипучий и вкрадчивый голос.

— Вы должны понимать, что это невозможно. Каким бы авангардным и экспериментальным искусство ни было, оно никогда не переходит эту черту — удалению из творческого процесса элемента позирования, полного устранения от публичности. Многие пишут в стол, но делают это или для тренировки, или со скрытым желанием разоблачения, чтобы ответственность за вывод своего творчества в свет частично легла на кого-то еще. Человек всегда желает внимания. Человек пытается заполучить внимание разными способами, в том числе показным равнодушием к оному. Человек хочет радоваться и страдать всегда напоказ, не так ли, Пол? Человек любит отчуждение от своих слов — в силу защиты, этим отчуждением предоставляемой. Защиты от стыда за свои мысли, которые можно теперь вложить в уста всего лишь литературного героя, участника театрального дей-

ствия, не одинокого в этом действии, не могущего в силу законов физики быть спектаклем одного актера. Великая ловушка искусства – в его кажущейся реальности, заставляющей зрителя забыть о том, что это только чья-то фантазия. Почему бы не перемыслить косточки одним своим персонажам, используя других в ипостасях кинокритиков? Почему бы не ввести в сюжет закадровый голос, обличающий этот самый прием? Ты дома. Ты тут полноправный хозяин и можешь делать все, на что способно твое воображение. Вот только зачем? Зачем ты так долго писал это, зачем угрожаешь написать еще больше? Зачем ты спрашиваешь это у себя, словно оправдывая бессмысленное действие тем, что сомневаешься в его осмысленности? Ты просто очередной несчастный идиот, который сбежал от реальности, потому что не нашел в себе мужества принять ее такой, какой она оказалась. Можешь пока развлекаться с рекурсией, самообличением и прочими маскировочными извращениями, но помни – ничто из этого не спасет тебя от себя самого, и однажды колокол будет звонить, а ты уже не сможешь спросить, по кому. Колокол звонит, и...

Ночь. Уж боле никогда

*Порой я все же стряхиваю сон с усталых век, но
то бывает очень редко.*

Жермендин, “Все, что я помню об этом мире”

...И я просыпаюсь, лишь на краткий миг задерживаясь на странной грани между сном и явью, где все реальное и нереальное сосуществует в гармонии. Сев на кровати и тяжело дыша, я открываю заметки на телефоне и судорожно пытаюсь ухватить хвосты сна, вспомнить, что именно за сюжет я видел, но хвосты неизбежно ускользают, оставляя лишь привычную уже уверенность, что сегодня мне снова снился тот же человек, что и каждую ночь на протяжении уже долгого времени. Еще я помню строки:

За несколько дней или парочку месяцев
Дерево жизни, на которое вы взбирались по лестнице
Сузится до одной-единственной ветки
На которой можно только повеситься
Ведь здесь больше никого и ничего не осталось
Кроме воспоминаний едких
Нервов оголенных
И невыносимой усталости
И вот, после всех пережитых вами лишений

Останутся в живых только двое влюбленных
Надежная петля и немытая шея
И уже никто не сумеет разнять их
Сцепившихся навеки в самых крепких объятиях

Вдруг вспоминаю – что странно, почти дословно – монолог безумца из сна, с которым я курил на балконе. Я рассказывал ему о своей трагедии, он отвечал на это какой-то ужасно запутанной теорией заговора. Единственное, чего я не помню, так это финала его рассказа, когда он поведал о каком-то особенном месте, исполняющем желания. Вскоре после того, как он закончил свой рассказ, к подъезду прибыла машина скорой, санитары взбежали по лестнице и увели моего собеседника, а он даже не сопротивлялся, только улыбался как-то странно.

Распахнувший окно ветер разметал по полу листы бумаги и мелкий мусор. На улице шумит дождь, и внезапная вспышка молнии высвечивает силуэт огромной черной птицы, сидящей на подоконнике. Ворон переступает с лапы на лапу, открывает клюв, и комнату заполняет каркающий хохот...

Вечер. Улыбнитесь, вас снимают

*Не обманывай себя. Ты не принадлежишь к тому сорту людей, кому суждено стать великими и остаться в истории благодаря своим идеям и целям. Твоя идея – обесценивание любых целей, а твоя цель – выдать банальность за идею.
Диалог с самим собой*

– “И комнату заполняет каркающий хохот”. Вы что, серьезно?

Под скептическим взглядом издателя я чувствую себя неудобно, но все же отвечаю.

– Это аллюзия на “Ворона” Эдгара По...

– Я знаю, на что это аллюзия, молодой человек. Скажите, неужели она вам тут необходима? И почему она выглядит так топорно, выпендрено, эклектично с этими “заметками” и “телефонами”?

– Дело именно в топорности. Понимаете, я как бы оставляю фон фоном, пытаюсь обозначить стилистику и атмосферу, не вдаваясь в многостраничные описания, сосредотачиваюсь на самом действии. Кстати, там есть очень важный момент, до которого вы не дочитали: карканье ворона прерывает выстрел...

– Послушайте, чтобы отходить от избыточности текста и

многостраничных описаний, следует сперва научиться создавать эти самые описания. В вашем романе я не нашел ни одной сцены продолжительностью более двух-трех страниц. И это при том, что сам роман растянулся на две с половиной тысячи страниц! В итоге создается ощущение, что ты прочел сборник сценариев для скетчей, уж извините меня за подобные сравнения.

– Что поделать, в каких реалиях я сформировался, в тех реалиях и написал книгу. От этого нельзя уйти, не будучи гением, но я ведь не претендую на такое звание.

– Ну хорошо, опустим краткость формы. Но что с содержанием? Все то чересчур образно, абстрактно и эмоционально, то слишком сжато и сухо. В итоге две трети рукописи напоминают выдержки из дневника девочки-подростка, а еще треть – конспект лекций по какой-то псевдонаучной эзотерике. Это вы тоже так и задумывали?

– В какой-то степени да. Я, конечно, не могу оценить, насколько сильно в крайности я ударился, но такие эмфатические качели должны были создавать контраст, на фоне которого выгодно сыграла бы большая часть сюжетных линий.

– Охотно вам верю, но ничего не могу поделать со своим вкусом – он наотрез отказывается принимать подобные эксперименты, ко всему прочему щедро одобренные эпизодической хромотой стиля, резким смешиванием форматов, максимализмом и пафосом, сочащимися из доброй половины высказываний персонажей. А эта слоистость повествова-

ния... Разве вы не видите, что это дешево, дешево и избито? Перепрыгивание с одного потайного дна на другое быстро приедается, а став самоцелью романа, решительно перестает впечатлять, вызывая лишь отторжение.

— Я вас услышал. Можете ли вы что-нибудь посоветовать? В каком направлении мне стоит смотреть при переработке текста?

— Я не хочу сказать, что у вас нет таланта. Вы далеко не посредственность, но... Возможно, вам было бы полезно одно из двух: или поубавить амбиции и написать что-нибудь несколько более скромное, без замашки на грандиозность и славу Гомера с Джойсом, или просто повзрослеть. Поверьте, двадцать лет — слишком рано для того, чтобы браться за, с вашего позволения, *magnum opus*. Работа всей жизни может быть написана лишь по прошествии большей части этой самой жизни. Впрочем, сцена с издателем меня весьма позабавила. Будь на моем месте кто-нибудь более самодовольный, он бы из кожи вон лез, чтобы найти какие-нибудь аргументы для отказа, отличные от приведенных вами в самой сцене. Тем не менее, ваша осведомленность о недостатках рукописи не делает ее объективно лучше, лишь заставляет задуматься, зачем вы изначально пришли сюда.

— Разве это не очевидно? Потому что это есть в книге. Как еще придать чему-то выдуманному значение, если не повторив его в реальности первого порядка? Теперь, когда сцена в редакции крупного издательства подошла к концу, насту-

пило время для миниатюры с монстрами в темноте. Всего доброго!

Ночь. To have and to hold

*Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой.
Эразм Роттердамский*

Что случилось?

Где я?

И где я только что был до этого?

И что это вообще было?

Твою мать.

Вокруг одна сплошная темнота.

К такой темноте глаза никогда не привыкнут.

Я, разумеется, ни черта не вижу.

Только слышу слабый запах ночного воздуха в дуновениях ветра.

Завтра мне на работу.

Вчера я вроде бы умер.

Из этой темноты можно делать сердца для демонов.

Мой мозг будто разделился на три части.

От главной как бы шли ниточки к двум другим.

Словно у моего мозга появились очень далекие районы.

Ставшие полуавтономными.

Одна часть еще помнила, что секунду назад была удивлена.

Скорее даже в шоке.

Словно у нее что-то только что пошло не по плану.

Еще была горечь – горечь поражения.

Другая часть хотела вернуться куда-то.

И чего-то ждала.

Нужно было кому-то помочь.

Еще был ужас – ужас понимания.

Существует ли мое тело?

Я ощущаю конечности, пытаюсь шевелить ими.

Они перемещаются в пространстве, но не могут найти друг друга.

И остальное тело найти тоже не могут.

Забавное ощущение.

Голова как будто... Пуста, что ли.

Как будто черепушку кто-то вскрыл и оставил мозг без защиты.

Я уже настолько привык не видеть, что не чувствую, когда веки закрыты.

Если это – смерть, то она меня не слишком впечатлила.

Я все еще могу думать.

Могу заниматься этим хоть всю вечность напролет.

Наверное.

Все равно рано или поздно вселенная погибнет.

Никакой вечности не будет.

Ну и ладненько.

Я, пожалуй, тут подожду.

Вообще, все могло быть гораздо, гораздо хуже.

Христианский или мусульманский ад куда хуже этого.

Да и буддистский.

Хуже всего была бы, конечно же, абсолютная пустота, небытие.

Но вот это еще можно как-то терпеть.

Но как же, все-таки, мне здесь будет скучно.

Если это вообще смерть, а не какая-нибудь кома, например.

Смерть или кома.

А что, если это – предбанник для еще не родившихся людей, и я скоро появлюсь на свет?

Откуда я тогда знаю все, что я знаю, и могу строить у себя в голове осмысленный текст?

Может, при рождении я все это потеряю?

Да нет, чушь какая-то.

Я в матрице.

Или я – экспериментальный искусственный интеллект, первый в своем роде.

Компьютер с душой.

Откуда у меня тогда тело?

Хотя его наличие все еще под вопросом.

Но если оно есть – значит, оно есть где-то.

Так-с или не так-с?

Да какая вообще разница?

Я не чувствую ход времени.

Ну-ка, попробую посчитать.

Раз.

Два.

Триии.

Четы...

Что это было?

Ладно, я понял.

Считать тут затруднительно.

Дьявол, как же все-таки темно!

Мне бы хватило и искры, и слабого лучика, и секундной вспышки, и далекого огонька.

Хоть что-нибудь.

Кто-нибудь...

Эй, кажется, меня кто-то услышал!

Я вижу свет!

Источник или очень далеко, или очень невелик.

Но он приближается.

Или увеличивается.

Ну и ну, он уже совсем рядом!

Он подплыл прямо ко мне – сгусток света размером примерно с человека.

Если я правильно помню, какого размера обычно бывают люди.

Наконец я вижу свои руки.

Как-то я отошл с тех пор, как последний раз их видел.

А что будет, если я прикоснусь к этому свету?

Вот и ответ – вспышка!

Охренеть, как же тут красиво...

И почему такое место скрывали в темноте?

А я ведь даже не пытался ходить.

Пробыл тут так долго и только руками махал, и не сделал ни единого шага.

Черт, да я бы почти сразу врезался в этот куст.

Ну я и идиот.

Свет, кстати, никуда не делся.

Он, похоже, становится только ярче, обретает более четкую и различимую форму.

Вот теперь это точно похоже на человека.

До чего же хочется еще раз прикоснуться...

Спасибо тебе!

Эй!

Куда все пропало?

Куда делось все вокруг?

Почему свет погас, кто его погасил?

Что я сделал не так?

Прошу вас, верните все как было, умоляю!

Так, в метре справа от меня должен быть куст.

А чуть позади – небольшой водоем.

Куста нет.

Ладно, водоем-то я точно найду.

Просто развернуться на сто восемьдесят градусов и сделать шагов двадцать.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять.
Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать.

Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать.

Девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два...

Что-то не похоже это на воду.

Стоп, это вообще ни на что не похоже.

Я шагаю по... Пустоте?

Так, не паникуй.

Куда могло исчезнуть такое огромное место?

Ого.

Похоже, это я исчез.

И появился в какой-то комнате.

С потолка свисает лампочка на проводе.

Мигает.

Как-то недобро она мигает, если про лампочку так можно сказать.

Так мигали лампы в старых видеоиграх-страшилках.

Какого?..

Или я тронулся, или на стенах этой комнаты наклеены обои с тем прошлым местом.

Ну, которое было похоже на рай.

Точно, вот и куст.

А на стене напротив – водоем.

Мраморная беседка с колоннами тоже на своем месте.

Черт.

Мне кажется, или в углу комнаты кто-то стоит?

Черт, черт, черт, черт, черт.

Свет снова погас.

Твою мать.

Что-то мне не нравится этот холодок в ногах.

Слышу скрип двери где-то сзади.

Шаги.

Направляются ко мне.

Грузные, шаркающие.

Блядь!

Нет, пожалуйста, пожалуйста, не надо, не надо, пожалуйста-
ста, дьявол вас побери, помогите мне кто-нибудь!

Все.

Совсем рядом что-то клацает.

Кажется, когти или зубы.

И даже не один набор.

И не только когти – я слышу звуки ножей.

Шипение змей.

Мне пиздец.

Они уже совсем рядом.

Похоже, обступили со всех сторон.

Надеюсь, это будет быстро.

Аааааааааа!!!

* * *

Что случилось?

Где я?

И где я только что был до этого?

И что это вообще было?

Твою мать.

Вокруг одна сплошная темнота...

Вечер. Шаг пятый из семи

Любой, у кого достанет времени наблюдать за собой и миром вокруг, и достанет ума, чтобы не увлекаться этим чрезмерно, неизбежно придет к мысли, что жить, не питая отвращения к себе – счастливый удел блаженных идиотов.
Альфред Гюйон, “Заключенный”

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда человек на балконе офиса, расположенного в стеклянной высотке почти в центре города, отложил несколько страниц из небольшой стопки в сторону, в задумчивости покусывая нижнюю губу. Первые пять расшифровок дали ему много пищи для размышлений, но ничего не сообщили по существу дела. Все шло к тому, что просмотреть придется их все, что означало ночевку в офисе. Впрочем, ничто не мешало ему на следующий день взять выходной. Человек подтянул поближе к своему креслу один из стульев, что стояли вокруг соседнего столика, и закинул на него ноги, устраиваясь поудобнее. Через несколько минут, вынырнув из своих мыслей, он закурил, взял из стопки бумаг очередную расшифровку и погрузился в чтение.

“О чем ты думаешь? Только о себе, как и я, как и все мы. Я – личность, уникальная и удивительная, выдайте мне иден-

тификационный номер, клеймите, запечатайте и оформите мне карточку в базе данных. Подберите схожих со мной людей и занесите в одну категорию. Присвойте хэштеги. “О, это моя любимая категория – высокодуховные индивидуальности. Воображалы, не умеющие делать ничего, что нужно обществу. Титаны ума и эмоциональные инвалиды. Посмотрите, как забавно и самоуверенно эти спесивые зверьки твердят о своей избранности. Они у меня тут все – творцы внутренних вселенных в застиранных трусах, как на подбор!” Бесконечная рефлексия собственного эгоцентризма, бездна нарциссизма, и при этом уверенность, будто могу искренне любить кого-то кроме себя. Ну да, как же – если только то, что вижу от себя в других людях. Любовь нарцисса и гордеца – любование своим отражением в чужих глазах, не более того. А чем любоваться-то? Какой-то маргинал, нищеврод, наркоман – но мнит себя интеллектом уровня минимум межгалактического. Бог сотен вселенных наспех натягивает растянутые в коленях спортивные штаны, чтобы выбежать в магазин за бичпакетом и сижками – разве не прекрасный контраст? Разве не... исчерпывающий? Ну конечно же, это проблема общества и нашей цивилизации, что по каким-то нелепым причинам безделье и поверхностные нравоучения, основанные на абстрактных, ничем не подкрепленных и эмпирически не проверенных измышлениях, ценятся так низко. Плохое, гнилое общество! Потребление ради потребления, падение нравов, деградация культуры, эксплуатация, вырожде-

ние! Ну, если у тебя ничего не меняется к лучшему, логично предположить, что тебя это устраивает, раз уж ты или ничего не делаешь, или делаешь что-то бесполезное. Что-что, “как узнать, будет ли действие полезным”? Ничего себе запросы. Собирай релевантные данные, строй на их основе гипотезы, проверяй их экспериментальным путем, делай выводы, повторяй снова и снова. Само собой, на любом этапе можно ошибиться огромным количеством способов – собрать не те данные, не суметь их правильно обработать, провести не тот эксперимент, сделать ошибочные выводы, но разве все это так важно, пока ты делаешь то, о чем думаешь, что это правильно? Терпеть или сопротивляться, стремиться или плыть по течению, принимать или отрицать, иметь мнение или класть хер. Как же редко я вспоминаю о том, что никто не может винить мир в своих бедах и неудачах, ведь это его выбор – так жить в таком мире. Выражение “так жить в таком мире” мне нравится тем, что каждое слово в нем – это отдельный способ решения проблемы: не нравится “так” – попробуй изменить свою жизнь, не нравится “таким” – попробуй изменить мир, не нравится “мир” – сделай своим миром книги, дно бутылки, спорт, видеоигры, а остальное игнорируй. Не нравится “жить” – что ж, и это можно изменить. Нет, это не реклама суицида – такие вещи нельзя “навязать”. Просто примем тот факт, что мы все как бы участвуем в игре. Нас записали туда без нашего ведома и привели, в общем-то, силой, но выход никто же не запирает. Хочешь

– играй, не хочешь – иди. Тебя, конечно, как на любой вечеринке, будут уговаривать остаться, говорить, что уходить неправильно и плохо, что самое веселое впереди, шантажировать, использовать, даже отталкивать от выхода. Но стоит тебе захотеть и сказать твердо “нет” – и ты свободен. Не хочешь? Хочешь скорее поменять правила, потому что хочешь все же участвовать, хочешь выиграть? Дерзай, все возможно. Да, вряд ли у тебя получится. Ты можешь внести свой вклад в развитие “оппозиции” среди игроков, и однажды, быть может, что-то и правда изменится так, как ты хотел, но ты к тому моменту уже проиграешь и покинешь игровой зал. Разве не очевидно, что мы почти совсем свободны? Единственное, что мы не выбрали – рождение и с полтора десятка лет, пока не разовьется абстрактное мышление, и не начнут приходить всякие разные мысли. А как только разонравилось – вперед, путь свободен. Какая разница, что чувствуют те, кто остался, ведь это твоя жизнь и твой выбор. Любишь их? Не хочешь причинить боль? Если сильнее, чем желаешь свободы – то это тоже твой выбор, жертвовать собой ради комфорта других. То-то же тебя злит, когда кто-то из них скажет, что ты эгоист... Хочется смеяться. Хочется доказать себе, что еще имеешь власть над своей судьбой, что твоя воля из стали, что ты сделал все, что мог – какая разница, кто увидит, кто поверит. Мне, если честно, плевать, сколько людей это прочтут – один, пять, сто, миллиард – разве что-то изменится во мне? Разве это поможет понять, кто я, чего и почему хочу,

что чувствую, от чего бегу, как меняюсь? Написать книгу, где нет ни одной стоящей идеи, лишь ее поиск в постоянно меняющихся множествах – или схаркнуть смачно в канализационную решетку. Собрать остатки воли и изменить жизнь к лучшему, насколько возможно – или последние деньги выкинуть на такси от девушки, которая не станет для меня никем. Найти выход из воронки рутинной деградации эмоций и ума – или опрокинуть еще стакан под разноголосую групповую акапеллу какого-нибудь старого рок-хита. Что больше меня обрадует? Что для меня лучше? Череду выборов не прервется до самой могилы, холодной и утилитарно-равнодушной. Ничто и абсолют. Все во всем. Каждый и никто. Зеркала восприятия дрожат, искажают реальность, множат ошибки, люди продолжают бесконечные конфликты, которые двигают их жизни вперед, времена года сменяют друг друга, как и климатические циклы – только быстрее, море наступает на сушу и отступает, медленно движутся тектонические плиты. Луна и солнце над нами те же, что и миллион лет назад. Маленький отколовшийся от общей массы кусочек вселенной сидит в кресле и, раскрыв рот, пытается зафиксировать образ мира, стучит о реальность своим грубым языком и мышлением, надеясь докопаться до “великой истины”. И гормоны переполняют его животный мозг, вызывая детскую радость от “познания”. Тысячи таких же отколышей смотрят на свои попытки понять жизнь иронично, заранее признавая свою глупость и ничтожность, что, однако, не спа-

сает их от той же неудачи. Думаете, вселенная непостижима? Вот только мы – тоже ее часть. И что делать, как быть? Как относиться к жизни? Как прожить ее не зря? Единственный ответ, который я нашел: только мне самому дано знать и выбирать, как мне жить, что для меня есть мир, и что есть я сам в этом мире. Ничто и абсолют. Все во всем. Каждый и никто. И, по правде говоря, меня этот ответ вполне устраивает”.

День. Яд каплет сквозь его кору

*The safe word is forgotten
Find pleasure only through pain
Inside this room
We can be famous forever
The Last Ten Seconds of Life – Pain is Pleasure*

Человек, сидящий в бежевом кресле с глуповатым узором из мульташных животных, бросил на психотерапевта взгляд из-под опущенных бровей.

– Вы меня не слушаете, доктор. Это непрофессионально.
– Просто расскажите, что вам не нравится в жизни, и я постараюсь убедить вас в том, что все не так уж и плохо.
– Уверены? Хорошо, слушайте. Начнем с самого начала. Я пытаюсь написать диалог, в котором жалуюсь психотерапевту на свою жизнь. А может и не психотерапевту, а просто какому-нибудь вымышленному знакомому. Или одному из тех придурков, которые втирают за карму, посыл сигналов вселенной, управление реальностью и так далее. Я еще не решил, кто вы, посмотрим, как пойдет. Возможно, вы так и останетесь несколькими репликами без четкого описания произносящего их человека, потому что мне лень, да и вообще я откладываю этот финал уже слишком долго, и теперь времени все меньше. Этот диалог входит в небольшой

рассказ постмодернистского толка, целиком состоящий из отрывочных и слабо связанных между собой сюжетов, настолько маленьких, что их можно было бы назвать скетчами; а этот рассказ, в свою очередь, является частью столь же неклассического сборника сюжетов, который, в свою очередь... Постмодернистский – потому что мизанабим, рекурсия, интроспекция, профанация художественной ценности и все такое прочее, в том числе и презрение к постмодерну, хорошо укладывающееся в рамки постмодерна. Так вот, я пытаюсь его написать, но мне это очень трудно дается, потому что в некоторых предыдущих заметках я уже сполна поплакался о жизни, и делать это снова – значит обозначить жалость к себе как лейтмотив моего псевдотворчества, что не слишком здорово, с ударением на второй слог. Одна из самых больших моих проблем заключается в том, что я не могу с чистой совестью ныть и жалеть себя, потому что внутри у меня сидит злобный циничный карлик, который понимает, насколько жалко и нелепо выглядят мои пустые страдания, и постоянно мне об этом напоминает. Каждый раз, когда я пишу, говорю или просто думаю что-то подобное, этот роботоподобный, сухой и насмешливый человечек всеми своими нейронами противится такому поведению и высмеивает его. И наоборот – когда я не живу, а существую, функционирую, принимаю пищу, высыпаюсь, хожу на работу и утопаю в быту, другой персонаж, сопливый и лирический, ноет, колотит по голове изнутри и не дает мне функционировать

нормально. И между этими двумя крайностями никогда не будет равновесия. Теперь, когда вступление сильно затянулось, я понимаю, что пора переходить к сути, но вспоминаю, что сути нет, и перехожу всего лишь к теме. Я всю жизнь делаю то, что не хочу делать – учусь бесполезным вещам, потому что это желание моих родителей, общаюсь с неприятными людьми, потому что это издержки общественного образа жизни человека, учусь другими бесполезным вещам в месте, которое ненавижу, а хожу туда только для того, чтобы не попасть в еще более отвратительно место и получить бумажку, которая служит простой формальностью для попадания в третье отвратительное место, необходимое для получения других бумажек, которые мне необходимо потратить, чтобы не мерзнуть на улице и не пухнуть от голода, чтобы не скучать, чтобы не быть одному, чтобы не сойти с ума. Чтобы быть в состоянии и дальше зарабатывать эти бумажки, необходимые для зарабатывания самих себя. Даже для нормального человека это странная система, а как насчет типа, который не знает, зачем живет, не видит впереди никакой цели, не идет ни к какой мечте? Понимаете? Смысл жизни в том, чтобы не умирать как можно дольше только потому, что не хотеть умирать – это норма, но потом все равно умереть, попутно создав еще несколько маленьких людей, обреченных всю жизнь крутиться на этой карусели безумия. Как вам это для начала?

– Что мешает вам ходить в те места, которые вам не от-

вратительны? Почему вы не поступили в другой ВУЗ, в тот, который бы вам нравился, где вы бы узнавали что-то интересное? Возможно, если бы вы занимались чем-то, что вам нравится, вы бы не стали так много задумываться о том, зачем вы это делаете.

– А есть где-нибудь университет лени, институт залипания в сериалы, высшая школа саморазрушения, академия фрустрации или еще что-то подобное?

– Как насчет более конструктивных занятий, вроде путешествий, общения с новыми людьми, поиска новых увлечений, участия в общественной жизни?

– Боюсь, что я в этом очень плох. Что касается общения и участия – я не чувствую связи с людьми, которых не знаю, не могу и не слишком-то хочу вливаться в новые компании, потому что я социальный инвалид, лишенный эмпатии на бытовом уровне, не умеющий найти точки соприкосновения и общего интереса, не умеющий вести себя, как часть группы, не умеющий поддерживать связи и проявлять социальную инициативу. Возможно, я бы сумел научиться всему этому, если бы испытывал острую необходимость, но меня эти дисфункции не особо беспокоят сами по себе, и лишь иногда я испытываю скуку, свойственную человеку, чья жизнь застоялась без влияния извне, лишенная новых впечатлений и опыта.

– То есть все, что вам необходимо – это валяться в постели, есть, курить, пить и развлекаться?

– А что в этом плохого? Я хотел бы путешествовать, но я не слишком люблю другие культуры. А если точнее, то культуры-то мне интересны, но в отрыве от их носителей. Я же не могу выгнать из Рима всех римлян, чтобы побродить по Колизею, не могу сделать так, чтобы улицы Чикаго или немецкие соборы опустели, не могу заставить скандинавские фьорды в их изначальной и естественной безлюдности? Где-то – неприятный климат, где-то – странные законы и обычаи, где-то все слишком дорого, и везде – границы. И везде – люди. Мне плевать, что это звучит высокомерно, но люди в большинстве своем мне не нравятся. С другой стороны, меня оправдывает то, что я и сам себе не нравлюсь. Еще я хотел бы стать художником, но знаю, что, даже будь у меня талант, везение и усердие (а их у меня нет), я бы все равно не смог изобразить то, что хочу изобразить, именно таким, каким я его вижу у себя в голове. Чисто технически не смог бы, как чисто технически невозможно изобразить реку с тремя берегами или объективно описать определенный цвет. Черт с ними, с картинами, я и писателем хочу стать, вот как раз даже пытаюсь писать, но ничего не выходит. Если даже самому себе я кажусь бездарностью и графоманом, то легко предположить, что на деле я еще хуже. Это как с отражением – человек видит себя в зеркале во сколько-то там раз красивее, чем он выглядит в реальности. И вот я смотрю в отражение и понимаю, что на самом-то деле все даже хуже, чем это вижу я, и мне даже как-то неловко представлять, каким меня видят

другие. Вот если бы я казался себе насквозь гениальным писателем, у меня был бы шанс оказаться не совсем уж полным нулем, а хотя бы таким локальным середнячком, чуть лучше авторов пропагандистско-шизофренических писулек или дамских детективов, но ведь нет такого чувства. Я дико хотел бы стать рок-звездой, авангардистом какого-нибудь нового, совершенно безумного жанра, напиваться в хлам в номерах шикарных отелей, орать со сцены до хрипоты, биться головой об инструменты, публично снюхивать кокаин с гитарного грифа, давать скандальные интервью... Но я совершенно не разбираюсь в создании музыки и не имею ни слуха, ни голоса, ни чутья на хайп. Я очень многого хотел бы достичь, если бы для достижения всего этого нужно было преодолеть всего лишь лень или ряд неудач, а не собственную природу и законы, как естественные, так и общественные. С работой то же самое – она не вызывает ненависть только в том случае, когда это не работа, а хобби. Если вы придумаете, как можно зарабатывать деньги на потреблении продуктов искусства, бесцельном шатании по городу, демагогии или самокопанию – клянусь, я буду до конца жизни отдавать вам половину прибыли. Хоть сейчас расписку напишу, хотите? И это все при том, что зарабатывать на своих увлечениях стараются многие, но получается у одного из сотен, если не из тысяч. Насколько же нужно быть наивным, чтобы считать, будто этим кем-то будешь именно ты? Почему бы тогда просто не покупать лотерейки? Вот поэтому я хочу про-

сто валяться. Ничто другое уже не приносит мне даже такого минимального удовольствия – простейшего, на физическом уровне.

– Главное – пытаться чего-то добиться. Да и не все ведь сводится к деньгам.

– Если вы сейчас скажете что-то в духе Джона Леннона, то я не могу обещать, что сумею сдержать порыв неконтролируемой агрессии. У вас там под столом что, мотивирующие картинки для идиотов спрятаны? Что нельзя купить за деньги? Здоровье? Да плевать мне на здоровье. Я вряд ли доживу до того возраста, когда проблемы со здоровьем выходят в жизни на передний план. Семья? Не знаю, должно ли мне быть стыдно за это, но семья меня не слишком-то волнует, потому что идея семьи и отношений между детьми и родителями мне кажется неприятной и даже враждебной для психики. Постоянные ссоры, взаимная неприязнь и даже ненависть, которую уравнивает только чисто животный инстинкт заботы о потомстве, собственное недобровольное рождение, неизбывное иррациональное чувство долга непонятно за что – как все это может вызывать хорошие эмоции?

– Очень странный взгляд на семью. Это ведь люди, которые всегда поддержат вас, поймут и помогут чем угодно, пожертвуют личными интересами ради ваших. И это, наверное, единственные люди, которые любят вас безусловно, просто потому что вы их ребенок.

– А это разве не условие? Не будь я их ребенком, они бы

меня не любили. И не надо про усыновленных детей, прошу вас. В мозгу родителя усыновление просто подменяет на рождение – для большего психологического комфорта. Как вы думаете, почему подростки-сироты не особо пользуются спросом у усыновителей? Потому что у любого самообмана есть предел возможностей. Теперь про “всегда поймут” – да с чего вы взяли? В каких фильмах вы, взрослый человек, этого насмотрелись? Родители и дети постоянно не понимают друг друга, а первые жертвуют своими интересами ради вторых в рамках других своих интересов, менее очевидных и более глобальных. Но они ведь еще и ждут чего-то от вас, требуют чего-то. И страх, а позже – просто нежелание разочаровать родителей очень сильно влияют на людей и их жизни. Представьте такого условного человека, кто искренне ненавидит себя и мир вокруг, потерял всякую веру во что-либо хорошее, по утрам хочет умереть, а к вечеру уже готов убить себя сам, но не может этого сделать, потому что не хочет причинить чудовищную боль людям, сделавшим его жизнь смыслом жизней своих, пусть он об этом и не просил. И он терпит день за днем, никак не решаясь оставить этих странных чудаков наедине со сквозной пустотой в душе, сердце или еще чем-то таким, наедине с ужасом того, что они не смогли уберечь, понять, исправить, просто заметить или воспринять всерьез какое-то роковое искривление оси, вокруг которой они построили половину своей жизни, душа ненависть друг к другу ради того, что теперь поломано и мертво. А они об-

виняют его в бесчувственности, безразличии, черствости и еще какой-то несусветной ахинее. Разве может это хоть кому-нибудь нравиться? Непрерывно доказывать свое отношение на деле и все равно выслушивать подобные нотации. У этого условного человека вряд ли будут сплошь радужные представления о семье.

– В дружбу вы тоже не верите?

– Дружба? Я не умею дружить. Настоящих друзей у меня почти не осталось, да и эти несколько человек скоро уйдут, потому что дружба строится на взаимной выгоде, взаимном удовольствии от общения. Когда одному человеку становится совсем уж неинтересно с другим, они перестают общаться. Вот и вся дружба. Что еще там не купишь за деньги? Совесть, молодость, честь, ум, счастье, бла-бла-бла... Это все или не ценности сами по себе, или недоступно для меня в принципе, хоть с деньгами, хоть без них. Ну и, разумеется, любовь, как же без нее. Вот только девушка, которую я люблю, никогда не будет со мной, что бы я ни делал и как бы ни старался, ведь я даже не знаю, могу ли я вообще что-то с этим сделать. Я настолько слабо верю, что уже второй раз прямо говорю о своих чувствах к ней глупо и не по адресу, что, наверное, не очень-то красиво. Но какая к черту разница, как я это говорю и кому, если я все равно уже никогда не произнесу эти слова, стоя напротив, глядя ей в глаза и все такое. Ты просто знаешь, какой вариант будущего был бы правильным и счастливым, точно так же, как

знаешь, что именно этот вариант никогда не сбудется. Смог бы сраный Хатико приходить на вокзал каждое утро, если бы в своей маленькой собачьей голове понимал, что хозяин не вернется? А я ведь все-таки не собака. Я все понимаю. Но продолжаю чего-то ждать, ненавидя себя за эту глупость и надежду. Открыв свое сердце любви, вы рискуете впустить туда ненависть. Жизнь сложнее, чем пафосные слова на картинках, чем расхожие советы, чем психотерапия, чем философия, чем шаблонные ответы и методики достижения счастья. Жизнь сложнее вообще всего. А вся ирония в том, что большинство людей наотрез отказываются признавать ее бессмысленность и абсурдность, веками поддерживая собственное убеждение в благорасположенности вселенной к ним и их мелким существованиям. Пропаганда оптимизма – величайшее и самое неизбывное зло на свете.

– В вас говорит юношеский максимализм. Вы полюбите еще, и даже не раз, и с каждым новым расставанием это будет становиться все менее болезненным чувством. А потом вы, если повезет, встретите человека, с которым у вас все будет продолжаться так долго и хорошо, что со временем отношения станут почти неуязвимы.

– Так вот что такое любовь по-вашему? Это и есть “величайшее из сокровищ”? Всего лишь удачное стечение обстоятельств, терпение и привычка? Не желаю иметь с этим ничего общего. Даже гормонально-химическое объяснение – и то звучит не так мерзко, как эта приземленная чушь. Ес-

ли это и правда так, то чего стоило все, что было до? Если все, что я чувствую сейчас – ничего не значит, то как я могу быть уверен, что эти ваши “почти неуязвимые отношения” что-то значат? Вы роняете бокал на пол, и он разбивается. Вы роняете следующий – он разбивается со второго раза. И так продолжается до тех пор, пока один из бокалов не падает раз двадцать, оставаясь при этом невредимым. Но откуда вам знать, что он не разобьется на двадцать первый? Сорок первый? Все предыдущие разлетались на осколки, так почему этот не должен разлететься? Всем своим партнерам люди говорят, что любят их, и что эти чувства – особенные, и сами эти партнеры для них уникальны, а потом они расстаются, и этот бред слышит уже новый человек, и все в это верят, потому что так принято. Принято лгать, бросаясь шаблонными фразами, не отвечать за свои слова, не признавать свою ложь ложью, впоследствии – оправдывать ее надуманными причинами. Полный бред. Как вы вообще живете с такими убеждениями?

– Должен признаться – довольно счастливо живу. А вы как живете со своими нетерпимостями, слепым идеализмом и злобой?

– Несчастливым, как и большинство людей. Черт с ними с высокими чувствами – в вас так глубоко сидят инстинкты и рефлексы, что вряд ли можно переубедить. Но подумайте вот о чем: бывает так, что человек не может воплотить свою мечту, получить все, что хотел, ему не всегда везет. Так ведь?

– Допустим, так.

– Видите ли, жизнь, в которой я не смогу сделать ничего из того, что представлял и хотел воплотить – полное дерьмо, в ней нет ничего кроме скуки, быта, рутины, потерь, одиночества, разочарований, неудач, зла, пошлой банальности, деградации и идиотизма. Это не жизнь, а плен, рабство в реальности, бесконечно доказывающей тебе, что твоя свобода действий, воли и выбора – просто пшик, ложь.

– То, что не всегда все получается – это не причина полагать, будто “свободы и выбора нет”. Просто потерпев ряд неудач, люди склонны относиться ко всему пессимистично – защитный механизм скепсиса, когда изначально вероятным считают все плохое. Если воля слаба – человек еще и постепенно прекращает пытаться что-то изменить, тем самым складывая с себя груз ответственности за свою жизнь, ведь уже считает, что все предопределено, и он не в силах ни на что повлиять.

– Ну да, вместо этого ведь можно обманывать себя, благо есть из чего выбирать – от самых разных веществ, помутняющих разум, обжорства, залипания в сериалы и сна, до общения с людьми, создающего иллюзию того, что ты не один и так называемого развития, самореализации, хобби, карьеризма и прочего. Это путь оптимиста – человека, видящего выход во всем подряд – и постепенно убеждающего себя, что нашел. Если я хотя бы могу признаться – и вам, и себе – в своем бессилии и разочаровании в жизни, то вы не може-

те признать, что ваше “счастье” – иллюзия, самообман. Вам бросили кость, и вы решили, чтобы не было обидно, притвориться псом. И так и будете притворяться, пока общество, государство и ваше окружение будут бросать кости.

– Чепуха. Я всегда знал, что мне нравится: это те вещи, которые меня радуют, заставляют улыбаться, дарят приятные ощущения. Если в вашей системе координат они невысоко ценятся – что ж, дело ваше. Но я буду продолжать заниматься теми вещами, которые вы перечислили, и получать от них удовольствие.

– Но если у вас нет над этим настоящего контроля, и от вас почти ничего не зависит – в этом нет смысла, тогда вы просто безмозглый юнит в игре, делающий то, что предполагают обстоятельства. Это смешно и жалко – видеть, как люди убеждают себя, что им здорово от всего этого: отрывка искусства – поп-культура, однообразная работа, лезущая в жизнь, тупые хобби вроде катания на роликах или склеивания моделей самолетов, разговоры ни о чем, лишь бы не молчать, пьянки, на которых клоуны развлекают овощей, тусовки среди незнакомых и неприятных людей, безделье и праздность, изменение сознания всеми способами подряд в попытках развеять скуку реальности, смена партнеров – будто примерка чужих гениталий, убогие попытки творчества, обреченные на неизвестность, сплетни, игры на чувствах, вера медиа и властям, интриги, потуги манипулировать другими людьми, унылые семейные праздники...

– Дело в вашем восприятии. Негативный опыт выработал у вас негативное же восприятие, и теперь даже хорошее вы видите только с негативной стороны. Однако это предубеждение, это когнитивное искажение, результат неправильно-го анализа мозгом реальности, и лишь из-за своего мрачно-го окраса результаты этого анализа вам кажутся верными и рациональными – ведь вы уже подсознательно ассоциируете истину с чем-то отрицательным. Остатки надежды вы принимаете за “голос сердца”, глупого и наивного ребенка, а колоссальную массу уныния и отчаяния видите “путем разума”, который должен быть “ясным”, “холодным”, сам разумный человек – сухим, саркастичным, хладнокровным. Но это лишь архетип, в который вы себя сначала загнали, а теперь срослись настолько, что сами стали стереотипом. Неужели в вас совсем нет веры в лучшее? Если не в то, что лучше будет, то хотя бы в то, что это возможно?

– Лучше скажите, кто будет в ответе за мои неудачи, если я умру, так ничего и не добившись, но положив на бесплодные попытки свою жизнь? Без фундамента в виде счастья, которого я не могу достичь, пока не воплещу свои мечты, которые я не воплещу, пока кардинально не изменюсь, чего я не сделаю, пока у меня нет веры в то, что у меня получится, во что я не поверю, пока что-то не станет хоть немного лучше. Ну да, я никогда не буду счастлив, не имея достаточной власти над своей жизнью, над каждой ее сферой, и не смогу кормить себя иллюзиями о том, что мне по-настоя-

щему нравится заниматься чем угодно, а у несчастной жизни нет ни смысла, ни ценности. Человек, которому для счастья непременно нужно что-то эдакое, высокое, волшебное – долбоеб, и у него не получится измениться, и он всю жизнь будет страдать от того, насколько мир далек от его идеалов. Романтикам не место в мире похоти, идеалистам не место в мире цинизма, слабым нет места в стае хищников. Вы живете так, как вам диктуют, приказывают, советуют, нашептывают, вводят в сознание с 25 кадром, вы живете для того, чтобы обеспечивать интересы тонкой прослойки настоящих людей, которые и превратили вас в толпу рабов. Они у вас в голове, и все ваши взгляды, самое сокровенное и личное, вся ваша система убеждений и ценностей, мнения, привычки, предпочтения, слова, мысли и чувства – всем управляют помимо вас, и сделали эту теорию заговора настолько общеизвестной и нелепой, что для многих даже думать, будто кто-то там их зомбирует – моветон. Вам плевать на политику, вы не смотрите телевизор, не читаете газет, вы живете, не знаю, искусством и общением с людьми? Плевать, все вы в одинаковой степени зомби, на вас просто влияют через другие каналы, вот и все. Вы и безвольное стадо, слепо подчиняющееся всему подряд, а затем выдумывающее для себя постфактум причины и поводы, и в то же время свора цепных псов, готовых порвать и затравить любого, кто почему-то не ведет себя так же. О, это звучит банально, избито, глупо? Для вас это так звучит лишь потому, что вам вживили в мозг это

мнение, у вас в голове создали схему, по которой такие речи вы расцениваете как бред или что-то неважное. И при этом называете меня заложником образа, зависимым от негативного восприятия. Весь наш разговор – это столкновение наборов стереотипов, когда уже сам язык для нас неодинаков. Вашу жизнь тратят за вас, откупаясь “развлечениями”, про которые я говорил раньше. Жри больше, зарывайся в шмотки, потребляй еще, суй глубже, кричи громче, пей без конца, упарывайся сильнее, набивай себя новой информацией, забывайся и дальше, ни о чем не думай, веселись, веселись, веселись, развлекайся – вот он, смысл жизни!

– А в чем ваш смысл жизни? Любой ценой не стать счастливым?

– Всего хорошего, доктор.

Вечер. На орбите безразличия

*Готов ли я к тому, чтобы шагнуть из мира своих мыслей – к настоящим людям, с их настоящими проблемами и жизнями? Вот что гнетет меня, подолгу не давая уснуть ночами.
Страница, вырванная из неопознанного дневника*

Летняя ночь несла с собой прохладу, которой так не хватало днем. Человек на балконе еще чувствовал себя вполне комфортно, наслаждаясь свежим ночным воздухом и легкими дуновениями ветра, порой пытающегося похитить несколько верхних документов из стопки бумаг, лежащей на столе, но та была придавлена телефоном. Человек вышел на несколько минут за кофе в коридор офиса, и по возвращении на балкон с новыми силами приступил к чтению очередной расшифровки, уже десятой по счету.

“Мир фантазий искажен. Особенно эти места. Тяжело оказаться правым в чем-то плохом, тяжело оказаться неправым в чем-то важном, основополагающем. Вроде как если бы ты, будучи в другой стране, пришел в магазин сувениров, чтобы купить что-нибудь эдакое маме с папой, а потом вдруг вспомнил, что у тебя нет родителей. Или пример получше: ты – медиевалист, годами изучаешь биографию Ричарда III, ищешь захоронения, документальные подтверждения, споришь с людьми, выстраиваешь картины и истории, а потом к

тебе приходит автор книги “Львиное сердце” и говорит, что нету никакого Ричарда, что это он его выдумал. Когда то, во что ты веришь, самое важное в твоей жизни, оказывается обманом – точнее, просто не тем, что ты в этом видел, получается, что это ты занимался самообманом, и выстроил свою жизнь вокруг иллюзий, и поэтому она начинает рушиться.

Знаешь, что я думаю о человеке? Что у человека должна быть суть, стержень, что-то, что не меняется. Он может жить как, где, с кем и сколько угодно, у него может измениться в жизни все, он сам может радикально измениться, но суть должна оставаться неизменной, она должна быть осью, на которую наслаивается все остальное. Не будет ее – не будет на что цеплять характер, привычки, занятия, вкусы и тому подобное. Тело и паспортные данные – это не суть, их тоже можно изменить. Если не будет главного – этой оси неизменных черт – то нельзя будет сказать, что перед тобой конкретный человек, который был в этом теле год назад. Им может быть любой, это человек без собственного “я”. Когда ты просто живешь, как живется, наслаждаясь мимолетными удовольствиями, это не так уж и важно, есть у тебя суть или нет.

Истинный, абсолютный гедонист – счастливый потребитель плотской радости, ему для счастья нужно совсем мало, но при этом он не сможет по достоинству оценить интересную концепцию фильма, вдохновиться серией апокалиптических полотен, не сможет сам создать ни единого стояще-

го элемента искусства, не сможет испытать по-настоящему сильных чувств и переживаний, не сумеет вообразить что-то, чего никогда не видел. Это не хорошо и не плохо – просто одни люди получают максимальный кайф от простых вещей, другим простого не хватает, и они стремятся к чему-то “высокому” или “великому”, третьи находятся где-то посередине. Наверное, удобнее быть посередине – баланс, гармония и все такое. Или нет?

Находя во всем баланс, не впадая ни в какие крайности, ты не можешь узнать, каково оно – на одном из полюсов, у тебя нет бонусов от нахождения в пиковом состоянии. Тут как в ролевках: если при создании персонажа все характеристики сделать одинаковыми, и качать их тоже равномерно, в итоге не достигнешь мастерства ни в чем. Даже когда крайности деструктивны, от них есть польза – ты узнаешь то, что недоступно другим. Ты любишь, как не любил никто, и это открывает перед тобой разные двери, которые тем, кто не испытывал таких сильных чувств, никогда не откроются, ты через это видишь мир под углом, под которым никто больше не посмотрит, у тебя рождаются идеи, мысли, эмоции – уникальные, ведь они открываются только на пике. Ты озлоблен, как никто – и это дает тебе новые возможности, поднимает все твои характеристики, меняет сам образ мышления. Ты одинок, как никто, и это учит тебя искать пищу для ума в чем угодно, учит быть с собой, учит анализировать, это освобождает тебя от ответственности, слабости, зависимости. Ну

и так далее. Люди, во всем ищущие золотую середину, постепенно лишают себя всего яркого и сильного, оставляя в своей жизни лишь умеренность, стабильность, рутину – это меня пугает, ведь это и есть самая грустная концовка любой истории, даже хуже, чем “все умерли”.

Возвращаясь к сути человека... Когда ты на отрезке “тяга к простому/сложному” находишься справа, там, где хочется всего особенного, высокого – тебе суть просто необходима. Ведь в душевных метаниях ты потеряешься, сойдешь с ума без нее – все твоё “я” разлетится во все стороны, если не будет закреплено на оси из чего-то фундаментального и неизменного, что ты с собой и ассоциируешь. Сутью человека может быть что угодно – от мечты, черт характера, ценностей и идеалов до вкусов, отношений с кем-то, внешнего образа или занятия. Вообще что угодно. У меня сутью было несколько вещей: набор этических, политических, социокультурных и правовых взглядов, несколько неубиваемых предпочтений в искусстве и в быту, включая еду, одежду и привычки; естественно, темперамент, еще – наивная и абстрактная мечта о том, чтобы изменить мир к лучшему, и одно чувство, сравнительно новое в этом наборе. Эти элементы и были осью, поддерживающей все остальное, что составляло меня как человека. Да, с последним я совершил ошибку. Кое-кто сказал мне, что это прекрасно – что-то такое возвышенное и сильное, но на самом деле это чудовищно – ведь прекрасное чувство, не нашедшее выход, не реализовавшее себя, мути-

рует, испортит человека и принесет много плохого. Реализовать его как-то иначе? Это не энергия, которую можно преобразовать и направить на различные нужды человека; если выбрать не тот способ реализации – не будет никакого эффекта. Как реализовать искрящийся электричеством штекер, выпавший из гнезда на панели приборов? Вставить его обратно в гнездо, вновь запитав приборы током. Можно его кинуть в человека, опустить в бассейн, поджечь газ в конфорке, поднять им волосы дыбом – много чего, но это такие себе варианты. Так что запертое внутри чувство, которому не дают выхода – это болезнь, и болезнь опасная, и ее нужно лечить. Как именно ее лечить – личное дело каждого, я знаю, что никто никому ничего не должен, в том числе не должен помогать разбираться в личных проблемах, это взрослый и адекватный взгляд на вещи, и я это принимаю.

Когда-то мне хотелось сказать очень многое, и чем больше я распинаялся, тем больше мне приходило на ум. Но почти всегда слова, что я говорил – другим людям, коллегам по биологическому виду, близким и не очень, лично и публично – встречали лишь пустоту, были поняты неправильно, не услышаны, проигнорированы. Мне оставалось понять, что миром правит, в первую очередь, безразличие и притворство. Если слова не дают никакого эффекта, значит, пора учиться молчать.

Я думаю, что в целом почти все мы, изначально, неплохие люди. На всех нас что-то повлияло, сделало теми, кто мы

есть. И все наши беды не в том, что мы жестоки или злы, а в том, что мы слишком равнодушны. Даже не друг к другу, а к самим себе. Мы не только не хотим понимать других, но и почему-то не стремимся к тому, чтобы поняли нас. Мир, который построило человечество, унаследовали те, кто живет сейчас, и они его немного изменяют и передадут дальше, следующим поколениям. Наши предки не хотели нести ответственность за будущее, как не хотим и мы сейчас думать о том, как будут жить наши потомки. Ведь какая разница, если мы умрем прежде, чем наши действия принесут плоды? Быть может, их не застанут даже ближайшие поколения. Ничего странного в том, что у нас нет видовой коллективной ответственности, нет солидарности в обществе. Оно слишком инертно, чтобы мы могли оценить последствия своих действий. И нет никаких предпосылок к тому, что такая ответственность появится, разве что будет изобретена технология клонирования, или бессмертие – биологическое или информационное. Стоит ли мне из-за этого переживать, стоит ли чувствовать вину за то, что я такой же – смилившийся, эгоистичный, равнодушный фаталист? Чужая боль – не моя боль, моя боль – не чужая боль.

Однажды я предал чувство, в которое искренне верил, о котором говорил, что оно будет со мной до конца. Я ошибся, как ошибаются в этом все и всегда, и спустя некоторое время равнодушно перешагнул через обещание, которое дал самому себе. Кто-то мог бы в таком случае сказать, что он стал

реалистом, или повзрослел, или снял розовые очки, или еще что-то в этом духе. Но, как по мне, я таким образом предал самого себя, и, что еще хуже, сумел себе это простить, оправдав тем, что все меняется. И это лицемерное оправдание, и незаслуженное прощение – еще большее предательство.

Сегодня ты отбросил память о том, что когда-то любил, а завтра ты положишь хер на свою мечту изменить мир, потому что она такая же наивная и глупая, как и твоя уверенность в том, что любовь не проходит. Соглашаясь молчать, отказываясь понимать других, отбрасывая идеализм и останавливаясь, встретив равнодушие, я осознанно делаю первый шаг прочь от своей мечты. Я говорю себе: ничто не имеет значения, ни для чего нет какой-то определенной причины, никто никому ничего не должен. Полный безразличия взгляд скользнет по тому, мимо чего я бы раньше не смог пройти спокойно, и я просто двинусь дальше – черт знает куда, в направлении гедонизма и забвения, искать место, состояние или занятие, в котором спрячусь от реальности, полной разочарований. Я сотворю себе бога из интернета, бухла, игр, веществ, очередной выдуманной вселенной, хобби или подобия творчества, котов, патриотизма или коллекционирования огнестрельного оружия, вариантов миллионы. И никто не скажет, что я неправ, потому что это и есть наша всеобщая идеология – марафонский забег от реального мира в пустоту, под знаменами оптимизма и потребления, прочь от боли, прочь от искренности, прочь от ответственности за

самих себя. И у каждого, кто вот так будет критиковать эту идеологию, спросят: а разве ты сам не такой же, лицемер? Может и такой же. А даже если нет – тебя в этом убедят, а даже если не убедят – спросят, чего же ты достиг в своей контркультурной житухе? Может и ничего. А даже если чего и достиг – тебя убедят, что нет, это ничего не значит, а даже если не убедят – просто исключат из поля внимания. Если весь мир – тюрьма, то не проще ли принять, что это нормально, и начать оскорбляться, когда тебя называют зеком?

И однажды любой, кто сопротивлялся, поймет, что может выиграть несколько маленьких битв, но не выиграет войну. Войну, которую мы не хотим даже видеть. Как бороться с тем, чего не существует? Ты все выдумываешь, чепуху какую-то несешь, какие-то войны, марафоны, плохой мир. Ты нездоров, ты болен, ты дурак. Нас не спасти. Сгори вместе с нами. Твоя любовь умерла, твоя мечта умерла, твое детство закончилось, твои взгляды и предпочтения изменились, деградировали, ты сдался и предал себя, ты не герой и не гений, ты просто человек. Сгори вместе с нами и исчезни в пустоте. Больше нет никакой оси, которая бы скрепляла твою личность, у тебя больше нет сути, ты покинул крайности и занял место среди таких же никаких, в серой середине обыкновенности. Сгори вместе с нами, исчезни в пустоте, растворишься в бесконечном забвении. Ты развеешься, как дым, и никто в этом мире не вспомнит, что ты жил”.

Ночь. Вещи сломанные, вещи утраченные

Предназначение идеи бога и вообще религии – не только в том, чтобы давать людям надежду на осмысленность их жизни и попадание в рай после смерти, не только в том, чтобы контролировать массы, ограничивая их моралью в виде заповедей, наставлений и запретов, но еще и в создании самоочевидного, даже не требующего осознания и артикуляции предположения, что есть некая первопричина для всего, есть некий сюжет, цель, что мир – не просто хаотичное и далекое от самого понятия осмысленности место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.